

НИКОЛАЙ
ТИХОНОВ



МОСКВА
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1974

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В СЕМИ ТОМАХ

ДЗНГ ОМ
"АКТУАЛНИ РАБОТНИ" /
1974

МОСКВА
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1974

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ
ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПОЭМЫ
ПЕРЕВОДЫ

МОСКВА
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1974

518 0407
17-(10)850

P2
T46

Примечания
И. ГРИНБЕРГА

Оформление художника
В. МАКСИНА

Т 70402-317
028(01)-74 подписное

СТИХОТВОРЕНИЯ

НА ВТОРОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ МИРА

1950-1951

ВО ИМЯ ЛУЧШИХ РАДОСТЕЙ НА СВЕТЕ

Во имя лучших радостей на свете
Собрались мы со всех концов земли.
К нам на конгресс пришли с цветами дети,
Как вестники весенние пришли.

Там, за стеной, был город доброй славы —
Здесь голуби летели на стекле, —
И маленькая девочка Варшавы
Среди цветов стояла на столе.

Бывает так: вся сложность пролетает
Пред вами, как простейшая строка;
И я увидел: на плече Китая
Лежит ребенка легкая рука.

И смотрит он веселыми глазами
В огромный мир, как в этот светлый зал,
Как будто слышим нашими сердцами
Все то, о чем еще он не сказал.

Зовут его Анелей или Ядей, —
Все имена ему принадлежат! —
И все миры в его чудесном взгляде,
И все дороги перед ним лежат.

И в прелести сияющей и тонкой
Не просто юной жизни торжество:
Все будущее в образе ребенка
Стоит и просит защитить его.

РУБАШКА

Сняли нам веселые подарки —
Платки и голубки,
По залу шел над зыбью флагов ярких
Свет голубой реки.

И день и ночь струился этот зыбкий
И теплый свет,
И в этом зале не было б ошибкой
Сказать, что ночи нет.

Встал человек, — ну, как сказать короче;
Пред нами встал таким,
Как будто он пришел из бездны ночи
И ночь вошла за ним.

«Мой друг — сторонник мира в Парагвае,
Его со мною нет,
Он шел сюда, дорогу пробивая...
Его убили! Вот его привет!»

И в зале все, кто как ни называйся,
Увидели, вскочив,
Кровавую рубашку парагвайца,
Висевшую, как в голубой ночи.

А друг держал кровавые лохмотья,
Стояли мы в молчании глухом
И видели, как обрастает плотью
Что на словах борьбою мы зовем!

ФЛАГ

На столах простых и длинных
Флаги разные цветут,
Чтобы сразу было видно,
Что за люди сели тут.

Вот он — флаг советский, красный,
Всем понятен этот флаг,
И вокруг как будто ясно,
Кто сидит, — а вот не так!

Посмотри: и в самом деле,
Сколько дружбы на земле;
Тут присел индус из Дели,
Старый докер из Кале.

Китаянки сели тоже,
Где подруг советских ряд.
Помешать никто не может,
И, как сестры, говорят.

Говорили, как умели,
Речь сердечная проста,
Негры тоже с края сели
На свободные места.

К неграм бросился, взревевши,
Занеся незримый хлыст,
От досады пожелтевший
Вашингтонский журналист.

«Что, вам в этом зале тесно?
Здесь сидеть нельзя никак,
Вам, конечно, неизвестно,
Под какой вы сели флаг?»

Длинный негр вздохнул всей грудью,
Улыбнулся заодно:
«Этот флаг, скрывать не будем,
Он известен нам давно.

Нет подобного на свете,
Мы хотим сердца погреть,
Мы хотим под флагом этим
Хоть немного посидеть!»

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ НА КОНГРЕССЕ

Отец приносил газеты в дом
И радио слушал,
Кричало радио все об одном,
Газеты терзали душу.

И, не стесняясь, что дочь мала,
При ней говорил он:
«Нас ждут ужасные дела,
Ужасная могила.

Или с неба слетит атомный гром,
Взрыв без осечки,
Конечно, пылью исчезнет дом,
А мы сгорим, как свечки.

Или с неба любые бомбы слетят
На головы наши,
Это будет такое, что самый ад —
Игрушки одни, мамаша.

Или с неба сбросят на нас чуму
Холеру, сверхлихорадки, —
И дома умрем мы по одному, —
Тоже несладко...»

Слушала дочка, хоть и мала,
Все понимала,
Она ни есть, ни спать не могла,
Всю ночь вздыхала.

И мать она разбудила, когда
Ночь уже шла к рассвету:
«Уедем, мама, с тобой туда,
Где неба нету!»

ПАК ДЕН АЙ

Как описать неслыханно простое
И где сказать рассказу: начинай!
Сорвался зал со всех своих устоев,
Когда сошла с трибуны Пак Ден Ай.

Вскочили люди на столы и стулья,
А женщины восточных стран толпой
Бежали к ней в таком всеобщем гуле,
Как будто в зал обрушился прибой.

И первая из женщин, перед нею
Упав ничком, поцеловала пол,
Как землю той истерзанной Кореи,
Чей образ здесь по всем сердцам прошел.

И женщины плащи свои снимали,
На Пак Ден Ай накидывали их,
Как будто дар особый получали
Плащи, коснувшись Пак Ден Ай на миг.

И целовали в губы, в шею, в щеки,
Края ее одежды, рукава.
В глазах темнел такой восторг глубокий,
Что от него кружилась голова.

И под руки ее вели. Гвоздики
Ей дали в руки. Алые цветы
Таким густым огнем горели диким,
Как кровь на платье снежной чистоты.

Кругом кричали, плакали и пели;
Одной семьей, как будто все свои,
Ее несли, купая, как в купели,
В неистовстве невиданной любви.

Свой новый день Восток сегодня славил,
К ней Запад руки гордые простер,
Ее внесли в президиум, поставив,
Как светлый, вдаль сияющий костер.

Спокойная, недвижимая, вся в белом,
Она стояла, замкнутая в круг,
И, вздрогнув всем легчайшим, гибким телом,
Народам в пояс поклонилась вдруг.

Казалось, что конца не будет гулу,
Что навсегда он с этим залом слит,
Глаза людей Корея повернула,
Чтоб видели, откуда враг грозит.

Грозит всему, что жизнью называем...
В огне, в крови далекий милый край,
Как статуя стояла здесь живая
Корея, воплотившись в Пак Ден Ай!

И в волны криков, песен, восклицаний
Она сошла спокойно и светло,
И медленно вошедшее молчанье,
Как облаком, ей плечи облегло.

И все вернулись, как из сновиденья,
Где их кружил живительный поток,
Таким опустошенные волненьем,
Что был, как тяжесть, воздуха глоток!

ДЕЛЕГАТ

Широкогубый, темнолицый,
Сидит он, трубочку сосет.
Он на конгрессе, он в столице,
Он по-варшавски кофе пьет.

Он видел маленькое чудо,
Когда огромный голый цех
Был превращен из темной груды
В дворец, сверкающий для всех.

Он чудо видел и побольше,
Почти похожее на сон,—
Когда пришли в столицу Польши
Борцы за мир — и с ними он.

Подумать только — даль какая.
«А я вот эту даль люблю!»
И, дым из трубочки пуская,
Он вспомнил родину свою.

Там на границе необъятных
Лесов желтеют шалаши,
Да, труден будет путь обратный
К истокам девственной души,

Где сёл соломенные ульи,
Жандарма белого мундир,
Где по туземцам свищут пули...
Какая там борьба за мир?

Он сахар помешал в стакане;
И все же толпы земляков
Несут Стокгольмское воззванье
Внутри бамбуковых стволов.

Они неграмотны — ну что же,
В чем дело — толком расскажи,
В футлярах крокодилей кожи
У них на поясе ножи.

И он уж видел не однажды,
Бамбуки сложены у стен,
На них свой знак зарублен каждым,
Чернильных росписей взамен.

И счет зарубок на бамбуках —
Он все растет от новых встреч,
Не думал дед, качая внука,
Что внук в Варшаве скажет речь.

На Нигер Висла не похожа,
Волной свинцовой в берег бьет,
Но он о ней расскажет тоже,
Когда до Нигера дойдет.

Варшава будет жить в нем годы,
Свою имеет он мечту:
Чтоб в гости все пришли народы
В его далекий Тимбукту!

ВАРШАВА

Зимой, после войны впервые,
В пятидесятом, —
Варшава, ночь, огни скупые,
Снег полосатый.

Сначала шел, поймите сами,
Меня простите —
Я шел с закрытыми глазами,
Боясь раскрыть их.

Боясь увидеть под луною
Лишь тень Варшавы,
Узоры, бывшие стеною,
Да щебень ржавый.

Решил в глаза взглянуть я смело
Руин шершавых —
Кругом росла, трудилась, цела —
Жила Варшава!

Сегодня можем мы смеяться,
Кого обидим?
Сегодня можем удивляться
Тому, что видим!

Где всем народом создан город
Во имя жизни,
А рядом черные, как порох,
Руины виснут,

Где груды мертвого железа,
След капонира, —
Вот тут и место быть конгрессу
Во имя мира!

ДВА ПОТОКА

СТИХИ О ПАКИСТАНЕ И АФГАНИСТАНЕ

1951

*Алле Александровне Кубицкой,
которая первой из советских жен-
щин рассказывала женщинам Вос-
точного Пакистана о Советском
Союзе*

МЫ ЛЕТИМ ЧЕРЕЗ ГИНДУКУШ

С поворота внезапно крутого
Дальних гор я увидел кайму,
Словно в песне кипящее слово,
Ширь кипящей на солнце Аму.

А навстречу плывя, желтолица,
Нарастала барханов гряда,
Этот миг — переходим границу —
Отзывается в сердце всегда.

Оглянувшись с небесного склона,
На родной я увидел земле
Грузовик, что бежал вдоль зеленых,
Наклоненных к Термезу полей.

И пустыня пошла нас морочить,
И чужая пошла сторона,
Вся в ковровых изгибах и клочьях,
В ржавых пятнах, мутна, сожжена.

Облака окружают полками,
Если солнечный луч их прожег, —
Видим: где-то глубоко под нами
Дно расщелины — дышит лужок.

Уже высью последнею душит
Гиндукуш, точно сотнями рук,
Ледяные ножи Гиндукуша
Засверкали над нами вокруг.

Мы пройдем, дорогой, мы не трусы,
Сквозь твои ледяные ножи.
Гиндукуш! — значит «смерть индусам»,
Гиндукуш! —
Мы приветствуем жизнь!

Ту, которая так многотрудна,
Для которой себя не жалеи,
Ту, что светит огнем изумрудным
С тех термезских колхозных полей.

Ту, что взята упорством и боем,
Что грозой обжигает виски,
Ту, что входит с Келифским Узбоем
Золотою водою в пески.

Ту, что правдой великой волнует
Океан человеческих душ,
Вот такую, до дна дорогую,
Мы приветствуем жизнь, Гиндукуш!

Трудно жить среди каменных станов,
Среди этих ущелий нагих,
Мы приветствуем крепких патанов,
Что затеряны в дебрях твоих.

Дружбу мерим широкою мерою,
Чистой мерою советских людей,
Мы приветствуем тех — за Хайбером,
Тех — за Индом, — наших друзей.

Гулу наших моторов, как эхо,
Вторит вся твоя снежная глушь,
В нашей дружбе ты нам не помеха,
Ты — союзник и друг, Гиндукуш!

В ХАЙБЕРСКОМ ПРОХОДЕ ¹

Вот он, Хайберский проход,
В небо стеной громоздится,
Вниз посмотри — бойницы, дот,
Вверх — торчит крепостица.

Кружит дороги накат,
Петлями режет высоты,
Снова стоят, снова стоят
Надолбы, башни, доты.

Форт на пригорке залег
В волчьем обличье сером,
Чтобы никто не мог
Этим пройти Хайбером.

Что ж не пылит огнем?
Где тревоги ракета?
Мы Хайбером идем,
Люди Страны Советов.

Мы веселы и горды,
Что нам ручей этот мерить?
— Мало нам этой воды!
Скучно нам в этом Хайбере!

¹ Хайберский проход — узкая теснина в горах, самый важный путь в Индию с севера, из Афганистана. (Это и последующие примечания автора.)

Деревца тут не найдешь,
Проволок жестче травы,
Только вот день и хорош,
Льющийся синею лавой.

Птица — и та не поет,
Доски висят на скалах,
Это британских полков учет,
Сколько их здесь пропало!

И устрасить не могли,
И удержать не сумели
Этой суровой земли,
Не покоренной доселе.

Киплинг, поправку пиши
В строки, в которые верил:
Томми свой путь завершил,
Плохо ему на Хайбере!

Было лишь ложью оно,
«Братство» туземцев и белых,
Здесь оно тоже погребено,
В этих камнях замшелых.

Вот почему не страшны
Эти молчащие доты
И никому не нужны
Надолбы старой работы.

Темная здесь тишина,
Скалы еще безответней,
С каждого камня война
Тенью встает столетней.

С гор, где тропа на весу,
Женщины, босы и строги,
Хворост, согнувшись, несут
По запрещенной дороге.

Каменный жалкий приют,
Всеми ветрами изгрызан,
Здесь лишь одно берегут:
Ненависть к белым инглизам.

Старый одернув кафтан,
Мимо — в худом молчанье —
Смотрит угрюмый патан,
Думая: мы англичане!

Точно из камня, гордец,
Даже глаза без движенья,
Хоть тишина наконец,
Вновь он готов для сраженья,
Нищий. И гол его дом,
Дикой свободой согретый.

Так мы Хайбером идем,
Люди Страны Советов!

ФОРТ ДЖАМРУД¹

Стоишь ты в глиняной резьбе,
Седой Джамруд,
Но все сказанья о тебе
Умрут, умрут!

Здесь помнит каждый старожил,
По всем горам,
Что не народу ты служил —
Его врагам.

Не раз тебе сверкал, слепя,
Клинок изгиб,
И пелись песни про тебя,
Чтоб ты погиб.

Ты жил, неся позорный труд,
Без перемен,
Но так предатели живут
В крови измен.

Ты на борьбу родных племен
Смотрел, смеясь,
Но мелют мельницы времен
Не торопясь.

¹ Ф о р т Д ж а м р у д — древнее укрепление, построенное еще сейками, находится у самого входа в Хайберскую теснину. Англичане укрепляли его против пограничных горных племен.

Собранье глины и камней
Твое, Джамруд,
Те мельницы веселых дней
Все в пыль сотрут.

Нет, не захочет гор народ
Твой помнить прах,
В тот день, когда заря взойдет
На всех горах.

Умрешь ты в глиняной резьбе,
Джамруд, Джамруд,
И все преданья о тебе
Умрут, умрут!

ИНД

Я рад, что видел у Аттока
Могучий Инд в расцвете сил
И весь размах его потока,
Который землю веселил.

И я, смотря, как дышит долгий,
Пришедший с гор высокий вал,
От имени могучей Волги
Ему здоровья пожелал.

ХОЛМЫ ЗА РАВАЛЬПИНДИ

Равнинный жар
 Успел нам щеки выжечь,
В Москве снежком
 Уж любовались мы
Пять дней назад,
 А вот сегодня вижу
За Равальпинди красные холмы.

И красноты
 Такой необъяснимой,
Причудливостей
 Полные таких!..
А вот мы их проедем
 Молча мимо
И где-то после
 Мельком вспомним их.

Чудес природы
 Этим не обидим,
Я лучше расскажу
 Про перевал.
Про перевал, который
 Я не видел,
Но о котором
 Горец рассказал.
Тот перевал — он
 В Гиндукуше где-то,
Тур¹ из камней
 Отметил высоту,

¹ Тур — пирамида из камней, складывается на вершинах гор или на трудных перевалах.

И каждый путник
В тишине рассвета
Добавить должен
Камень в этот тур,
Как в благодарность,
Что достиг он цели...

...Шел караван
Сквозь выюги пенный вал,
Снег до колен,
Все горы побелели,
Таким никто
Не помнил перевал.

И говорили горцы:
— Поглядите,
Случилось что-то,
Знак большой беды! —
Керван-баши
Халатом пальцы вытер,
Края огладил красной бороды.

И, бросив есть,
Все горцы замолчали,
И он сказал: — Лег снег
Поверх камней!
Вы правы, люди, —
Это знак печали,
И снег пришел
Нам рассказать о ней.

Издалеку мы весть
Одну имели,
Через Вахан, Рошан,
Через Памир
Ока пришла и к нам,
На дно ущелий!
Великий вождь
Оставил этот мир!

На севере,
В Мескеви, умер Ленин,
Через горы мрака
Он людей привел

На перевал, для многих поколений
Путь указал,
Чтоб мир за ним пошел.

Так мудрость мира
Он для всех умножил.
И, с перевала
Нынче уходя,
Пусть каждый здесь
Своей рукой положит
Отдельный камень —
Памяти вождя!

...Года идут.
В скалистой темной раме
Кипят снега
И в зимнем стынута сне,
И каждый путник
Добавляет камень
На перевале
В дикой стороне.

И я хочу, —
Но сбудется едва ли,
А может быть, и сбудется,
Как знать, —
Чтобы судьба на этом перевале
Хоть раз дала
Мне тоже постоять.

Вот весь рассказ,
Услышанный на Инде,
Изложенный простым
Стихом моим,
О красных же холмах
За Равальпинди
В другой уж раз
Еще поговорим.

ЗЕБУ¹

Эти бархатные зебу
Хороши до загляденья,
Их глаза подобны небу
Перед солнца восхождением.

Их рога — подковы счастья,
Их тела легки и строги,
Словно самый лучший мастер
Обточил им эти ноги.

Любовался б ими вечно,
Их упругою спиною,
Их широким шагом в поле,
С ними можно хоть на свадьбу
Прокатиться по заре.

Хороши они, конечно,
Только лучше были б вдвое,
Если б жили не в неволе,
Не в помещичьей усадьбе —
В нашем маленьком дворе!

¹ Зебу — разновидность быков, порода, широко распространенная в Пакистане.

БОГАЧ

Как золотое пламя,
Возы зерно везли,
Отборный рис холмами
Сиял, как хрустали.

Рубины — жар мангалов¹,
А дым их бирюзов,
Вся роскошь небывалых
Цвела там соусов.

Глазам от красок душно,
От всех чудес земли,
Сады в плодах жемчужных
Как реки, вдаль текли.

Сливалась сытость неба
С обилием земным,
И если рай и не был,
То здесь был ощутим.

А в рощице напротив,
Блестя худым плечом,
Сидит старик в лохмотьях
Под ивой, над ручьем.

¹ М а н г а л — печка под открытым небом.

В тени ли дремлет пестрой,
В ручье ль считает рыб...
— Нет, нет, он умер просто
С голоду, сагиб! ¹

¹ Сагиб — господин.

БЫЧОК

(У большой дороги)

В поле серенький бычок
Повалился на бочок.
То ли он укушен гадом,
То ли съел не то, что надо.
Он лежит, как бы усталый,
Два венка из мелких роз —
Те, что он на шее нес, —
Два венка лежат с ним вялых.

И под жаркою луной
Бирюзинки амулетов
Голубым играют светом
С желтой бляшкой костяной.

Не игра теней в тумане,
То стоят над ним крестьяне,
Муж с женой стоят, как тени,
Опустившись на колени.

Наклонился старичок,
Розы мертвые потрогал,
Кончик маленького рога,
Бляшку с бусинкой продетой,
Холод мертвых амулетов —
И заплакал в кулачок...

Умер серенький бычок.

ДРУЗЬЯ

Сказочность земли, что может
Лишь присниться,
Звездный хвост павлиний
Полночью над ней —
Все было б чужим лишь,
Все могло забыться,
Если б мы не видели
Дружеские лица,
Если б мы не слышали
Голоса друзей.

Не в ковровом зале,
Что для нас украшен,
Где алмазы, ткани,
Кость и серебро,
Мы сидим на стульях,
Чай в обычных чашках,
Не в садах Могола,
А в кафе «Метро».

И не джинн из сказки
На беседу вызван
Болтовней о прошлом
Скоротать обед,
Нет, мы говорим друзьям
О коммунизме,
От Страны Советов привезя привет.

Манговых величий, пальм
И деодаров
Мы вокруг не видим...
Что о них сказать?

Но цветут, сияя,
Молодых и старых,
Слушающих жадно
Яркие глаза.

Лишь немного странно,
Что тебе на шею
Три венка надеты
Красных, желтых роз,
Что стихи поются,
Что глаза темнеют,
Ставши от восторга
Влажными до слез.

В городе Лахоре
Мир и дружбу славим,
Пусть стихи поются,
Пусть стихов не счесть...
Говорит хозяин:
— Мы вам всех представим,
Чтобы всех вы знали...
Здесь Карачи?
— Здесь! —

Делегаты встали,
Поклонясь в молчанье,
Кто их раз увидел,
Больше не забыл.
Как бы ни храбрились
Нынче англичане,
Есть в Карачи люди,
Люди — не рабы!

— Здесь Лахор? —
Лахорцы поднялись стеною.
Мастера, поэты,
Пакистана честь,
Чувств их половодье
Как поток весною.
— Здесь ли пешаварцы?
— Пешаварцы здесь! —
Горцы встали гордо,
Черные жилетки,

Белые тюрбаны,
 Чапли на ногах.
Это встали горы,
 Где стреляют метко,
Где, как пули, песни
 В сердце бьют врага!

За Хайдерабадом
 Поднялася Кветта,
За Мультаном — Дакка,
 Джунгли и холмы,
Села и деревни...
 Как в часы рассвета
На зари рожденье
 Засмотрелись мы.

Край, что так обилен,
 Край, что так унижен,
Край, что весь в грядущем,
 Сердце освежил.
От лачуг крестьянских
 До рабочих хижин
Поднялся пред нами,
 В этих людях жил.

— Сколько ни ходи, товарищ,
 Вокруг света,
В самой дальней дали
 Будешь слышать вдруг:
«Есть Москва на свете,
 Передай привет ей!»
— Есть Москва! —
 Сказал нам
 Неизвестный друг.

Уж горел над нами
 Звездный хвост павлиний,
Манговая роща
 Сонная шуршит...
А сейчас в России
 На деревьях иней..
Это не для справки,
 Это для души.

Встали пакистанцы,
В черном все и в белом,
Криками раскачивая сад...
«Совет — Пакистан тарраки! —
Гремело, —
Пассандка дости
Зиндабад!»¹

¹ Да здравствует дружба советского и пакистанского народов!

КОРОБКА СИГАРЕТ

В гнезде орлином над рекой,
В таких горах далеких,
Где только желтых скал покой,
Есть дом неодинокый.

Вещей богатых в доме нет,
Но на почетном месте
Лежит коробка сигарет,
Как знак высокой чести.

Она лежит уж много дней,
Как лучшая из сказок,
Картинка старая на ней
Не потеряла красок.

А путь она большой прошла,
Пока дошла до дома,
В лесах была, в лугах была,
Все тропы ей знакомы.

С ней были бережны всегда,
Хоть горцев руки грубы,
Ее касались иногда
Их каменные губы.

И, чтобы к вечеру поспеть,
Бывало, на рассвете
Из дальних сел ее смотреть
Шли женщины и дети.

Она лежала на коврах,
Под яблоней и тутом,
В цветах лугов, в больших горах,
Где снег и очень круто.

Когда открылась ей страна
Сурового привета,
Была в коробке лишь одна,
Одна лишь сигарета.

И сели лучшие в кружок
И в очередь курили,
И голубой летел дымок
В ущелье, как на крыльях.

И до сих пор приходят в дом —
Он вовсе не угрюмый, —
Хозяин потчует вином,
Лепешкой из изюма.

И повторяет свой рассказ
От слова и до слова.
Иной, хоть слышал уж не раз,
Готов послушать снова.

— Люблю стихи я, как дитя,
Сам много знаю разных,
Мой друг, певец, сказал шутя:
— Пойдем в Лахор на праздник!

Я буду петь, ты говори... —
В Лахоре были вскоре,
Коробку эту подарил
Мне человек в Лахоре.

Здесь нарисована Москва,
А это Кремль зовется,
А это в садике трава,
А это речка льется.

— Смотрю не раз, — сказал сосед,
Беря коробку робко, —
Ни у кого подобной нет,
Чудесная коробка!

ДРУГУ

Это смесь из огней и рокочущей лавы
Расплескавшихся улиц, циновок и крыш,
Это небо, где только планетам и плавать
Черной ночью, когда ты невольно не спишь,

Звон и гомон базаров в вечернюю пору,
Непонятной листвы говорящая мгла...
Ты должна хоть раз в жизни пройти по Лахору!..
Ты сказала: — Пройду, — и прошла.

СВЯТОЙ ЧЕЛОВЕК

Спускались ли завтракать
Мы поутру,
Домой ли шли полночью даже,
И ночью и днем,
И в дождь и в жару
Сидел он под лестницей нашей.

В изодранных тряпках,
Пятнистых, как тиф,
Весь в шрамах, вовеки не мывшись,
И четки вертел он,
Глаза закатив,
Совсем от земли
Отрешившись.

Какие виденья
Витали пред ним
И жили в таком человеке?
Он с пеной у губ,
Как святой пилигрим,
Сидел, как в преддверии Мекки.

И что-то, склонясь,
Бормотал он порой.
В расчесах лиловые ноги,
Когда мы к себе
Возвращались домой,
Плюясь, убирал он с дороги.

И мы говорили со злой простотой,
 Не думая молвить худого:
— Ведь вот же сидит
 У отеля святой,
Сидит — и не купишь такого!

Раз вместе спускались
 Мы с другом одним,
Все тонкости знал он ислама,
Сидел наш святой,
 Как всегда, недвижим,
Глаза закативши упрямо.

И к небу был взор,
 Как всегда, вознесен,
Молитвенно сложены лапы.
— Кто это? — спросили мы друга,
 И он
Ответил: — Кто это? Гестапо!

СОН

Ночной Лахор в покое.
И в мой, наверно, сон
Ворвется пестрый, броский
Его водоворот...

Ведь надо же такое?
Приснился мне балкон,
На нем растет березка,
В Москве она растет.

ПЕСНИ

Лунный свет на разбитом кувшине блеснул,
Ткач циновок циновки свернул и уснул,
Спит носильщик, прижавшись щекою к стене,
Он таскает тюки на спине и во сне.

Весь бездомный народ где попало прилег,
У Делийских ворот темен каждый порог,
Караванщики спят у Кабульских ворот,
И молчанье в квартале рабочем плывет.

Я Искандероо тебя назову,
Ты не выдумка ночи, ты вся наяву.
Но не слышал я песен твоей стороны,
Спой мне песню, мне песни сегодня нужны.

Как поешь ты — тревогою голос дрожит,
Будто ветер по травам колючим бежит.
Как поешь ты — как будто скрестились ножи!
Искандероо, что ты спела, скажи!

— Пограничную песню я пела сейчас:

Это острый и узкий
Полуночный час,
Когда путник один
И тропа лишь одна,
Но он должен пройти,
Если воля сильна.

То, что в сердце несет,
Только может помочь
В этих черных местах,
В эту черную ночь.
Если в сердце своем
Не несет ничего,
Пусть тропа оборвется —
Не жалко его!

Искандероо!

Бусы песни такой разорви!
Слушать песни хочу я другие твои.
Я услышать хочу, чтобы ночь оживить,
Как в веселом Лахоре поют о любви!

Как поешь ты — весельем меня окружив,
Будто руку на сердце мое положив,
Как поешь ты — и ночь на ресницах лежит,
Искандероо, что ты спела, скажи!

— Я любовную песню пропела сейчас:

Не забудешь ты губ,
Не уйдешь ты от глаз,
Что заполнили все
И, всю радость вобрав,
Отдавали тебе
Все, что знали, сказав
Так блаженно легко,
Как дыхание трав.
Но в Лахоре ты можешь
И все потерять.
Будет имя Лахора
Как горе звучать,
В сердце памяти ты
Мой Лахор не вини,
Из осколков собрав
Те счастливые дни...

Искандероо!

Я слушать тебя могу до утра.
Ты стоишь как костер, я как тень у костра,
Потому что мне в путь собираться пора, —
Спой мне вновь пограничную песню, сестра!

ЛИРИЧЕСКОЕ

На приеме раз в Лахоре
И в семье передовой
Господин один, историк,
Познакомился со мной.

Все сначала было ясно:
Как тут принято в домах,
Тут ходили дамы в красных,
В белых шелковых штанах.

И спросил меня он прямо —
Мы знакомы были с час:
— Как вам нравится та дама,
Что глядит сейчас на нас?

Я взглянул, сжал папироску
И спросил его тогда:
— В синей шапочке в полоску
И в зеленой шубке, да?

Господин в сюртучной паре
Стал немножечко бледней:
— Как в зеленой шубке? Сари,
Сари красное на ней...

— Я боюсь, что вас обижу, —
Снова я сказал в ответ, —
Я в зеленой шубке вижу,
А вот в сари красном — нет!

И, вздохнув, сказал мне в белых
Панталонах господин:

— Колдунов, и очень смелых,
В Пакистане не один.

Это ж я, не будем спорить,
Колдовством не назову —
Просто вы у нас, в Лахоре,
Вдруг увидели Москву!

ЧИЛИ
(Коршуны)

Я б не писал об этом ни строчки,
Но нету печальней были,
Все небо Карачи в черных точках —
Это коршуны-чили.

Есть, кроме них, вóроны и ворóны,
Сороки, дрозды, синицы,
Сотни пород желтой, зеленой,
Синей и красной птицы.

Носится чиль весь день на крыльях,
Не знаю, где он ночует,
Но там, где падалъ, ищите чилия,
Ее он и ночью чует.

Сегодня чилю крылом и хлопать —
И чили столбом толпятся.
В порту Карачи грузили хлопок,
И стоит тюку сорваться...

Работал там пакистанец голый,
От голода просто плоский.
Ударил тюк его, словно молот,
К земле пригвоздив, как доску.

Англичанин сказал, не моргнувши глазом,
Бровью даже не двинув:
— Тюк проверьте и за пакгауз
Бросьте эту скотину!

Кто на замену? — Сразу двое
Рванулись таких же тощих...
Под солнцем, шипящим над головою,
В колонии все это проще.

Вновь работа пошла на причале,
Порядок под стать застенку,
А ночью труп сторожа раскачали —
И в степь его через стенку.

И кто он? И что он? Ведь был человек же,
В порту в столичном рабочий.
Вокруг него чили, толпой присевши,
С шакалами дрались ночью.

И все-таки есть оправдание чилим,
И черный пир их не даром —
Природы законы им поручили
Работать как санитарам.

Но нет оправданья стервятникам белым.
Душа их чернее чилей, —
Чилим английским, что так умело
Кровь из страны точили.

Им, сидящим на золота слитках,
Под вентиляции скрежет,
Им, что грабят страну до нитки,
Голодом бьют и режут.

Вы не спасетесь ни звоном денег,
Ни пулей, ни лжи словами,
Со всех пустырей поднимутся тени
Всех замученных вами.

Вы на последний показ всему миру
Крылья свои раскиньте,
Когти сломают вам, перья повыврут,
Голову тоже отвинтят.

Так же швырнут вас, как вы, бывало,
Швыряли тела рабочих,
В той же пустыне будут шакалы
С чилими драться ночью.

Снова придется чилей породе
Быть санитарями мира —
Пададь убрать, что пока еще ходит
И в сюртуках и в мундирах!

ДВА БЛЮДЦА ИЗ ДАККИ¹

(Пакистанская песенка)

Ты привезла из Дакки
Подарок просто чудный,
Его поймет не всякий,
Хотя понять не трудно.

Они мне очень нравятся,
Два глиняные блюда,
Не то они печалются,
Не то они смеются.

Висеть им будто весело,
И не на стенку в угол,
А рядом их повесили,
Чтоб видели друг друга.

Но почему ж печалются?
Душа ль у них двоится?
Когда у нас смеркается,
Родной ли вечер снится?

Востоchnопакистанская
Земля, где их родили,
Гончарня та крестьянская,
Базар, где их купили?

¹ Д а к к а — центр Восточного Пакистана, отделенного от Западного Пакистана расстоянием в 1500 км.

Вечерний зной волною?
Но почему смеются?
А что как надо мною
Смеются эти блюдца?

Что вечер тот, не радуя,
Мне тоже снится в Дакке,
Где солнце сердцем падает,
Чтоб утонуть во мраке.

НА МИТИНГЕ В ДЕРЕВНЕ

Он говорил на митинге в деревне:
— Я из Бунира. Я из батраков.
У наших предков, и не очень древних,
Раз нет земли, обычай был таков,

Обычай был бедняцкой вызван долей:
В долине Свата горцы-земляки
Запахивали кладбище под поле,
Чтоб рос ячмень, а не камней куски.

И, плуг ведя, кричал крестьянин строгий,
Предупреждая мертвецов народ:
— Эй, берегитесь, поджимайте ноги,
Подходит плуг, спасайтесь: плуг идет!

А что сегодня — день последний мира?
Есть нечего — одна беда вокруг.
Раз нет земли, я, горец из Бунира,
Скажу: — Земляк, точи свой верный плуг,

Кричи им всем, кто в темноте могильной
Народ сегодня хочет удержать:
«Спасайтесь, вы! Подходит плуг всесильный —
Вас, мертвецов, и тьму перепахать!»

ПТИЦЫ

Нет, я не мрачный человек,
Я улыбаюсь даже птицам,
Я рад, что их народ гнездится,
Не пуган уж который век.

Здесь счастье — птицею родиться,
Их любят все, их кормят все,
Им ставят в блюдечках водицу,
Их умиляются красе.

У них есть все в селе, в столице,
Чтоб жить, от радости крича, —
Все то, что человеку снится,
Да, только снится по ночам.

ТОНГА¹

Смотри, какой веселый конь
Запряжен в тонгу — легкий станом;
Скорее сахар на ладонь,
Пускай тряхнет своим султаном,

Пускай копытом стукнет он,
Чтоб ленты в гриве задышали,
Всех бубенцов раздался звон,
Пестрей кашмирской пестрой шали.

Потом на тонгу, в добрый путь,
Где все не так, где неизвестней.
И мы помчим куда-нибудь,
Куда-нибудь — в рассказ иль в песню.

Чтоб этой дружеской земли
Поэт сказал с улыбкой брата:
«Они веселье принесли,
Страны счастливой делегаты!»

¹ Тонга — экипаж с высокими колесами, обычно и экипаж и лошади украшены цветами и лентами.

ВСТРЕЧА В ЧИТТАГОНГЕ

Эти женщины, все в голубых и зеленых,
В желтых сари, усевшись рядами вокруг,
Не сводили с тебя своих глаз восхищенных,
Брали за руки, словно сестру.

Говорили смуглянки тебе молодые:
— Правда, все у вас так же красивы, как вы?
Мы советскую женщину видим впервые.
Читтагонг — это так далеко от Москвы!

Мы хотели б, чтоб вы приезжали к нам чаще...
Сделать так, чтоб гостили вы долгие дни,
Как подруга, сестра у сестер настоящих,
Мы не можем, — печально сказали они. —

Но мы жаждем услышать о женщинах ваших,
О стране, обо всем просим вас рассказать... —
В твой рассказ, что одной только правдой украшен.
Засмотрелась смолистого блеска глаза.

И казалось тебе: говоришь ты долинам,
Где белеют жасмина цветы в волосах,
Где от горя потрескался ржавый суглинок
И, как слезы, в лугах накипает роса.

Солнце джунглей становится желтым и тусклым
Перед гордым сознанием, что здесь, в тишине,
Что тебе довелось — первой женщине русской —
В эту глушь говорить о Советской стране.

Говорить о великих работах, о счастье
Быть собой, о любви, исполненьях мечты...
А сидела ты в синем обычнейшем платье,
Где по синему полю белели цветы.

Эти женщины, все в голубых и зеленых,
В желтых сари, как дети, сияли они:
Ты казалась им сказкой, в такое влюбленной,
Что одним сновиденьям сродни.

Ты казалась такой им, что нету красивей,
Им казалось, что в мире нет платья синей,
И что синь эта — синее небо России,
А белые цветы — цветы ее полей!

КОЧЕВНИКИ-ПАТАНЫ¹

Уздечек звон и стук копыт,
Вьюки, верблюды, гурт овечий,
А зной силен, в глазах рябит.
Что за народ идет навстречу?

Ишачий хрип, верблюжий храп,
Чарыков скрип, как писк мышинный,
Остановились — вьюк ослаб,
Там, у ручья, звенят кувшины.

В шатрах там стряпают обед,
Дорога, тропы — всё в их власти.
Чего-чего тут только нет?
Все краски, вымыслы, все страсти.

И одиночками бредут,
И просто толпами по тропам —
То с гор кочевники идут,
Как будто смытые потоком.

Как будто бедная страна,
Собрав все кошмы, все кастрюли,
Все песни, пляски — всё сполна,
Идет куда-то в смутном гуле.

Поев, поспав перед огнем,
Встают и вьючат все по знаку,
Так день за днем, так день за днем
Идут на юг — за Лое-Дакку.

¹ П а т а н ы кочуют из пределов Пакистана в Афганистан, доходят до Северного Афганистана, на зиму возвращаются к себе на юг; их сотни тысяч, они воинственны и свободолюбивы.

А их по-разному зовут,
И в этом шуме, в этой тряске —
Чего-чего не видишь тут!
Как будто бродишь ты по сказке.

Дорога ярмарки пестрей:
Вот семилетняя красотка
Ведет огромных двух зверей,
За нею шествующих кротко.

Глаза с лиловой синевой,
Идут верблюды шагом ловким,
Тряся мохнатой головой
Над этой крошечной головкой.

С перегруженных ишаков,
Выглядывая, как из клетки,
Среди тазов, ковров, мешков
Смеются маленькие дети.

Старуха едет на быке,
Грозней быка, а у дороги,
Ладонь под щеку, в холодке,
Спят старики, поджавши ноги.

Меж кур, привязанных к доске,
Петух на ишаке гарцует,
И пес на том же ишаке
Храпит и в ус себе не дует,—

Усталый, спит, через седло
Худое перекинув тело.
Прошла верблюдица и зло
На пса-лентя поглядела.

С того же спрыгнув ишака,
В жилетке рыжая мартышка,
Цепочку свесив с кушака,
Жует лепешку, как коврижку.

Блюда, и шкуры, и ковры
Висят, как в лавке, на верблюдах,—
Так целый день течет с горы
Пред нами кочевое чудо.

И, не смущаясь, не таясь,
Как на гулянье, шагом властным
Проходят женщины, смеясь,
В плащах, в шальварах ярко-красных.

Полна дорога новостей,
Полна врагов, полна влюбленных,
Ряды браслетов до локтей
Звенят лукавым, диким звоном.

Шатры стоят. Костры горят.
Легли верблюды. Сумрак бродит.
В каком столетье это, брат,
Такое дело происходит?

При свете гаснущей зари
Присядь к костру. Они не дети.
У всех оружие — посмотри —
Вполне двадцатого столетья.

Афганистан угрюм и нищ.
Его убогие селенья —
Скопленья глиняных жилищ,
Где нет веселья даже тени.

Чем в скучных селах этих жить
И безнадежно и сурово,
Так лучше уже так бродить,
Чтоб в новом месте вечер новый,

Чтоб жить в дороге, налегке,
Блуждать, где ноги захотели,
Чтоб хоть старухой на быке
Вдруг сказка въехала в веселье!

Чтоб скрасить мрак и нищету,
Усталость, темную обиду,
Тяжелой жизни маету,
Где все так ярко только с виду.

И может красками пленять
В пути с кочевниками встреча,
Но если сердцем их понять,
Их будет жаль по-человечьи.

ВЕЧЕР В ПУТИ

Горы глубоко
В дымном стекле,
Стены без окон
Тают во мгле.

Верблюдов горбы
Неотличимы,
Вместо тропы
Синие дымы.

Кончился шорох
Карагачей,
Сгладились горы,
Исчез ручей.

Вместе уснули
Верблюды, снег,
Дерево, улей
И человек.

Тьму хоть толочь —
Ни огонька.
Как эта ночь
От всего далека!

ДУАБ

(Два потока)

День рожденья моего
Приютил Дуаб полночный,
Нет мрачней теснин его
И прелестней, между прочим.

Дичь какая-то вокруг —
Ералаш цветной дивана,
Полутемной лампы круг,
Плов и джина полстакана.

Дым табачный к потолку,
Дверь скрипит, как бы вздыхая,
И буржуйка в уголку,
Где трещит арча сухая.

Чуть поблескивает глянец
Чашек в теплой полутьме,
И у ног сидит афганец
На ковре, в большой чалме.

Мне дарили в дни рожденья,
Как и я дарить был рад,
Вещи разного значенья,
Но сегодня я богат.

Подарили, как сумели,
Чтоб друзей не забывал,
Шикарийское ущелье
И Шибарский перевал.

Чтоб замерзшие потоки,
Голубую седину,
Отогрели эти строки,
В пену юную вернув.

Чтоб сердечно рассказали,
Прилетев издалика,
Как в ночной реке играли,
Словно рыбы, облака.

Чтобы жар тех стен зеленых,
Черно-снежных жил со мной,
С небывалой, раскаленной
И пронзительной луной.

Чтоб всю глушь той ночи тесной
Я до дна бы испытал,
Чтобы красный мост железный
Под стихом прогрохотал.

Чтобы в самых днях жестоких
Голос дружбы не ослаб,
Чтоб врывались снова строки,
Как и мы, в ночной Дуаб.

Нет, дела у нас не плохи
И ночлег у нас не плох!
Мы ведь слуги той эпохи,
Что чудесней всех эпох!

Мы посланцы мира ныне,
И любой из нас готов
Мерзнуть в каменной пустыне,
Согреваться у костров,

Вновь с холодного рассвета
Путь без отдыха вести,
Знамя мира, знамя света,
Коммунизма пронести.

Пропести сквозь вражий жабий
Визг, сквозь вражий крабий мрак.
Потому в глухом Дуабе
Наш сегодня бивуак.

Уж плетет кривые басни
Полуночный ералаш,
Кончен плов, и лампа гаснет,
Сидя спит афганец наш.

Уголь в печке краснопенный
Размешав до глубины,
Выхожу за эти стены
В беспощадный мир луны.

Где-то в Бирме джунглей ропот
Партизаны стерегут,
Где-то по тибетским тропам
В эту ночь гонцы идут.

Много в жизни я отведал
И тревоги и забот
И опять иду по следу,
Что к покою не ведет.

И в раздумье одиноком
Под дуабскою луной
Мне сверкают два потока
Молодою белизной.

Этих вод, мне засиявших,
Для чего мне избегать?
Светлых рук, меня обнявших,
Не хочу я забывать.

А в ущелье воют волки,
Снежный ветер пылью бьет,
И зеленых звезд осколки
В сердце падают мое.

ВОРОТА ИСКАНДЕРА

Нам афганец сказал, показав на громады
Стен, идущих к вершин куполам:
— Эти стены когда-то стояли преградой,
Их Искандер рассек пополам.

Мы не спорим, у нас есть другие заботы,
Мы поверим, что их разрубили сплеча,
И не только вот эти — иные ворота
Рассекала здесь сила меча.

Нам остались на память лазурь и багрянец
Твоих гор, твоей жизни рассказ —
И твою нищету, твои беды, афганец,
Ни один не забудет из нас.

Помни, друг: у тебя мы не сеяли ужас.
Помни: мир мы приносим в твой дом.
Слово дружбы — оно рассекает не хуже
Все преграды, и с ним мы идем!

ОГНИ ТЕРМЕЗА

Барханы там были большие,
Барханы нас просто душили
Текучим холодным песком,
Свистели бичи арбакешей
Над конским мокрым виском,
Визжал арбакеш, словно леший,
Гоня лошадей напролом.

И аспидный сумрак пустыни,
Который все стынет и стынет
И все холодней и пустей, —
Возьмет да навстречу и вынет
Такой указатель путей,
Нельзя и придумать простей —
Из серых верблюжьих костей.

И, вторя стенапьям шакальим,
Бежавшим все дале и дале,
Стонали пески голосами,
Какими, не знали мы сами,
И птицы ночные рыдали
Так жалко, что душу всю вынет,
Что ну ее к черту — пустыню!

Уже в темноте на барханах
Шатало коней, словно пьяных,
На гребнях, почти что у цели,
Ремни на упряжках летели,
И, стоя над краем обрыва,

Обрывками старых арканов
Чинили мы их торопливо.

И шли мы, в песке утопая,
И тьма издевалась тупая
То воем, то свистом, как ханы,
Терзавшие пленников тут,—
Казалось, что эти барханы
Нам снятся и, в сны завлекая,
В какие-то дебри ведут.

И вдруг мы проснулись, как дети,
Промчался пустынею ветер,
И лента огней золотых
Открылась с холма над рекою,
Всей тьме этой наперерез,
Полна золотого покоя,
И мы закричали: — Термез!

В нас все, что мы видели, жило:
Природа, которой нет краше,
Народа хорошего горе,
Прибой Аравийского моря.
Но лента огней золотых
Все эти виденья затмила:
Земля наша — родина наша!

...Конец путешествия — всё!

СТИХИ ОБ УКРАИНЕ

1953 - 1964

УКРАИНА

В далеком, но памятном детстве
Любил я читать по ночам.
Я помню, как с Пушкиным вместе
Шевченковский стих мне звучал.
В стихах ли, в рассказах старинных,
В веселье, в бою хороша, —
Вставала, жила Украина —
Как песня, как жизнь, как душа.

Увидел я Киев впервые
В весенней красе тополей,
Днепровские дали сквозные
Раскрылись синее морей.
Садов яркощеких наряды
Насытили радостью край, —
В ночах ленинградской осады
Мне снился тот киевский май.

Шла битва в степях и долинах,
Далеко гремел ее шаг,
Кипела в борьбе Украина,
Как песня, как жизнь, как душа.
И в сорок четвертом зимою
На Киев летел самолет.
Земля была белой прямою
Равниной с небесных высот.

Я видел поля Украины,
На белых ладонях снегов

Она поднимала руины
К молчанью седых облаков.
Сегодня все прошлого тени
Отстали, чтоб сгинуть вдали,
Стоят города и селенья,
И снова цветы расцвели.

И радостны звездные очи,
В просторах высоких скользя
Той вешней украинской ночью,
Той, жить без которой нельзя.
И звезды земные в ответ им
О жизни такой говорят,
Где все переполнено светом
Встающих до неба громад.

Днепра золотая долина,
И Киев, огнями дыша...
Бессмертно живи, Украина,
Как песня, как жизнь, как душа!

МАКСИМУ РЫЛЬСКОМУ

В век атома рождается также колос,
И лирики в ночи горит свеча,
Твоих стихов не умолкает голос,
И прошлым дням и будущим звуча.

Будь я художник — нашего поэта
Я б написал под облаков грядой,
Омытого всем пламенем рассвета,
Лицом к заре, у рощи молодой!

НА РОДИНЕ ИВАНА ФРАНКА

Здесь все изменилось: деревья и люди,
Другой у потока размах,
На горных лугах, изумрудовом чуде,
По новому встали дома.

Где жизнь беспощадной была преисподней,
Вдохнул человек широко,
И ты бы не сразу узнал их сегодня,
Места твоих пыток, Франко!

По-новому песня шахтеров поется,
Глаза по-иному глядят,
Лишь сердце народа все так же бьется,
Как билось сто лет назад.
Так пусть нам сегодня то сердце расскажет
Про темный, безрадостный век,
Про маленький дом, где родился однажды
Большой, как гора, человек.

И слышим мы снова, и видим мы снова
Идущего издалека,
Счастливого, нового, вновь молодого,
Идущего с нами — Франка!

* * *

Вкруг по полям туманов бродят ключья,
И жмутся ивы сонные к реке,
И вдруг пахнет простор весенней ночью
И засверкает песня вдалеке.

И веселеет сразу путник хмурый,
А песней весь простор уже звенит,
Как будто голос песенный Сосюры
Об Украине милой говорит.

Любви и ласки в этой песне много,
Она кипит серебряным ключом,
С такою песней — веселей дорога,
С такою песней ночью горячо!

* * *

За Днестром, за большими полями,
Звездный дождь осветил небосвод,
Прямо к нам, окружен тополями,
Словно свитой, Шевченко идет.

Как стихи его, в майском приволье,
Светел Киев в ночном серебре,
Тает облако в облачном поле,
Лунный отблеск — в затихшем Днестре.

Только голос в просторах не тает —
Украина, подруга, сестра,
Запевай «Заповит», золотая,
Раз для песен настала пора!

* * *

На горе, на Чернечьей, ты встань и послушай,
Что там ветер над кручей простору поет:
— Никогда не забудут Тарасову душу,
И Тарасово слово никогда не умрет!

Как товарищ и друг, вечно живо в народе,
Оно в песнях гуляет, звенит под луной,
Оно в сердце, в крови, в украинской природе,
А вот там обернулось днеспровской волной.

Оно тополем стало, и стало как просинь
Этих вешних небес, и листвою, что шумит,
И до нас, до живущих сегодня, доносит
Нежность старой любви, горечь дальних обид.

Когда в космос корабль, как планету, помчалю,
Космонавту, земные что стер рубежи,
Оно памятью станет о нашей пусть малой,
Старой, милой земле, где родился и жил.

Да, Тарасово слово и в доме и в поле,
И со всеми, кто в гости к Тарасу придет —
И со всеми, кто бьется за волю в неволе!
Да, Тарасово слово никогда не умрет!

* * *

Что жизни мелочи и горечи...
В твой май, зеленый и большой,
Идем к тебе, Тарас Григорьевич,
Со всей открытою душой,

Со всеми чувствами сердечными,
Идем — нам нечего таить,
Хотим, словами пусть не вечными,
С тобой о жизни говорить.

И нет на свете места лучшего...
О вечной дружбе говоря,
Нам вспыхнет над Днепровской кручею
Священный пламень Кобзаря.

А мы придем семьею тесною,
Все разные — в одной судьбе,
И каждый гость своею песнею
Тебе расскажет о себе.

Начав с Москвы широкопесенной,
Где небеса всего синей,
О всей земле со всеми весями
И всеми градами на ней.

И о краях, где годы прожил ты,
Как пленник, жизнь свою губя,
И где до счастья люди дожили,
Они приветствуют тебя!

Привет дубам твоим, наряженным
В весенней розовости дым,
Шлет верба, что тобой посажена
В стени над Каспием седым.

Где Прометей соседил, скованный,
С народом, скованным века,
Кавказ, твоим стихом взволнованный,
Свой шлет привет издалика;

Народы, с высями Кавказскими,
Как Прометей, встали в ряд,
И о тебе словами братскими,
Словами дружбы говорят!

И ты, к грядущему зывающий,
Народы звал в семью одну —
Они пришли в твой дом сияющий,
В твою зеленую страну!

МОРИНЦЫ

Признаюсь — некое смущенье
Я здесь почувствовал не зря,
Увидев Моринцы-селенье,
Где колыбель богатыря.

Медовых запахов настои,
Прохлада с легким ветерком,
Здесь было детство то простое,
Где дети ходят босиком.

Здесь жили нищие в заплатах,
Шумел помещик, кнут свистел,
Но нет уж той заветной хаты,
Иная жизнь — иной удел.

Как будто все сменилось это,
От пастуха до петуха,
По знаку вещему поэта,
По волшебству его стиха.

Где героини гибли рано
В своей печальной красоте,
Сейчас другие здесь Оксаны,
И Катерины здесь не те.

И все хозяйство так богато —
В тени тяжелых тополей
Уже стоят дома — не хаты,
Машины, техника полей.

Все прошлое — преданья, небыль, —
Одни остались тополя,
Одно всевидящее небо,
И вездесущая земля.

Скажу, не сдерживая в сердце
Уже восторга своего:
— Великое тебе спасибо,
Земля, родившая его!

* * *

Россия, Украина — дружба вечна,
И с детства я к тому уже привык,
Чтоб слышать рядом прелесть русской речи
И украинский сладостный язык!

Отечества нам сладок запах дыма,
Родной души — незримая краса,
Народов наших дружба нерушима,
Как наши земли, наши небеса!

В борьбе за волю были мы едины
И труд и дом наш вместе бережем,
И в дни торжеств, и в бедствия години
Едины мы, плечо к плечу идем!

Мы любим жизнь и песенное слово,
Полет мечты, кипенье юных сил,
О нас — семье великой, вольной, новой,
Еще Тарас великий говорил.

Клялись мы братства боевою честью,
Когда вставал борьбы девятый вал,
И «Заповит», как гимн, мы пели вместе,
Как вместе пели «Интернационал»!

Все также вместе, рано или поздно,
Закончим мы великих жизней труд,
Войдем в тот мир, что будет нами создан,
Что коммунизмом люди назовут!

ПОД НЕБОМ ВОСТОКА

1959 — 1962

ЗЕМЛЯКИ ВСТРЕЧАЮТСЯ В МАДРАСЕ

Далеко остались джунгли, пальмы, храмы,
Город-сад, зеленая река,
Вечером, примчав с Цейлона прямо,
Встретил я в Мадрасе земляка.

И земляк — натура боевая,
И беседа зыбилась легко —
Мне сказал: — Поедем к нам в Бхилаи,
Это ведь совсем недалеко.

Все равно лететь вам до Нагпура,
Ну, а там с прохладцей, поутру,
Поездом — по холмикам по бурым,
И машиной — там подъем не крут.

Жизнь у нас в Бхилаи неплохая...
Право же, поехали б со мной...
— Мне же нужно в Дели, не в Бхилаи,
Я простился с южной стороной.

Был закат тропически прекрасен,
Думал я: «Просторы полюбя,
Мы уже встречаемся в Мадрасе
По делам, как дома у себя».

Золотой закат покрылся чернью,
Вдруг и я поймал себя на том,
Что зашел в «Амбассадор» вечерний,
Как в давно уже знакомый дом.

Сказок край по-бытовому ожил,
Вплоть до звезд, то трепета травы,
Путь к нему по воздуху уложен
В шесть часов от Дели до Москвы.

Но сердец еще короче трасса,
Как стихи, приносим мы с собой
В пряный дух весеннего Мадраса
Запах рощ, что над Москвой-рекой!

СИГИРИЯ

(Львиная скала)

Высоко над людьми, над долиной,
Где царя был цейлонского трон,
На скале Сигирийской, на львиной,
Я сидел, тишиной окружен.

В дымке джунглей блестели потоки,
И неслышно текли времена...
Шпиль мерцал золотой на востоке,
Гор Кандийских на юге стена!

И холмы поднимались крылато
В облака лиловеющей мглы.
Видел то я, что видел когда-то
Тот, кто был здесь владыкой скалы.

Как на снов отоснившихся склоне
Видел Сезер и мальчика я,
Что когда-то мечтал о Цейлоне,
О немыслимо дальних краях...

А теперь все немыслимо близко —
Старый путник на старой земле,
Я стоял на скале Сигирийской,
На пустынной, на львиной скале!

РЫБЫ В ПУТИ¹

Солнце только что встало,
Прохладой текли небеса,
Многоцветно сверкала
На утренних травах роса.

Средь диковинок многих
Я увидел и новую тут:
Рыбы шли по дороге,
Оставив свой высохший пруд.

Не пугаясь меня,
Они шли, спотыкаясь, в сады,
Как верблюды храня
Небольшие запасы воды.

По зеленой дороге
Они шли у крестьян на глазах,
И в оранжевой тоге
Пропускал их спокойно монах.

Не смотрели на жаб,
Неподвижно сидевших в траве,
Лишь движением жабр
Обходили их сбоку — правей.

¹ Эти рыбы зовутся «анабассканденс». Они — типичное явление на Цейлоне. В длину они десять — пятнадцать сантиметром. Они есть и у нас в Абхазии, на Пицунде, в озере.

И я видел — добьются,
Дойдут, чтоб на свежей заре
В новый пруд окунуться,
Омыться в живом серебре.

И я знаю — чтоб лучше идти,
Они пели в родной стороне
Свою древнюю песню пути,
Но — увы! — непонятную мне!

АНЧАР

Чудом сада завороженный,
Я на темной поляне одной
Вдруг увидел анчар, окруженный
Всею пестрою братьей лесной.

Не в пустыне, перед народом,
Ствол нацелив под небо стрелой,
Он зеленым стоял воеводой
И потел красноватой смолой.

По коре его темной, железной
Луч скользнул и пугливо погас,
И садовник сказал: — Неизвестно
Это дерево дома у вас?

— Нет, известно, — вскричали мы разом, —
Даже школьники знают о нем,
Оно даже приятно для глаза,
И анчаром его мы зовем.

И анчар этот вовсе не страшен,
Перед ним мы стоим в двух шагах,
Как и здесь, он в поэзии нашей
Зеленеет в бессмертных стихах.

Если б знал он, угрюмый, про это,
Он гордился б до старости лет,
Что прекраснейшим русским поэтом
Он на Севере снежном воспет.

* * *

Жемчужных птичек перья
В росе, как в серебре,
Разбуженное дерево
Я видел на заре.

Его большие плечи
Поднялись, распрямясь,
Оно заре навстречу
Вставало, веселясь.
Светилось и смеялось,
Так человек стоит,
Нам издали казалось:
Сейчас заговорит.

Стоит зеленый парень,
Дорогу сторожа,
Стоит с баньяном в паре,
От радости дрожа.

Все ветки шевелились,
Смеялась веток тень,
И листья все светились,
Встречая новый день.

Он дал нам в час рассвета,
Когда заря цвела,
На целый день дал света,
На целый день тепла!

НА РАЗВАЛИНАХ ПАЛЬМИРЫ

Мы долгий день бродили между плит
И колоннад, разбитых или целых,
В руинах небо легкое сквозит,
Оно живет, земля же онемела.

И безъязыкой душевной тишиной
Полны сенат, и улицы, и храмы,
Над стадионом — пустота и зной,
Жар раскаленный каменного хлама.

Горячий блеск безмолвных колоннад...
Российскою бряцая снежной лирой,
В их честь поэты, славя Петроград,
Его назвали Северной Пальмирой.

Но с городом, что вырос над Невой,
Пальмире южной больше не сравниться,
И лишь закат завесой огневой
Вдруг оживляет мертвую столицу.

Между колонн заблещут огоньки
И побегут и в призрачном движении
Наполнят улиц мертвые куски
Невозвратимой жизни отраженьем!

БЕЖЕНЕЦ-АРАБ

Нагие дети жались, присмирив,
Навес был рваный, черный и лохматый,
И женщина, на корточки присев,
На угли дула в дым голубоватый.

Худые куры рылись меж камней,
Осоловев в тягучем зное синем...
— Вот все хозяйство, что осталось мне, —
Сказал араб, спокойный, как пустыня.

И, проводя рукою по глазам,
Сказал, взглянув поверх нагой долины:
— Все было, да, и все осталось там,
Далеко там, и поле и маслины.

Он показал рукой туда, на юг,
Где облака на горы наползали,
Где молнии сверкали, точно вдруг
Огнем арабу горы отвечали.

Дышала раскаленная земля
Тяжелым жаром долгого нагрева,
И серые от пыли тополя
Вдали дымились факелами гнева.

КРАСКИ ЧУНЦИНА

Ты хочешь видеть все богатства красок —
Хотел бы я, чтоб ты в Чунцине пришел,
Здесь море крыш лиловых, желтых, красных,
Здесь два потока, серые, как шелк.

И днем, переливаясь, он трепещет,
Зеленовато, мутно-желто плещет,
Серебряной ложится полосой
И бронзовой волной встречает вечер,
Неся костры багряных парусов.

Луч золотой колышет занавеску —
Приподыми, в вечерний мир взгляни:
Там по горе, цветя павлиньим блеском,
Уходят в небо города огни.

Широкое полночное приволье
Над красок всех уснувшей чередой,
В беззвездном небе, как на черном поле,
Янтарный легкий месяц молодой.

И он плывет своей дорогой длинной,
Но спутников еще в дороге нет,
Их нет еще, художников Чунцина,
Они родятся, так же как рассвет,

Который, встав на выси красной, горной,
Своей зарей, что легче лепестков,
Вновь разобьет все чудо ночи черной
На тысячи искрящихся кусков,

Чтоб отразились город и долина,
Омытые сошествьем бирюзы,
Опять в потоке серого Цзалина,
В потоке сером старого Янцзы.

В КИТАЙСКОМ ТЕАТРЕ

Пустая сцена. Словно на экране
Рыбак и дочка, лодки ни одной.
Давно когда-то в ярости крестьяне
На феодалов двинулись войной.

После войны, не очень-то удачной,
Участники скрываются в глуши.
Прошли года. Отец и дочь рыбачат
И о друзьях грустят в своей тиши.

Приходит друг. Рыбак и дочка рады.
Одежда их — скромней иметь нельзя.
А гость блестит роскошнейшим нарядом,
Атлас и шелк, — так ходят лишь князья.

И я спросил: «Мой ум не понимает —
Но почему к нему приходит князь,
Рыбак его, как брата, обнимает,
Смеется дочь, его красой пленясь?»

Сосед сказал: «Он нищий настоящий,
Нет, он не князь, а этой сцены смысл:
Его душа богата и блестяща,
Его души одежды видим мы!

Он боевой, пропавший друг обоих,
Все думали, что он в бою сражен.
Вот почему старик тот счастлив вдвое
И рада дочь, что все же спасся он!»

НА ЗЕМНОМ ПРОСТОРЕ

1937 - 1965

I

СОВЕТСКИЙ ФЛАГ

Флаг, переполненный огнем,
Цветущий, как заря,
И тонким золотом на нем
Три доблести горят:
То молот вольного труда,
Серпа изгиб литой,
Пятиконечная звезда
С каймою золотой.

Был побежден народный враг
Народною рукой,
И сто народов этот флаг
Взвивают над собой —
На самой высшей высоте,
На самой дальней широте,
Среди полей и городов,
Меж волн бесчисленных рядов.

В нем — человечеству привет, —
И проще в мире флага нет;
В нем — нашей славы жаркий цвет, —
И жарче в мире флага нет;
В нем — нашей силы грозный свет, —
Сильнее в мире флага нет;
В нем — правда наших красных лет, —
Правдивей флага нет!

ПЕРЕКЛИЧКА ГЕРОЕВ

В просторах вольных ветер дышит.
Румянит осени лицо,
Четыре голоса он слышит,
Как перекличку храбрецов.

Над степью дальней, степью голой
Могучий голос говорил:
«Я друга верного — монгола
Оборонил и охранил!

Я крылья вражеские сбросил
С небес на горькие пески,
Где жаркой пылью вихрь заносит
Разбитых гусениц куски!»

Над львовским тополем, над Пущей
Веселый голос в небе рос:
«На братний крик, на крик зовущий
Мой путь был радостен и прост».

Над морем, с пеною стальною,
Над прибалтийскою сосной
Шел голос третий над волною:
«Я здесь исполнил долг иной!

Я встал пятой непоколебимой
На этих дружбы берегах,
Чтоб славу родины любимой
И день и ночь оберегать!»

Над финским вереском и хвоей
Бил голос в неба глубину:
«Я здесь на бой ответил боем,
К полету крылья развернув!

И под крылом летящих строев,
С победой новой заодно,
Река Сестра — моей сestroю,
Рекой советской стала вновь!»

КОГДА ВЕСЬ ГОРОД ПРАЗДНИЧНО ОДЕТ

Когда весь город празднично одет,
По улицам проходят знаменосцы,
И, отражаясь в масляной воде,
Играют флаги яхт и миноносцев,
И вслед коням, залязгав на ходу,
Стремятся танки армии любимой,
А в небесах, в подоблачном ряду,
Стозвучных птиц полет неукротимый, —
Народ поет о радостях живых
И о бойцах отваги непреклонной.

И я стою на площади зеленой,
И двадцать лет упало с плеч моих.

Гранитных плит торжественный квадрат.
Вокруг него ноябрьские деревья,
Вокруг него великий Ленинград,
Народных толп веселое кочевье,
Вдали широкоплечая Нева,
А здесь — в квадрате, полном странной

силы, —

Сверкающая инеем трава,
Геройская спокойная могила.
В земле родной легко лежат они,
Что шли в боях в сиянье стягов красных,
В дни торжества народного взгляни
На имена погибших не напрасно.

Кипящий город, черной банды бунт,
Трепещет враг пред силой пролетарской,
И падает неистовый трибун,
Из-за угла сраженный Володарский.

И под набат, как под удар ножа,
Встал Нахимсон средь палачей сутулых,
И пред его спокойствием дрожат
Белогвардейцев каменные скулы.
И Ярославль обманутый горит,
Летит измены пепел раскаленный...

Но голосом Урицкого гремит
В ночах Чека — Советов оборона.
О, если б с нами, радостью дыша,
Он шел сейчас по площади знакомой,
Каким его народ бы встретил громом,
На празднике приветствовать спеша.

Здесь Сиверса окончен путь недлинный,
Он мало жил, но много битв узнал,
Он немцев бил на нивах Украины,
Он гайдамаков волчьей стаей гнал.

Весна. Цветы. Леса омыты светом,
До нежности ли, вёсны ни при чем, —
В последний бой, как в огненное лето,
Наган сжимая, входит Толмачев.
Из смерти в смерть, о жизни не жалея,
Водили мы непобедимый строй.
Здесь Купше спит, Таврин лежит, Сергеев,
И Раков здесь, моих стихов герой.
И Лихтенштадт, и храбрый Солодухин,
И сколько рядом — всех не перечесть...
Недаром — нет! — несли вы через муки
Свободы честь и славной смерти честь.
И с вами лег, овеян ветром сосен,
Страны озер бесстрашный коммунист,
И Виттасари снится в шхерах осень,
На мох летит березы острый лист.

И говорит товарищу он: «Вейне,
Другой весной мы родину вернем...»
Так спите, братья, — есть у вас наследник,
Всемирный брат его мы назовем.

Сегодня с нами также он ликует,
И радостью душа его полна,
Он вспоминает летопись такую ж,
Такие же, как ваши, имена.

На улицах далекого Шанхая,
В испанской ли неведомой глуши...
Мы будем петь, чтоб песни, не стихая,
Весь страшный мир по-братски обошли,
Чтоб среди песен, радостных и сильных,
Одна была — как грозный взмах крыла:
О крови той, что пролита обильно,
О крови той, что даром не прошла!

ПЕТРОГРАД, 1919

1. Часовой

Гудел закат осенним шквалом
Над часовым,
За пулковским пустынным валом
Летел пожаров дым.

Был часовой лихой кузнец ли,
Иль токарь боевой,
Иль плотник с песней молодецкой,
С чубатой головой.

Был часовой стрелок, моряк ли,
Иль воином иным, —
Виски усталостью набрякли
От длинных лет войны.

Стоял в изорванной шинели,
Испытанный в боях,
И всех невзгод над ним летели
Косматые края.

За ним лежал во мгле ненастной,
Тяжел и нелюдим,
Тот город, гордый и прекрасный,
Что был непобедим.

В осенних дней холодной пене,
В ночах, острей ножа,
Он был готов стоять бессменно,
Тот город сторожа.

Он был готов стоять бессменно,
Замены не прося,
Ему сказал, нахмурясь, Ленин,
Что отступить нельзя!

2. Враги

А проклятые, землю кровавя, все ближе
Подходили враги,
Этот путь всеми муками смертными выжжен,
Эти белого ада круги.

Это к городу шла разгуляться
Длинноусого вора орда,
Это шли на российских хлебах отъедаться
Иноземной орды господа.

И от белого ль финна, от белого ль эста
Сколько нечисти той принесло,
Замесилось пожаров тяжелое тесто
И на крови рабочих возшло.

Только мертвые были, как братья, похожи...
Меж смертельно тоскующих нив
Им казалось, что все одного и того же
Каждый день убивают они.

И что тот большевик, тот бессмертный рабочий
Все навстречу из ямы встает,
И сражается вновь, и сдаваться не хочет,
И победную песню поет.

Им гранитного города снились палаты,
Над Невой разукрашенный сад,
Когда в лоб им ударил над пулковским скатом
Петроградских орудий раскат.

Где шатается нынче, не знаю, Родзянко,
Но тогда он сказал сгоряча:
«Завтра буду по Невскому шпорами звякать, —
Что глядеть мне на город сейчас!»

Им казалось все треском последних хлопушек
Над игрушечной той высотой,
Когда грозно ворвалось в пьяные уши
Это полное трезвости: «Стой!»

3. Англичане

Что за флаги блещут на закате,
Чей эсминец разводит волну? —
То британский предательский катер,
Захлебнувшись, уходит ко дну.

Чья мелькнула стальная обводка,
Чернотой поднялась глубина? —
То британская серая лодка...
В вечный сон погрузилась она.

«Почему мы погибли без славы,
Моряки океанского льва?» —
Вы спросите того, кто отправил
Из далекого Лондона вас!

Вы придите к нему вот такими,
По плечам чтоб струилась вода,
Чтоб губами зелеными имя
С мертвым хрипом проклясть навсегда.

Вы скажите ему, да погромче,
Что со дна поднимается месть,
Что на свете — вы знаете точно —
Не одна, а две Англии есть!

Если первая словом обманным
Их направила на Петроград,
То вторая вела сквозь туманы
Их печальные тени назад.

И что Англия эта вторая
Помнит яростно имя его,
Голодая и зря умирая, —
Так скажите от сердца всего,

Чтобы он ваше слово припомнил
И чтоб это сбылось поскорей,
Когда будет народом он вздернут
На красивейшей мачте морей!

4. Город. Ночи обороны

Ну, как сейчас припомнишь эти ночи,
Как будто где-то далеко грохочет,
А в улицах мертвеет тишина,
И только по холодным голым сучьям
Дробь дождевая катится и мучит
Людей, сидящих молча у окна.

Вкруг города — кладбище паровозов,
А в городе — разбитые дома,
Детей голодных жалобы и слезы,
И нищего базара кутерьма,
И мысли, оголенные, как сучья...

Нет, не таким был Петроград могучий,
Он вышел тихо в вечер ледяной,
Он баррикад выстраивал громады,
Он вышибал прикладами окно,
Он пулеметы ставил там, где надо,
Колючую он проволоку вил,
Чтоб враг бы в ней свои запутал шпоры;
От ненависти плача и любви,
Сжигал дома или сносил заборы,
Чтобы расчистить пушечный обстрел;
Он на чердак перетаскал гранаты,
Чтобы в любой проулочной норе —
Чтоб только смерть была врагу вожатым.

Хлеб яростно пекли пищевики,
И швейники шинели молча шили,
И женщины, набив песком мешки,
Сложить окоп из тех мешков спешили.
Докладчик в зале, от махорки душной,
Читал доклад о битвах в Октябре,
И моряки, доклада не дослушав,
Уже в ряды теснились на дворе.
Домохозяйки корпию щипали,

И, от бессонных синие ночей,
Путиловцы по гайке собирали
Броневики — с винтовкой на плече.

И, мрак прорезав светом небывалым,
Как будто бал затеян на всю ночь,
Дружины шли в богатые кварталы
Проверить в доме каждое окно,
Перетряхнуть матрацы и перины,
Раскрыть шкапы, поднять полы порой.
И там, где с виду было все невинно,
Оружье было спрятано горой, —

Где ждали белых, так уж их хотели,
Что в шинелях заранее потели,
Зажав наган дрожащею рукой,
Пришив погон и на мешке с мукой.

И гадов тех снимали те отряды...
Таковыми были ночи Петрограда.

5. Бой

В сиянье солнца гулкого,
За боевой трубой,
Иду холмами Пулкова
В далекий этот бой.

Встают бойцы упорные
На утре давних дней,
Кость белая и черная
Пытают: кто сильнее!

У Пулковских размашистых
Неприбранных высот,
У подступов овражистых
В атаку полк идет.

Поет, — и это пение
Все шире и лютей,
Оно глушит шипение
Летающих смертей.

И белый полк без выстрела,
Бледнея, пятит шаг,
И рвется в поле чистое
Занывшая душа.

Но надо ж и ответ держать,
И, поборов тоску,
Идут они в штыки, дрожа...
Подходит полк к полку.

Сошлись они без выстрела,
Устлав траву собой...
Смотрю на поле чистое,
В далекий этот бой.

Вы, милые товарищи,
Вас бил далекий град,
Вы — те, что дрались давеча
За Красный Петроград.

Вы с честью били врага
Разбойных всех племен,
Нам ваше имя дорого,
Ваш подвиг — с нами он!

В сиянье солнца гулкого,
Он с нами навсегда,
Над славной высью Пулкова
Летит, горя, звезда.

То, крылья величавые
Приветно закачав,
Летит над вашей славою
Питомец новых слав!

* * *

И о битве ночной, и о злобном враге его,
И о подвига славе прямой
Я хочу написать капитану Агееву
В заамурские дали письмо.

Только вот не напишешь — заботы да хлопоты,
Смотришь — за полночь день лишь затих;
Капитан, слыша гул океанского ропота,
Гул стихов не услышит моих.

У него и забот же — куда тут управиться!
До стихов ли — работы гора,
Только имя его золотое ударится
В стихового строку серебра...

* * *

Когда людям советским в их мирном сне
Все хорошее, доброе снится,
Я хочу говорить об одной тишине,
О глубокой, полночной, большой тишине,
Что стоит на советской границе.

Пусть граница песками, горами идет,
По лесам, по полям и по льдинам, —
Пограничник дозор неустанно ведет,
Милый край охраняя родимый.

В этой звонкой тиши тебе слышать дано,
Если ты остановишься с хода,
Как спокойно и радостно бьется оно —
Сердце родины, сердце народа.

Ты поставлен на строгий, священнейший пост —
Оглянись — и над леса резьбою
Ты увидишь сиянья струящихся звезд,
То кремлевские звезды с тобою.

А над рощей, где лунные льются лучи,
Тень легла на утес исполинский,
Будто в первой седой пограничной ночи
Проверяет заставы Дзержинский.

И, наследье чекистское свято храня,
Ты идешь в тишине необычной,
Чтоб ни лязгом винтовки, ни стуком коня
Не смутить тишины пограничной.

И, глядя в зарубежный, сгустившийся мрак,
Ты стоишь замирая, не дышишь,
Каждый вражеский шорох и вражеский шаг
Точным ухом ты сразу услышишь.

Точным выстрелом сразу сожжешь эту тьму,
Потому что в стрельбе ты отличник,
И спокойно, товарищ, мы спим потому,
Что границу хранит пограничник.

Я хочу говорить о большой тишине,
Полной громкой, торжественной славы,
Этой песней, подобной неслышной волне,
Верным стражам Советской Державы!

ВОСПОМИНАНИЕ КРАСНОАРМЕЙЦА XI АРМИИ

Большие годы, дальние
Запали нам в умы,
Как бились в Красной Армии
В Одиннадцатой мы.

Дробили вражьи полчища,
Летевшие на нас,
Храня твои урочища,
Твои края, Кавказ.

Пришло нам время лютое,
Повсюду враг залег,
Раздетые, разутые,
Ушли мы на восток.

Патроны все расстреляны,
Все кончились корма,
Ударила метелями
Калмыцкая зима.

Рука лежит на поводе
Синее топора,
Мы шли в тифу и в голоде,
Одетые в буран.

А над холмами снежными —
Замерзших груды тел,
Пустыней шли безбрежной мы,
Где ворон не летел.

Лишь волк спиной потертою,
От холода свинцов,
Блеснет да ткнется в мертвое
Шершавое лицо.

И на того на волка мы
Смотрели, как в бреду,
И каждый думал: «Долго ли...
Сейчас я упаду».

Упавших не считали мы,
Тоскуя без границ,
И снились нам за далями
Сады родных станиц.

На Волге отдохнули мы,
Утих метели гром.
Богаты стали пулями,
Всею боевым добром.

Мы отстояли Астрахань,
Ломали белым кряж,
Водил нас в битвы частые
Любимый Киров наш.

Мы дрались под Царицыном,
И — пленным — в эти дни
Смотрели прямо в лица им,
Угрюмей, чем они.

Смотрели в их по-кроличьи
Безумные глаза,
От ярости и горечи
Ни слова не сказав.

В ночь, звездами сожженную,
И сон нам не покой,
Все снились наши жены нам
Над Тереком-рекой.

Уж тополя по зорькам там
Стоят, как бунчуки,
Лежат меж нами горькие
Пустынь солончаки.

Уже снега расцвечены,
Весна уж налицо, —
Однажды сизым вечером
Собрали всех бойцов.

Хоть сколько лет прошло с тех пор,
Я помню все до дна:
Мы видим, вот идет комкор,
Идет сам Киров к нам.

Тесней сомкнув за рядом ряд,
Мы замерли без слов,
Глядим: глаза его горят,
А весь лицом суров.

«Товарищи, — он говорит, —
Вы помните Кавказ,
И все, кто там в степях лежит,
Не в памяти ль у вас?

Когда ударила зима
И между двух смертей
Вы шли, и даже смерть сама
Вас не была лютей.

Вас тиф валил и голод грыз,
Бурана волчий вой,
Свистел мороза синий свист
Над вашей головой.

И вы ушли от милых мест,
Покинув дом в ночи,
Там белых сабель блещет плеск,
Там бродят палачи».

Стояли мы, как онемев,
Глядя по сторонам,
И только месть, и только гнев
Стучали в ребра нам.

«Молчат проклятые пески,
Где кости сложены,
Я знаю силу той тоски,
Которой вы полны.

Мы здесь сразили всех врагов,
И завтра — грозным днем —
От Волги вольных берегов
Мы к Тереку шагнем».

Стояли мы, похолодев
И не сводя очей,
Но каждый вдруг помолодел
От кировских речей.

«Станицы ждут, аулы ждут,
Нас вольный ждет Кавказ». —
Его слова нам сердце жгут,
Кипит душа у нас.

«Не так дорога далека,
Там кончим мы войну,
Обнимет горец казака,
И встретит муж жену».

Была весна, и степь цвела,
Хрустела соль в песках,
И тень орлиного крыла
Лежала на войсках.

Мы били белых, как гроза,
На Тереке седом,
Мы не смотрели им в глаза,
Подернутые льдом.

Мы гнали белых за Кизляр,
И пленникам своим —
Мы не глядели им в глаза, —
На что веселье им?

Мы всю развеяли тоску
В садах родной земли,
И утром огненным в Баку
Мы с Кировым вошли.

Давно то было, но хочу
До старости сберечь
Неизменяемо ничуть
Тот путь, ту ночь, ту речь.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ОДА

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Стучит ли топор дровосека
В глуши затаймырских болот,
Подводный ли строится флот,
Где сложные тайны отсека
И грозных машин обиход,
Плывет ли в Гренландию лед,
Где знамя советского века
Над полюсной льдиной встает, —
От книжных страниц до раскрытых
Пустынь стратосферных высот
Кипит этой силы избыток,
Идет комсомольский поход.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Под гулкий азарт стадионов,
Где мускулы бронзой полны,
Под грохот товарных вагонов,
Везущих богатства страны,

В морях ли, во льдах и туманах,
У горнов, где блещет литье,
В путях ли, которым Стаханов
Дал строгое имя свое,
Под гул самолетных моторов,
В колхозах, где рожь высока,—
Остры их горячие взоры,
Крепка молодая рука.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Идут, отшвырнув, белоручек,
В тайгу, где лишь дебри рычат.
Там жизнь их суровая учит,
Где волки учили волчат.
В мученье трудов неприметных,
В закалке их яростных волей
Встает из тайги беспросветной,
Как юный рассвет,— Комсомольск.
И смотрят отцов их громады
На мир, что действительно нов,
И сердце отцовское радо
Такому упорству сынов.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Бандитский ли залп перекатом
Пройдет пограничной грядой,—
На смену упавшему брату
Встает его брат молодой.
На сопках таких Заозерных,
Где желтый налетчик залег,
Где, флаг его сбросив узорный
В разбойничьей крови поток,
Сметая налетчика силу,
Промчался наш огненный шквал,—
Там над самурайской могилой
И штык комсомольский сверкал.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

Далеко идут по вселенной
Круги нескончаемых битв,
Но слава о нас неизменно
Над ветхой землею гремит.
И племя растет молодое —
Могучего леса побег,
И солнце глядит золотое
На листьев зеленых разбег.

И в шуме той рощи веселой
Пророчество будущих лет:
Свободной земли новоселы
Идут во Всемирный Совет.

От пен океанского вала
До старых утесов Кремля
Такой молодежи не знала
Видавшая виды земля.

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

Мы крепки. Устать еще рано,
Нам нету дороги ко сну.
До края налейте стаканы,
Мы пьем за родную страну!
За то, как ломали невзгоды,
Чтоб горе сломить навсегда,
За братские наши народы,
За звездные их города!

За города юного выси,
Что в дебрях поставили вы,
За древние башни Москвы,
За новые стены Тбилиси.
Пусть сердцем прокатится радость,
Которая всем дорога:
Мы пьем за красу Ленинграда,
За синей Невы берега.

От дыма полярного чума,
Где сало тюленья чадит,
До южного плеска и шума
Гремящих всю ночь Чаладид,
За все города и колхозы,
Что подняты нашей рукой,
Мы пьем за туркменские розы,
За льдистых полей непокой.

За наших заводов ряды,
Что дружно гудят из тумана,
Мы пьем. Мы сильны и горды.

До края налейте стаканы!
За труд, что могуч и суров,
За сердце его ретивое,
За вольных его мастеров,
За их мастерство мировое.

За молодость, славу, за риск,
Мы пьем за охотничьи тропы,
За планер, умчавшийся ввысь,
За юных геологов опыт,
За штурм неприступных высот,
За верный удар ледоруба,
За солнцем спаленные губы,
За реки, пройденные вброд.

За женщин и девушек наших,—
В работе, в учебе, в борьбе
Товарищей лучше и краше
Сыскать не удастся тебе.
Мы петь их еще не умеем,
Так выпьем сегодня в их честь,
Чтоб юным — им жить, пламенея,
И внуков под старость не счесть.

Пока мы пируем в тепле,
Отметим же тостом отличным,—
По темной промерзшей земле
Дозором идет пограничник,
Чтоб падали вороги ниц
От пули, без промаха бьющей,
За витязей наших границ,
И в стужу и в зной стерегущих!

За счастье колхозных дворов,
Кочевья колхозной отары,
За грохот в полях тракторов,
За новые врубов удары,
За новые шахты, за нефть.
За верфи, за домны, за станы,
За жизнь, что гремит неустанно
И век не устанет греметь.

МОСКВЕ 800 ЛЕТ

По духу, и по сердцу, и по праву —
Столица ты, тебе замены нет,
Москва, Москва, свети земле на славу —
Не восемьсот, а восемь тысяч лет!

И чтоб они советской славой были,
Недаром встали над твоей судьбой
Те тридцать лет, что полностью затмили
Восьми веков сиянье над тобой,

Чтоб праздновала снова ты и снова
Победы большевистского пути,
Чтоб Ленинское огненное слово,
Как солнце, жило у тебя в груди.

* * *

Как будто осветила вдруг гроза
Огромную Россию, как на карте,
Когда поднялся Ленин и сказал:
«Есть такая партия!»

Он говорил в событий быстрине,
Среди российской всей разрухи,
В лицо врагу, кричавшему: «В стране
Нет партии, что власть взяла бы в руки!»

...Настанет день, когда на всей земле
Восторжествует ленинское знамя,
Войдут тогда в великий Мавзолей
Послы планеты стройными рядами,

Чтоб благодарность мира принести
За мировую вольную отчизну,
За то, что Ленин указал пути,
Ведущие народы к коммунизму!

ПУШКИНУ

Восходя на горя кручи,
Не отчаявшись в судьбе,
Захотел народ могучий
Слышать песню о себе,

Что пришла бы в мир печальный,
Как веселая гроза,
Чтоб певец необычайный
Правду жизни рассказал.

И в весенний день румяный,
Расцветавший в синеву,
Колыбелью великана
Выбрал славную Москву.

Вывел в песенное поле,
На просторе неглухом
Научил, как вольной волей,
С юных лет дышать стихом.

Чтобы жили поколения
Кровью сердца стиховой,
Жаром пушкинского пенья
Над Невой и над Москвой.

Чтоб над степью и горами,
Как нежнейший сердца друг,
Был тот голос вечно с нами,
Как родной нам речи звук.

Чтобы в ссылках и в гоненьях
Восходил он, как заря,
Чтоб в глуши великий Ленин
Стих твой гордый повторял.

Мы возвысили отчизну,
О которой ты мечтал,
Чтоб зарею коммунизма
Стих, как пламя, прорастал.

Оттого Москва в движение,
Как весенняя река,
Чтоб восславить день рожденья
Дорогого земляка.

И советский наш единый
Весь народ пришел сюда,—
Эта встреча исполинов
Правды, песни и труда!

ПАБЛО НЕРУДА

Я помню, как в детстве мы в школе учили:
На карте зеленым отмечено Чили.

Учили, как Анды громадой упрямой
Над выжженной, рыжей встают Атакамой.

Как медью богато далекое Чили, —
Но все не упомнишь, что в детстве учили...

И вот уж на старости лет предо мной
Является Чили строною иной.

В нем нет уже детской цветистой приманки;
Над медью и нефтью господствуют янки.

Вплетается в шелест чилийских ночей
Тот долларов шелест в руках палачей.

И в этой дрожащей цепями ночи
Задумали песню убить палачи.

Но в медной стране, в этой каменной груди
Живут золотые рабочие люди.

Бессонны их ночи и тяжки их дни,
Но двери для песни раскрыли они.

И песня ушла от погони врагов —
Приют у рабочих нашла очагов.

А дальше укрыли той песни стихи
В глуши патагонских ночей пастухи.

И спрятали в шахтах ее горняки,
Ее увезли в океан моряки.

Летела она на волнах, в городах,
Под небом Парижа и в чешских садах.

Встречали ее, как сестру, пролетая
На запад, свободные песни Китая.

И в песни Москвы эта песня вплелась,
Так просто, как будто бы здесь родилась.

Так просто, как звезды Москвы через тьму
Народу чилийскому видны всему!

АВЕТИКУ ИСААКЯНУ

Послушай хор сердечных голосов
На высоте, прозрачным утром рано,
То песня гор, полей, ручьев, лесов
Иль то стихи звучат Исаакяна?

Да, то стихи, что леса веселей,
Звучней ручья и ветра над Севаном,
В них мир труда, любовь родных полей,
Все, что зовут в стихах Исаакяном.

И виден нам народный их исток, —
Родник студеный, бьющий на поляну,
И календарный шепчет нам листок,
Что вновь весна пришла к Исаакяну.

Пускай пришла осеннею тропой,
Мы говорим сквозь даль ее тумана:
Пусть вечно бьет под вечною весной
Нам стиховой родник Исаакяна.

ПЕСНЯ О КОМСОМОЛЕ

1

Давно уж прошлое, как сон,
Что снится без конца,
Сквозь даль исчезнувших времен
Я вижу два лица.

Как слепки с миллионов лиц,
Веселых и родных,
В пурге полей, в огнях столиц,
В боях я вижу их.

С винтовкой юноша идет,
И девушка за ним,
И красная звезда встает
Над их путем большим.

Готовы жизни положить,
Чтоб будущим владеть,
Но смерть не может их убить,
Они идут сквозь смерть.

И с ними в книгу, в барельеф,
В знамен весенних шелк
Он входит, песней прозвенев,
Бессмертный комсомол!

Сегодня родина зовет
 К просторам золотым,
 И снова юноша идет,
 И девушка за ним.

Я вижу эти два лица
 В светящейся пыли
 Среди степного багреца
 Разбуженной земли.

Как слепки с тысяч лиц других,
 Их в глушь несет река,
 И тени утренней тайги
 Бегут по их щекам.

Над ними вновь звезде сиять,
 Они — на славный труд,
 Земли богатства добывать
 Для родины идут.

И с ними в книгу, в барельеф,
 В знамен весенних шелк
 Он входит, песней прозвенеv,
 Бессмертный комсомол!

А завтра, вновь помолодев,
 Появятся они
 На шумном празднике, в труде,
 Совсем в другие дни.

И все ж похожие на тех,
 Что брали Перекоп,
 Что шли дорогой первых вех
 И первою из троп.

Смирjali русла грозных рек
 И море целины,
 И вот теперь, в атомный век,
 Идут на штурм луны.

Корабль космических высот,
Их вдохновенный труд,
Сигнала отправления ждет,
В полет они идут...

И с ними в книгу, в барельеф,
В знамен весенний шелк
Он входит, песней прозвев,
Бессмертный комсомол!

* * *

Дважды было рожденье мое
На суровой и нежной земле,
Первый раз я увидел ее —
Эту землю лежащей во мгле.

Много сказок напутала мгла,
Как я жил в них, и сам не пойму,
Самой черною сказка была
Про цареву Россию-тюрьму.

Как, по Гоголю, в ней из могил
Подымались во тьме упыри,
И всю юность я в ней сторожил
Появление великой зари.

Да, я шел, спотыкаясь, не зря,
День второго рожденья настал,
Когда свет золотой Октября
Над моей головой заблистал.

Вот тогда-то я в сказку вошел,
О которой мечтать лишь могли,
Не заметил, как вдруг обошел
Полземли и как годы прошли.

Шел сквозь бури, огонь и свинец,
Шел сквозь ложь, не страшась ее,
Миллионы бесстрашных сердец
Воспитали бесстрашье мое.

Я узнал, как велик человек,
Не во сне я живу, наяву, —
Я живу в удивительный век,
В человеческой сказке живу,

О которой мечтали во мгле
Люди, жившие до Октября,
Вижу я, как растет на земле
Человеческой правды заря!

II

* * *

Под сосен снежным серебром,
Под пальмой юга золотого,
Из края в край, из дома в дом
Проходит ленинское слово.

Уже на дальних берегах,
Уже не в первом поколенье,
Уже на всех материках
И чтут и любят имя: Ленин!

В сердцах народных утвержден,
Во всех краях он стал любимым,
Но есть страна одна, где он
Свой начал путь неповторимый.

Где были ярость, ночь, тоска
И грохот бурь в дороге длинной,
Где он родного языка
Любил могучие глубины,

И необъятный небосклон,
И все растущий вольный ветер...
Любить Россию, так как он, —
Что может быть святей на свете!

* * *

Даль полевая, как при Калите,
Унылая, осенняя, нагая,
Леса в зеленой хвойной темноте
Стоят, покой земли оберегая.

И облака проходят тяжело,
Отражены в озерной древней чаше,
И ворон тянет тихое крыло
В безмолвие безлюдных пашен.

И лишь над лесом, черные, маяча,
Бросая тень по просекам в траву,
Столбы высоковольтной передачи
Мне говорят, в какой я век живу!

ЧУДО НА ЛУГУ

На том лугу над кашкой густо-красной,
Над синими огнями васильков,
Вдруг облачко явилось в небе ясном,
Чудесней всех обычных облачков.

И этот луг, теплом земли дышавший,
Свидетельствовать первым мог о том,
Как, сняв скафандр, оранжевый, сиявший,
Шла женщина в небесно-голубом.

Земля ковер свой лучший расстилала,
И по узорам, по цветам ковра,
Из космоса вернувшись, шла устало,
Впервые в мире звездная сестра!

ДЕВЯТОЕ СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА

Я так жалею, что я не был
В том сентябре в балканских далях,
Когда твои земля и небо,
Сестра Болгария, восстали!

Когда волна освобожденья
Сердца людские расковала,
Сентябрь, как май, дышал твореньем
Весны, доселе небывалой.

И годы черные казались
Обвалом, рухнувшим в глубины,
И вновь на Шипке повстречались
Болгаро-русские дружины!

Но уже новою весною
Болгарских братьев обнимал я,
Краса Софии предо мною
Всею блеском мартовским сияла.

Хотя и шли еще солдаты
На фронт, в холмы за Балатоном,
Но миру люди были рады,
Полям без выстрела и стога.

Я слышал вольных песен голос,
Долины пели и поляны,
Где Вела Пеева боролась,
Сражалась милая Лиляна.

И братства верною основой
Остались в сердце дни такие,
Летело слово Димитрова
Над пробужденною Софией.

И вот прошли года... Былое
Глядит героев павших ликом,
А настоящее — с тобою,
В размахе чудном и великом.

Сестра Болгария! Все краше
Страна — любовь золотая наша,
Пускай довольства полной чашей
Твой будет новый день украшен!

Я мысленно пройду от края
Тебя до края, от Дуная —
Все горы, к морю, где играет
Волна зеленая, родная.

И, как волна, пусть пенит радость
Все города, поля, высоты,
Сестер и братьев, зрелость, младость —
Годов трудолюбивых соты!

ЛАТВИИ

Памяти листая снова книгу
У времен далеких на краю,
Вижу я в тумане легком Ригу,
Даугаву, молодость свою.

Вижу я: опять со мною рядом
В бой идут латышские стрелки,
И зарю над яблоневым садом,
И ночлеги в травах у реки.

По дорогам юности кочуя
И в твои влюбляясь чудеса,
Как тогда, сегодня говорю я:
— Здравствуй, Рига, Латвии краса!

Я закрыл страницы дней суровых,
Где гроза темнила белый свет,
Где сгорел, как дом черноголовых,
Дикий сон неповторимых лет.

Юности незыблемое право —
Славить день рожденья своего,
Я иду над светлой Даугавой,
Двадцать лет сегодня ей всего.

Двадцать лет и нашей Риге тоже,
И она румяна и свежа,
И в плаще зеленом всех моложе,
В хороводе праздничном кружа.

И леса зеленый стан стянули
Поясами голубых ручьев,
Над веселой Латвией в июле
Солнце мира светит горячо.

Так свети ж! По праздничному праву
Счастья кубок на землю пролей,
В честь Советской Латвии, во славу
Дочерей ее и сыновей!

По дорогам старости кочуя,
Молодости вспомнив чудеса,
Как тогда, сегодня говорю я:
— Здравствуй, Рига, Латвии краса!

СИБИРЬ

Сто лет назад еще встречались
В твоих раздольях старики,
Что в океанах наскитались,
Хлебнув и штормов и тоски.

На гулких парусах летели
В края тропической земли,
Свою Америку имели
И русской гордо нарекли.

Но край Сибирский — дом родимый
И на Аляске в сердце жил, —
Тоской по родине гонимый,
Из странствий путник приходил

И видел, сколько надо силы
Здесь приложить, чтобы Сибирь
Все тайны недр своих открыла,
Позолотив хлебами ширь.

И вот пришли такие годы,
Как чудных рек твоих разбег,
И всю красу твоей природы
Хранит и ценит человек.

В его хозяйстве — небо, воды,
Земля, и уголь, и руда,
Встают в тайге его заводы,
Растут, как в сказке, города.

Идут, скользя степным раскатом,
Тень самолета, тень орла, —
Ты никогда такой богатой,
Такой могучей не была!

ПЕСНЯ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Мы создали сами народную славу,
Любовь нашу, мира весну —
Советский Союз, трудовую державу,
Любимую нашу страну,
 Необъятную,
 Ширококрылую,
 Непобедимую,
 Могучей силою
 От бед хранимую.

Пусть жизнь ее будет все краше и краше,
Пусть жизнь к коммунизму ведет
Великая партия наша,
Великий советский народ,
 Необъятную,
 Ширококрылую,
 Непобедимую,
 Могучей силою
 От бед хранимую —

Народов славу,
Мира весну —
Советский Союз — трудовую державу,
Любимую нашу страну!

ШАХРИСТАНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Пропасти все шире и отвесней.
Горы все грознее сквозь пургу.
Вот бы им сейчас ответить песней,
Не имею права, не могу!

Я спускаюсь нынче с перевала,
Эту песню за меня споет
Мальчик, что в халате темно-алом
Мне навстречу по снегу идет.

Юный горец, в путь он вышел рано,
Звезды гасли, только рассвело,
Перед строем горных великанов
Время петь теперь ему пришло.

И в своем халате темно-алом,
Вот таким, каким сейчас возник,
Пусть идет к высотам небывалым
Сквозь снега и вьюги напрямик.

Мать сидит на ишаке мышастом,
Никуда от снега не свернуть,
По камням, по ледяным, по насту
Вверх тяжел и долог этот путь.

Мать лицо от ветра закрывает,
С поднятой высоко головой
Мальчик смотрит прямо, точно знает —
Ветер — брат стихии стиховой.

И, покрытый клочьями тумана,
Чудных слов каких-то слыша звон,
Может быть, на высях Шахристана
Первый стих сегодня сложит он!

МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ

Ты вступил в тот волнующий возраст,
Когда жизнь будет бурно цвести,
Когда ближе нам кажутся звезды,
Ниже — горы, короче — пути!

Когда ум шевелить начинает
Давних мыслей и слов вороха,
И, как добрая весть, восхищает
Восходящая сила стиха!

Глубже самых сердечных приветствий
Нашей песенной дружбы итог:
Сколько прожито, видено вместе,
Сколько пройдено вместе дорог!

Я хочу, чтоб в грядущие годы,
Откликаясь на времени зов,
Новым грозам, горам и народам
Ты читал свои строки, Мирзо!

Чтобы снова дорога кружила,
К тишине и покою глуха,
До конца чтобы с нами дружила
Восходящая сила стиха!

ВОСПОМИНАНИЕ

Не может сердце позабыть былого,
Хотя оно уж за годов горой,
Я вспоминаю — и волнуюсь снова —
Далекий ныне год сорок второй.

Над обгорелой рощей, легкой тенью,
Весь голубой июньский день летел.
На линии резервных укреплений
Один участок генерал смотрел.

Смотрел окопы, блиндажи и доты,
Всю маскировку, лазы и ходы,
Все было крепкой, мастерской работы.
Он вдруг увидел девушек ряды.

И в строгие он всматривался лица,
Как будто видел первый раз таких,
Каким не только надо удивиться,
А унести в солдатском сердце их.

— Скажите мне, что здесь работы вашей? —
Спросил он.

— Все, товарищ генерал!

— Как, эти доты строили вы даже?
А кто ж их так хитро маскировал?

— Мы все!..

— А кто вам проволоку ставил?

А кто же вам окопы одевал

Так чисто, что и щепки не оставил?

— Все мы одни, товарищ генерал!

И генерал пошевелил бровями:

— Но мины ж вы поставить не могли?

— Саперами мы тоже были сами,

Всю связь мы тоже сами провели...

— Не малый путь, я вижу, вы прошли!..

И взгляд его скользнул по лицам острым,

По их суровой, девичьей красе:

— А что вы все похожи, словно сестры?

— Мы сестры все, мы комсомолки все!

Мы ленинградки!..

В солнечные дали,
За Пулковский, в боях разбитый вал,
Невольно тут взглянул поверх развалин,
Чтоб скрыть волненье, старый генерал...

Когда теперь мы слышим отовсюду

Про молодости подвиг трудовой —

На целине, на стройках, равных чуду,

Сиянью зорь над юной головой,

Я знаю, что ничто не остановит

Бесстрашных, тех, упорных юных тех,

Пусть грозы все гремят степною новью,

Шторма встают штормов превыше всех,

Пусть колет вихрь миллионами иголок

И валит с ног на предполярном льду...

Я вспоминаю этих комсомолок

Под Пулковом в сорок втором году.

НЕВИДИМАЯ ЛИНИЯ

Поля, холмы, лощины темно-синие,
И перелески легкою волной,
Но через все — невидимая линия,
Неслышная идет передо мной.

От Ладоги вы всю ее пройдете,
Она к заливу прямо приведет,
На старой карте вы ее найдете,
С пометкой грозной — сорок первый год.

Та линия еще сегодня дышит,
Она по сердцу вашему идет,
Она листву вот этих рощ колышет
И в новый дом подчеркивает вход.

Возможно, поколениям близким,
Не так, как будущим, она видна,
Хоть кое-где гранитным обелиском
И надписью отмечена она.

Но кажется, она еще дымится,
И молнии пронизывают мрак,
На ней — на этой огненной границе —
Отброшен был и остановлен враг.

Заговорила роща на откосе,
Прислушайся, о чем шумит она,
Как будто ветер, набежав, приносит
Бесчисленных героев имена!

* * *

Есть такое в ленинградцах,
И чему они верны,
В чем — никак не разобраться
Никому со стороны.

Не в удаче, не в богатстве,
Не в упрямстве даже суть —
А в особом нашем братстве
Над Невой, не где-нибудь!

И в бою и в непогоду,
Среди самых злых забот —
Ленинградская порода
Никогда не пропадет!

БЕРЛИН — 9 МАЯ

Дома здесь двадцать лет назад
В огне и грохоте кипели,
И шли бойцы сквозь этот ад
Неотразимо — к высшей цели.

И вдруг над яростью атак,
Последним, иступленным бредом —
Не красный над рейхстагом флаг,
А солнце красное Победы!

Здесь был окончен долгий путь,
Сюда пришли мы за расплатой —
И Гитлер не посмел взглянуть
В лицо советскому солдату...

...И вновь покой на тихих лицах,
Берлин встречать весну готов,
Не пепел — теплый дождь струится
На цвет сияющих садов.

О мире люди говорят,
Горит воспоминаний пламя,
Пусть злобные глаза следят
Из ночи западной за нами.

И пусть в двадцатую весну
Народы слышат наше слово:
— Здесь, где доби́ли мы войну,
Мы не дадим родиться новой!

* * *

Великим океаном нашей жизни
Сейчас плывем к тем дальним берегам,
Что назовем землею коммунизма...
Наш долгий путь закончим только там.

На меньшее мы в мире не согласны,
И чтобы нам ни встало на пути,
Что сами мы предотвратить не властны, —
Но мы дойдем — нам суждено дойти.

О, если б взрывы ядерные стихли,
Войны холодной вдаль ушел туман,
О, если бы могли назвать мы Тихим
Несущий нас Великий океан.

Мы помним, как увидели японцы
И как рыбак в смятенье закричал:
«На Западе встает впервые солнце!» —
Но то лишь взрыв, несущий смерть, вставал.

Что б ни было — за нас земные сроки,
И каждый день весь род людской следит,
Как солнце жизни всходит на востоке,
Пусть солнце смерти с запада грозит!

Мы доплывем — и берег счастья встанет,
И каждому тот берег будет дан,
И каждый даст ему свое названье,
Восславив жизни синий океан!

ЛЕНИН В РАЗЛИВЕ

За гладью вод Разлива длинного,
За рощей сумрачно рябой,
Поляна тихая, старинная,
Над нею — полдень голубой.

Там в зное августа палящего,
Такого, что звенит в ушах,
Стоял косарь с косою блестящею,
Задумавшись у шалаша.

Молчанье вокруг — стеною серою,
А дума на душу легла,
И жизнь сама сказала: верую
В его великие дела.

Здесь — утром — тишина росистая,
Безмолвье ночью и туман,
А там бурлит вся ширь российская,
Гремит рабочий океан.

Он оглядел поляну скромную,
Далеко мысли унесло —
А разве там все царство темное
Быльем-травой не поросло?

Он знал, с косою занесенною
Над бурой, выцветшей травой,
Что вслед за нею — неживой —
Все скосит царство полусонное
Размахом бури мировой!

* * *

Полярной ночью светятся огни —
То ожерелье Мурманска цветное,
Но в это сердце Севера взгляни —
Оно ведь наше, близкое, родное.

Когда в необозримый океан
Из Мурманска уходят мореплавы
И каждый верой в счастье обуян —
Они идут дорогой старой славы.

Да будет счастье с ними в этот год,
Великая и добрая добыча,
Пускай из года в год она растет,
Героев новых на просторы кличет!

Вас — тружеников северных морей
От всей души приветствую я ныне —
И пью здоровье вас — богатырей,
Хозяйствующих в море, как в былине!

ВТОРОЕ ДЕКАБРЯ — ПЕСЕННЫЙ ДЕНЬ

*Герою Социалистического Труда —
Александру Прокофьеву*

Облака идут гурьбою
Над твоей Кобоной,
Над травой голубой,
Над волной зеленой.

Так идут гурьбой чудесной,
В Ленинграде — к дому —
В старом сердце столько песен,
Впору молодому!

Облака те не простые,
Это — жизни годы,
Годы легкие, литые,
Есть стальной породы.

Годы, алые, как вишни,
Вешние истомы,
Годы поступи неслышной,
Годы — словно громы.

Встал хозяин, чтоб размяться,
Песенник и воин,
И сказал: «Я нынче, братцы,
Лучших слов достоин.

Вы хулите иль хвалите,
Не судите строго,
Я на свете — славный житель,
Видал в жизни много.

Со щитом и на щиге был,
Всякое бывало, —
Всякая там, к черту, небыль
Предо мной дрожала.

Этот день — хороший вестник,
На большой неделе,
Так споем же, братцы, песню,
Как бывало пели.

Когда были помоложе,
Кровь кипит по жилам,
Будем петь ее чуть строже,
Но со старым пылом!

Пусть ту песню слышно будет
Всему белу свету!..»

...И пошла та песня в люди,
И конца ей нету!

В ДНИ ПОБЕДЫ

Был мирным солнцем мая мир пригрет,
И теплый дождь опять с улыбкой слушал.
И яблоневый светоносный цвет
На танки осыпался и на пушки.

И шли бойцы славнейшей из дорог,
Оплот врага последний побороли,
Навстречу им несметный шел поток
Людей, освобожденных из неволи.

Всех радовала о победе весть,
Они бойцов восторженно встречали,
Из разных стран Европы люди здесь
Среди советских весело шагали.

Был у бойцов один вопрос простой:
— Вот вы французы, видно это сразу,
А почему идете на Восток,
Отчизна ваша на Востоке разве?

Один ответил: «Слушайте, друзья,
В плену фашистском сгиб бы я жестоко,
Да, родина на Западе моя,
Но жизнь ко мне вернулася с Востока!»

УТРО ПОБЕДЫ

Уничтожив все вражьи стоянки,
И, кончая смертельный свой труд,
Полны сил, наши кони и танки
Воду Эльбы и Одера пьют.

К Бранденбургским вратам не украдкой,
А победно, в дыму и в пыли,
Через Шпрее, по мостикам шатким
Штурмовые отряды прошли.

Под руинами стен раскаленных
Еще смертники пьяно галдят,
Их последние фаустпатроны
Из разбитых подвалов летят.

Догорают фашистские бредни,
И над городом — дымный венец,
И конец фолькштурмистам последним,
Первым фюрерам — тоже конец.

Вот салюты победы грохочут...
Над пожарищем, в майском тепле,
Уже мирное утро хлопочет
На разбитой и черной земле.

И детей, истощенных, голодных,
В это утро, что нету свежей,
Из котлов своих кухонь походных
Победители кормят уже.

И от страха тяжелые ноги
Унося от столичных ворот,
Обреченный палач по дороге
В пустоту одиноко бредет.

Он напрасно заклятья бормочет,
И над ним, беспощадно клонясь,
Занесен над обломками ночи
Светлый меч восходящего дня!

ВРЕМЕНА И ДОРОГИ

1967—1969

Солнечный дозор

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЗОР

Бывает, в летний вечер красный,
Иль в вечер с синим льдом,
Вдруг с теплотой огней всевластных
Лучи ворвутся в дом.

К вещам обычным прикасаясь
Неслышно и светло,
Как будто передать стараясь
Последнее тепло —

То книге, ярко освещенной,
То шхуне костяной,
Или фигурке полусонной,
Что вспыхнет белизной.

Живые токи света бродят,
Наш ослепляя взор, —
Как будто через жизнь проходит
Тот солнечный дозор.

С таким возвышенным стараньем,
С неведомых сторон,
Все, что зовем воспоминаньем,
Вдруг освещает он, —

И то, что было злым и ломким,
Или сродни громам,
Души косматые потемки
И темный лес ума.

Но то, чем в прошлом сердце жило,
Ключей всех горячей,
Встает пред нами с новой силой,
Струясь в огне лучей.

Пока они блестящим дымом
Текут, как сон за сном,
Тем, что уже неповторимо,
Мы заново живем!

БРОНЕВИК

Эта ночь была не проста,
В ней родился победы клич!
Броневик у вокзала встал —
И с него говорил Ильич.

И казалось ему самому —
Броневик лишь сигнала ждет,
Будто сам подставил ему
Броневое плечо народ.

Черной ночью, от искр рябой,
Изменялся города лик,
Человеческий шел прибой,
Унося с собой броневик.

В море лет тот прибой не стих,
До сих пор он в сердцах звучит,
Жив и отблеск волн огневых,
Броневик в апрельской ночи.

А теперь он стоит суров,
Как исполнивший долг боец,
И не нужно высоких слов,
И не нужен красок багрец.

Пусть на нем играет заря
Молчаливо и горячо,
Только шапку сними, смотря
На его седое плечо!

* * *

Июль девятнадцатый, год двадцатый,
Дворцовая площадь, по ней идет
Всех цветов кожи, замысловатый,
Интернациональный народ.

То делегаты Второго конгресса,
Идут и глядят на громаду дворца,
Точно лишенную силы и веса,
Как этот ангел, что смотрит с отвеса
На равнодушную плоскость торца.

Все удивительно здесь делегатам:
Древней квадриги над Аркой полет,
Ходит рабочий по царским палатам,
Ленин по площади с ними идет.

Видит, шагая, он дальние ночи,
Тусклые светы рабочих трущоб,
Там, где кружки собирались рабочих,
Где он учил их, учился, пророчил,
Где о Победе мечталось еще...

Слышит слова иноземца собрату:
— Чувствуй, товарищ! Идем не во сне,
Здесь дело сделано! Точная дата.
Нам бы такую в своей бы стране...

Да, эта площадь, дворец, эта арка
Вписаны в нового века размах,
И от дыханья истории жарко
Нынче на хладных Невы берегах.

Вижу: уверен он, тверд и спокоен,
Слышу: народ приутих, не шумит,
Только лишь чайки кричат над рекою,
Он на трибуне, и он говорит.

Он говорит человечества ради,
Ради грядущего, об Октябре,
В этот последний приезд в Петрограде,
Перед дворцом, на вечерней заре!

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС В РОССИИ

Уэллс сидел, смущение осплив,
Мудрец, посол от Запада всего,—
Глаза прищурив, перед ним Россия
Заговорила, выслушав его.

Тьма за окном грознее все и гуще,
А собеседник говорил о том,
Как жизнь народа расцветет в грядущем,
Наполненная светом и теплом.

Как будто бы страны он слушал душу,
Уэллс запомнит этот день и час,
Как будто бы впервые в мире слушал
Прекрасный утопический рассказ.

Но вспомнил грязь, детей голодных руки,
Всех бедствий за углом девятый вал,
Там холод, смерть искусства и науки,
Безграмотные нищие, развал...

— Как справитесь вы с вашим отставаньем
Во мгле слепой, никак я не пойму...—
Российским фантастическим мечтаньем
Весь разговор представился ему.

Простился, шел, пожав плечами, к двери,
Иронии во взгляде не тая,
И мозг фантаста отказался верить
Простому реализму бытия.

Он снова в мире, где тепло и чисто,
Где и шутя не могут намекнуть,
Что именно в России этой мгlistой
Нашли рычаг — жизнь мира повернуть.

Что именно в России — так уж вышло,
Превыше всех больших и малых правд,
Что именно отсюда к звездам вышним
Взлетит победно первый космонавт.

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ

Жизнь ваша стала книгою,
Которой дивится свет,
Вы начали путь под Ригою
В годину народных бед.

Встала над звездами низкими
Армии Красной звезда,
Вас называли латышскими
Чудо-стрелками тогда.

В мире отныне вольном,
В мире больших тревог,
Кремль охранял и Смольный
Латышских полков стрелок.

Шли вы с отвагой недюжинной,
В битвах победу беря,
Вас называли заслуженно
Гвардией Октября.

Вы проходили над безднами,
Мало осталось в живых,
Вас называли железными,
Были такими вы!

Шли вы восстаний дымами,
И, не щадя головы,
Были непобедимыми,
Были верными вы!

Мир запомнил огромные,
Точно времен радар,
Ваши удары под Кромами,
На Перекоп — удар!

Всех и не счесть сражений,
Всех и дорог не счесть,
Пример для всех поколений —
Ваши гордость и честь!

Так оно было, братья!
А кончился ваш поход
В освобожденной Латвии —
Сорок четвертый год!

Ныне — салют над Ригою,
В вихре ракет — Москва,
Дела ваши стали книгою,
Что будет вечно жива!

* * *

В Смольном комната есть небольшая.
Ее знает вся наша страна,
Глыбы времени в прах сокрушая,
Все такая ж, как прежде, она.

И все кажется, в этом молчанье,
А оно неподвластно перу,
Что в нее он с ночных совещаний,
Как всегда, возвратится к утру.

Мы увидим всей памятью сердца,
Что сейчас лишь о нем говорит;
Он к окну подойдет, чтоб взглядеться
В нарастающий пламень зари.

Точно все, что свершится на свете,
Все, что будет с родною страной,
Он увидит на зимнем рассвете
В это синее, с хмурью окно.

Пусть другим ничего не известно,
Ему видеть далёко дано...
Мы стоим в этой комнате тесной
И в волшебное смотрим окно.

Пораженные видом мгновенным,
Ощущая времен перелом,
Точно темные судьбы вселенной
Вдруг столпились за этим стеклом.

ИНДИЙСКИЙ ГОСТЬ

Рафик Ахмад пришел на площадь Красную,
И точно сон увидел наяву —
Почти полвека прожил не напрасно он,
Мечта сбылась — он прилетел в Москву.

Почти полвека он в столице не был, —
А кажется, что лет прошло уж сто,
Из старого осталось только небо,
Да и оно какое-то не то.

И в нем, как верхолазы — вертолеты,
Разросся город — нет конца ему,
И вспомнил он далеких дней заботы
И в Пешаваре старую тюрьму.

В кровь сбитые свои увидел ноги,
Снег перевалов, каменную глушь,
Смертельный мрак басмаческой берлоги,
Разбойничьих, как ночи черных, душ...

— Из Индии в Москву идешь, изменник! —
Убили бы... Но красные клинки
Его спасли. Освобожденный пленник
Пришел в Москву, жил у Москвы-реки.

Здесь сердце билось гулко, по-иному,
Здесь ленинские слышал он слова.

...И через горы вновь дорога к дому,
И вновь тюрьма и нищий Пешавар.

Все позади... Над ним закат пылает,
И Красною он площадью идет,
Пред ним склонились нынче Гималаи,
Его увидя сказочный полет.

Московских зданий розовеют глыбы,
Сады осенним пламенем горят.
— Тебе, Москва, тебе, Москва, спасибо! —
Так старый говорит Рафик Ахмад.

— Когда-то шел я тропами глухими,
Сегодня вижу я Побед зарю,
И славлю я твое большое имя, —
Спасибо, Ленин, трижды повторю!

Я шел в Москву кровавыми ногами —
Сейчас летел быстрее света дня,
Ты сделал так, что лет крылатых пламя
Крылатым также сделало меня.

Сегодня знают люди всей вселенной,
Что человек и должен быть крылат! —
На этой Красной площади священной
Так старый говорит Рафик Ахмад!

НА ПАРОВОЗЕ

(Рассказ машиниста)

Это рассказывал Ялава Гуто:

— Разные были в борьбе пути,
Должен я был неизвестного друга
Через границу перевезти.

Ну, а реакция просто звереет,
Не обойдешь ее стороной,
Все в революции силу имеет,
Даже вот поезд дачный ночной.

Был он под номером семьдесят первым.
Август. Темно. В вагонах огни.
У полицейских — крепкие нервы,
Ну, а у нас — покрепче они.

Так в темноте подходим к Удельной,
Глянул из будки — тишь и покой.
Вижу, спешит походкою дельной
Среднего роста, плечистый такой...

И к паровозу. За поручни сразу,
Ловко поднялся, уж в будке стоит,
Смотрит в упор прищуренным глазом,
В кепке и в тройке — рабочий на вид.

Бритый — и сразу пальто в сторонку...
Грохот стоит — не слышать слова.
Лазает в тендер, гремит заслонкой,
В топку подбрасывает дрова.

Трудно ему от шума, от жара,
Трески такие, как при пальбе.
Вот же какого, смеюсь, кочегара,
Ялава Гуго, послали тебе.

Но тут же я задумался остро,
Самой тревоги пришла пора.
Скоро граница, Белоостров.
Там полицейские, там юнкера.

Вот и конец уже перегона,
Все фонари вокруг зажжены,
Заперты наглухо все вагоны,
Входы и выходы окружены.

В шуме и крике блестит оружие.
Я говорю себе: погоди,
Ялава Гуго, ты ведь не хуже
И хитрецов не таких проводил.

Вот уж они к паровозу, а я-то
Сразу тут свой паровоз отцепил,
Обдал их паром, ищеек проклятых,
Сколько хватило котельных сил.

И у колонки водонапорной
Я проторчал до отправки, пыхтя.
Третий звонок — прицепился проворно,
Свистнул — и снова уж рельсы летят.

Кажется, можно ехать без спешки,
Мой же помощник не хочет устать,
С хитрой усмешкой бросает полешки,
До Териок уж рукою подать.

А в Териоках дружка стороною
Тихо спросил я, в плечо постучав:
— Верно ли был это Ленин со мною?
— Верно, — мне шепотом друг отвечал.

Ленин простился, махал мне рукою.
Дальше, на Выборг, состав мой пошел...

Позже, в Кремле, мы встречались порою,
Смеялись, как ехали хорошо
В ту ночь...

ЭЛЛАМЫ С ОСТРОВА САРЕМА

Хочешь, зови это северной сагой,
Эпосом, песней, гимном зови, —
Элламы с острова жили отвагой,
Зовом великой любви!

Их было пятеро — братьев трое,
Двое сестер, — заводилой была
Старшая, та, что ночью порою
По хуторам на восстанье звала.

Кто же Мари не знал у повстанцев,
Черного ее жеребца, —
Тут не до песен и не до танцев,
В битве сражалась она до конца!

Эллам Антон — непримиримый,
В Таллине пал он в двадцать втором.
На хуторе Ааду, врагами гонимый,
Ушел Александр в огонь и гром.

Ксения Эллам — инструктор райкома,
Билась с фашистами с глазу на глаз,
Смерть она встретила в Таллине, дома,
Там, где боролся рабочий класс.

Иохан Эллам — последний из братьев,
В народ его имя легенды несут,
Смерть принимает его в объятья —
В схватке бесстрашной в родном лесу.

Чайки кричат, как строки поэмы,
На строгом, скалистом берегу:
«Эллады с острова Сарема —
Они никогда не сдаются врагу!»

Хочешь, зови это красной сагой,
Северным эпосом, песней зови,
Эллады с острова жили отвагой
И умирали во имя великой любви!

КОСТЕР У СМОЛЬНОГО

На пороге немыслимых дней,
Там, где Смольный стоял, как гора,
Был солдат из рабочих парней,
И задумался он у костра.

Он глядел в этот жаркий костер
И за огненный видел порог,
Что костер этот пламя простер
В бесконечность походных дорог.

Осветил небывалые дни,
И горела на шлеме звезда,
И горели биваков огни,
Нестерпимо большие года.

Пусть они отсверкали в былом,
Все казалось, что снова стоит
У сибирских костров, над Днепром,
Там, где город далекий — Мадрид.

В сорок пятом окончился шквал,
Полон чувством единым одним,
Уж в Берлине стоял генерал,
И костер догорал перед ним.

И в костре том, на майской заре,
Он узнать уголек был не прочь
От костра, что когда-то горел
Перед Смольным в Октябрьскую ночь!

ГОВОРЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ

Чего бы нам пророки ни вещали,
Ни перед кем мы не были в долгу.
Исполнили, как деды завещали, —
Мы Ленинград не отдали врагу!

Легенды снова сделали мы былью,
А враг наш был смертелен, но не нов,
Мы первые его остановили
В Европе, потрясенной до основ.

Лишь четверть века мирно миновало,
А кажется, уже прошли века,
И Ленин так же, как тогда — сначала,
Нам с башни говорит броневика.

Гремят салюты и веселий струны,
Лежат снега светлее серебра,
А белой ночью комсомолец юный
О подвигах мечтает до утра...

ЛИЛЯНА В ПЛОВДИВЕ

Вот он, Пловдив зеленоплечий,
Виден там, где Марица-река,
Над речной вековечной речью,
Холм Свободы издалека.

А под ним сады и поляны,
День сменяет синюю ночь.
Здесь погибла наша Лиляна,
Золотой Болгарии дочь.

Вспомни лет этих черных ворох,
Все зажал фашистский кулак,
Уходили смелые в горы,
И сказала Лиляна так:

— У тебя нас четверо, мама,
Слушай сердцем, что я скажу,
У тебя только трое, мама,
Потому что я ухожу.

Ухожу на борьбу с этой ночи,
Ухожу, и я не вернусь...

— Ты боишься, милая дочка?

— Нет, родная, я не боюсь!

Сколько было ночей и явок,
Незаметных, отважных дел,
Красный ангел мщенья по праву
Этой чистой душой владел.

Так красива была Лиляна,
Не с чем сравнивать красоту,—
И погибла она так рано
На своем боевом посту.

В синем Пловдиве виноградном,
В том смертельном ночном кругу,
Когда пулю за пулей жадно
Посылала она врагу.

Вот она перед нами встала:
— Не погибла я! Я живу! —
Она так о Москве мечтала,
И ее мы берем в Москву.

Через синюю лет поляну
Самолет нас уводит в ночь,
Мы уносим в сердце Лилянну,
Золотую Болгарии дочь!

КРЕМЛЬ

На апрельском рассвете с Волхонки —
Только выйди на площадь совсем —
Он неожиданно рождается, звонкий,
Легкостенный и розовый Кремль.

Весь прозрачный, как сон, многоглавый,
Точно солнца сияющий брат,
Точно жаркою солнечной славой
Его стены и башни звучат.

Весь рассветною силой расцвечен,
И на гребне растущей волны
Точно встал он, расправивши плечи,
Над зарей небывалой страны.

СМЕНА КАРАУЛА

Есть мастера известного картина,
И в ней, идя на зрителя, растут
Бойцы, шагая улицей старинной,
Чтоб встать у Мавзолея на посту.

Москвы ночной глубок рабочий роздых,
Шаги в тиши отчетливо стучат,
Морозный свет горит на красных звездах
И на щеках у молодых солдат.

Какая озабоченность застыла
В их строгом взоре, точно разлита
Здесь в воздухе торжественная сила,
Особого величья простота.

И, пост такой впервые принимая,
Здесь чует сердцем каждый, кто идет,
Что их сюда сама страна родная,
Как сыновей любимейших, ведет.

А позже время им самим укажет —
Отцам на смену, дням их и ночам,
Им, молодым, дано стоять на страже
Родной земли и ленинских начал.

Стихи о Ленинграде

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* * *

Тогда заря звалась Авророй,
Розовопенной и живой,
И согревала нас и город
Над красноплещущей Невой.

И в этом юном очертанье
От сна встающего огня
Могла быть песней, изваяньем,
Предтечей молодого дня.

Мы были юностью богаты,
Не все ли было нам равно,
Какой богинею крылатой
Стучится нам заря в окно.

Мы в классике богинь хранили,
Зарей обычной дорожа,
Мы много символов сменили,
В суровой жизни возмужав.

Пришла пора. И в эту пору
К иной заре сердца пришли —
Иную мы зажгли Аврору
Для всех людей, для всей земли!

И снова вспыхнувшее имя
Вернулось в мир людей живых,
Родившись в грохоте и дыме
Из пены взвихренной Невы.

Аврора! Про твое рождение
На всю планету говорим!
Ты стала знаком пробуждения
Всечеловеческой зари!

* * *

Какой-то гул глухой
Меня вдруг ночью будит —
И луч слепой скользит
По моему лицу,
Тревога давних лет приходит
Снова к людям,
Как будто мирный быт
Опять пришел к концу.

И человек опять, вскочив,
К оружию встанет...
Но в мире тишина,
И в тишине ночной
То эхо донеслось
Глухих воспоминаний
Из темной памяти,
Ожившей под луной.

* * *

Один тиран, не будем имя
Его мы к ночи называть,
Пришел он с ордами своими
Наш Ленинград завоевать.

Вообразил в кошмаре дымном
И с помраченной головой,
Что превратит наш город дивный
В пустынный хаос над Невой.

И весть дошла до края света —
Навстречу силе огневой
Встал Ленинград, в грозу одетый,
И принял вызов боевой.

И где искать теперь тирана —
Где прах развеялся немой?
А он, как прежде, утром рано
Встает и блещет, город мой.

Шагает в золотом узоре,
В узоре солнечных оград, —
О Ленинград! — какие зори,
Какое счастье — Ленинград!

* * *

Лес полон то звоном, то воем.
Никак разобрать не могу,
Откуда берется такое —
Деревья, разбитые боем,
Стоят в почерневшем снегу.

С колючей обмоткой рогатка
Висит на сожженной сосне,
Колючая проволока шатко
Качается, словно во сне.

Заброшена взрывом рогатка,
Гудит, и звенит, и поет,
И стонет в тоске, как солдатка,
Как ротный, в атаку зовет.

Нет, это не арфа Эола,
Здесь ветер колючей струной
Над мира пустыней тяжелой
Звучит в красоте ледяной.

А снег на убитых не тает...
На дикой сосне, на весу,
Солдатская арфа играет
В ночном и бессмертном лесу.

Я увидел бронзовую деву с разбитым кувшином, сидящую в лицейской комнате поэта в освобожденном городе Пушкине.

* * *

В той же комнате, где Пушкин,
Лицейст с пером гусиным,
Голос Муз впервые слушал,
Мира светлые глубины;
В доме бывшего лицея,
В кресле темном и старинном,
Там сидела, бронзовея,
Чудо-девушка с кувшином.

На плечах шинель у девы.
Ночь в окне... Свеча пылает,
И она, как отблеск гнева,
Все лицо преображает.
Светлый луч бежит вдоль шеи,
Только деве не до света,
Точно вышла из траншеи
Дева-мстительница эта.

Боевой достойна чести,
Шла в атаку непреклонно,
И вошла с бойцами вместе
В город свой освобожденный,
И пришла туда, где Пушкин,
Лицейст с пером гусиным,
Голос грозной Музы слушал,
Мира черные глубины.

СТРЕЛА ПАПУАСА

Привез тот лук не вождь суровый,
Ученый с доброю душой,
Держал тот лук, с Гвинеи Новой,
Дикарь — раскрашенный, большой.

Смотрели взрослые и дети,
Как он в музее над Невой
Свой лук держал почти столетье
С натянутою тетивой.

Когда же средь осады гула,
У дико вспененной Невы,
Волна взрывная дом качнула —
Стрела сорвалась с тетивы.

Как будто место вдруг сместилось,
Родные встали берега,
И с гулким посвистом вонзилась
В дверь шкапа, словно в грудь врага.

И свет пожара огнекрылый,
Ворвясь, как дальняя заря,
Вдруг осветил в лице застылом
И гнев и ярость дикаря,

Который вышел на мгновенье
Из неподвижности своей —
Чтоб отразить в недоуменье
Налет неожиданных дикарей.

* * *

Какое уже на войне любованье?
Великая тяжесть труда,
Дорог и сражений чередованье,
Могила. Из жести звезда.

Но мы понимали того генерала,
Что крикнул в смертельном аду,
Увидев в атаке народ свой бывалый:
— Смотри, молодцами идут!

* * *

Когда мы слышали слова:
— Я — ленинградская вдова, —
То ей сердечно отвечали
Словами, полными печали.

Но — «ленинградский я вдовец» —
Звучало тускло, как свинец.
Пускай он худ был, как скелет,
Он громких слов не ждал в ответ.
С лицом, как старый, серый мел,
Он плакать права не имел.

Имел он в городе своем,
Где прожил жизнь, где мы живем,
Смертельным схваченном кольцом,
Одно лишь право — быть бойцом!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Посвящается М. К. Н.

МАЛАЯ ГРЕБЕЦКАЯ, 9/5

Здесь, на квартире преподавателя пехотного юнкерского училища К. Ф. Неслуховского, с осени 1906 года до начала 1907 года работал В. И. Ленин. Там же происходил ряд совещаний членов ЦК РСДРП.

О, эта редкая квартира,
Где с наивысшей простотой
Крыло неведомого мира
Касалось мебели простой.

Среди обычных дел и малых,
Всему живущему взамен,
Рождалось чувство небывалых,
Непредставимых перемен.

И вместе с тем все шло так гладко,
В порядке общего всего,
Что даже вражьих глаз догадка
Не угадала б ничего!

Какое б грянуло смятенье,
Когда б узнали стороной,
Что здесь в тиши работал гений
Над мира новою судьбой.

Сквозь лет неизгладимых тени
Сегодня ясно помнишь ты,
Как дальней юности виденье,—
Его слова, его черты.

Над прошлым бури и туманы,
Но все он в памяти живет,
Тот ленинский, всегда нежданный,
Всегда волнующий приход.

При скучном сумеречном свете,
В пальто, блестевшем от дождя,
Так скромный вид хранит Бессмертье,
В жилище смертного входя.

* * *

Мы прожили вместе так долго —
Хорошие, злые года,
Что в сене искать нам иголку
Уже не составит труда.

Иголку искать мы не будем,
Но в нашем пути непростом
Мы отдали главное людям,
И мы не жалеем о том.

* * *

Когда все то, что мы любили
И что святым для сердца было,
Затмилось в тучах черной пыли,
В огне и грохоте тротила.

Когда дома валились просто,
И город стал душой без тела,
И всюду с треском, как береста,
Свиваясь, прошлое горело.

И ум отказывался верить,
Что улица другою стала,
Чтоб тут же за открытой дверью
У дома Смерть подстерегала.

И стало темным, диким, нищим,
Морозом сковывая пальцы,
Давно знакомое жилище —
Пещерою неандертальца.

И в этом хаосе разлуки,
Потерь и черного мученья
Твои поддерживали руки
Живой огонь сопротивления.

Каким теплом светились очи.
Была ты мужества примером,
Всех лучших мыслей средоточьем,
Последней прелестью и верой.

И на блокадных грозных кручах
Делилась всей души богатством,
Когда ты — лучшая из лучших —
Крепила боевое братство.

То не подсказывает разум,
То было в сердце все хранимо,
Всей жизнью я тебе обязан,
И это — неопровержимо!

* * *

Небо с облачным глетчером
В голубеющем инее,
Может быть, таким вечером
Все прощается зимнее.

И уходит все мглистое,
Все сурово-тяжелое,
Все, что под ноги выстелил
Снег парчой невеселою.

Ты идешь и не хмуришься
Теплой улицей братскою,
Ты идешь и любишься
Стороной Петроградской.

Молодежною речью,
Взглядов прелестью синею.
Может быть, таким вечером
Все прощается зимнее.

* * *

Здесь мы, родясь когда-то,
Вошли душой и телом
И в невские закаты,
И в счастье ночи белой.

Здесь поднимали чаши
Сердечного порыва,
Шуршали лыжи наши,
Скользя по льду залива.

Мы жили, мы любили
Хорошею любовью,
И нам сады светили
Своей осенней кровью.

И нам сияли песни
И вы, родные лица.
Когда умрем — воскреснем,
Чтоб снова здесь явиться.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРЕДМАЙСКИЙ СНЕГ

Шел мокрый, предмайский, пушистый
снег,

В лощинах млели туманы,
Гулял человек, смотрел человек:
На пробу били фонтаны.

В потоках взлетающей к небу воды
Снежинки пели и плыли,
Рождая почти музыкальный дым,
Звучащий тончайшей пылью.

И статуя-дева из древних Афин
Разинула рот от счастья,
И на воротах деревянный дельфин
Смеялся веселой пастью.

ВЕРБЛЮД У ПАМЯТНИКА ПРЖЕВАЛЬСКОМУ

Он лежит, навьюченный и гордый,
Он готов к походам и боям,
Он готов пойти походкой твердой
В Азии неведомой края.

Тот, кому служил он, был отважен,
В поисках своих неустомим,
Ну, а что об Азии расскажем
Мы далеким правнукам своим?

Хоть она уже не в тихой дрёме,
Новым знаньем ум ее палим,
Так же путь ее народов темен,
Тайн ее простор неодолим.

Правнукам почетная задача
На большие дальние года —
Светом дружбы путь ее означить,
Всех просторов тайны разгадать.

«ВАРЯГ»

Сначала все было морскою судьбой,
Под сенью военного флага,
И в память навечно вошел этот бой,
Геройская гибель «Варяга».

И пели крестьянин, рабочий, моряк,
Отдав ему славу по чину:
— Врагу не сдается наш гордый «Варяг», —
Корабль провожая в пучину.

В ответ лишь шумела морей синева,
Не верили в грусти суровой,
Что встретятся песни народной слова
С «Варягом», воскреснувшим снова.

Но время настало — и в вечер один
Тряхнула Нева головою,
Как будто из песенных вышел глубин
Советский «Варяг» над Невою.

Он воздухом нового века дышал,
Вплывая в крылатые весны,
Как будто легенды корабль возмужал,
Став крейсером ракетноносным.

Уйдет на охрану Советской страны
В моря он на долгие годы,
С той песней, как шум океанской волны,
Вздымавшейся в сердце народа.

ДОМ

Стоит он на углу известных,
Старинных улиц — этот дом,
Как бы в забвении чудесном,
Вполне оправданном притом.

Лет двести уж ему, допустим,
Висит доска, как старожил,
Читаю с гордостью и грустью,
Что в этом доме Герцен жил.

В годах необозримо дальних
Здесь Пушкин по Морской бродил
И к Смурову, в колониальных
Товаров лавку, заходил.

Пройдя в апрельский холод Невским
(И дневником сей факт храним),
Здесь был Шевченко с Лазаревским
И грелся джином огневым.

И в этом доме чинно-хмуром,
Среди погон и вензелей,
Столетний справил новый Смуров
Своей торговли юбилей.

И в год, для всех купцов печальный,
Плакатом красным окрылив,
Из лавки той мемориальной
Уж вырос кооператив.

А в дни осады беспросветной,
Все окна, как глаза, закрыв,
Дом только вздрагивал ответно
На недалекой бомбы взрыв.

И вот сейчас я, как прохожий,
У старокаменных ворот
Стою и думаю: «Похоже,
До коммунизма доживет!»

Ну как же прочно он построен,
И без особенных затей,
Он не уступит древней Трое
По монолитности своей.

Проходит век в огне и громе,
Смотрю в знакомое окно,—
Ведь я родился в этом доме...
Припомнить страшно, как давно...

Времена и дороги

* * *

Есть полянка на Москве-реке,
И над ней, у каменного края,
Сам Тарас стоит невдалеке,
Шумную столицу озирая.

Тополя за ним уходят вбок,
Перед ним дубовая аллея,
Там и мной посаженный дубок
Вырастает, тонко зеленея.

И когда я посмотрю вокруг —
На дубок, закатом позлащенный,
Я невольно вспоминаю вдруг
О баньяне острова Цейлона.

Там, в глуши тропических полян
И среди скромнейших, тихих келий,
Посадил священный я баньян,
Он растет и здравствует доселе.

И как будто даже связи нет
Меж дубком и тем баньяном дальним,
Но горит далекой дружбы свет
Надо всем тревожным и печальным.

Мир сейчас как никогда жесток,
Но у дружбы есть свои законы,
Чтоб растить московский мой дубок
И баньян мой, дружбе посвященный.

В ГОРАХ

И вот опять, горами окруженный,
Приветствую высокий первый снег,
Сиянье скал, и лес замороженный,
И у Хертвиси двух потоков бег.

Теснятся горы, говорят все разом,
Вплоть до ручья, скользящего звеня.
Они несут навстречу мне рассказы
О том, что здесь случилось без меня.

Скороговоркой листьев, задыхаясь
Летящей пеной, блестками снегов,
Высот дыханьем щек моих касаясь
Или застыв отвесами — без слов.

Я слушаю их выдумки и были,
Говоруны, вы так же хороши,
Как и тогда, когда глаза открыли
Впервые вас, как тайники души.

Вы говорите нынче с человеком,
Светло горя, как этот первый снег,
И, с каждым новым поднимаясь веком,
Вас лучше понимает человек!

* * *

С юности мечтал я о Востоке —
И Восток увидел наяву —
Города, могучие потоки,
И людей, и чем они живут.

И душой их, ищущей и сложной,
Жизнью их, тяжелой и большой,
Я, бродяга, путаник, безбожник,
Весь проникся — я за этим шел.

Я хотел, дыша свободной грудью,
Воскрешая их труды и дни,
Рассказать о них советским людям,
Чтобы в книгах ожили они.

С детских лет о них мечтал я жадно,
Та любовь не думала стихать,
Потому мне было так отрадно
Воздух стран полуденных вдыхать.

Люди стран тех вырастут чудесно,
Все, что мной написано о них,
Будет им со временем известно,
Будь то повесть, очерк или стих.

В городской или в зеленой чаще,
Может быть, и скажут обо мне:
«Это друг был добрый, настоящий,
Хоть и жил в далекой стороне».

ВЕЧЕРНЯЯ ЧАЙХАНА СТАРИКОВ В ТАШКЕНТЕ

Вся в деревьев зеленых раме.
Отдыхая от всяких дел,
В ней сидел я с Гафур Гулямом,
С Айбеком не раз сидел.

Бородатые люди в белом,
Золотая в воде луна,
Хороша и душой и телом
Старых грешников чайхана.

Пиалы там с зеленым чаем,
И у каждой особый вкус,
И часов мы не замечаем,
И куда-то исчезла грусть.

И стихов, словно звезд, немало
В арыке потеряло след,
Оживлялись тут аксакалы
В самой дружеской из бесед.

Им неважно, где конь, где стремя,
Раз они не ездят совсем,
Тут само веселилось время,
Возвращая молодость всем.

Словом, пльввшим в зеленой чаше
С лунным блеском напополам,
Услаждали все чувства наши
Айбек и Гафур Гулям.

Песнотворцы милые Азии,
Из далеких вам лет привет.
Больше нет чайханы той разве?
Отвечает мне эхо: нет!

Нет и друга Гафур Гуляма,
Айбека нашего нет,
Чайханы нет в зеленой раме,
В арыке только лунный след.

Нет друзей уж на свете белом,
А ведь как же была она
Хороша и душой и телом,
Старых грешников чайхана.

А навстречу зеленоглавый,
Весь в бетон и в стекло одет,
Уж встает Ташкент небывалый,
Новых песен, других бесед!

КЫРТЫК-АУШ

Кыртык-Ауш прошли мы на рассвете,
В пустынный мир ущелья, где гремел
Седой поток и камни, словно дети,
Плескались в нем, и каждый — как умел.

Мы наслаждались утром, светом, склоном,
Где дикий щебень под ногой хрустел,
А горный дождь с каким-то вольным звоном
У самого аула заблестел.

А в комнате камин топился жарко,
Свеча, диван и выцветший палас,
Так встретила нас старая балкарка,
Как будто жизнь всю поджидала нас.

Как гостю полагается с дороги,
Айрану всласть напиться дали нам.
Вошел баран, высокий, круторогий,
С достоинством взглянув по сторонам.

Старуха тут же хлопнула в ладоши,
И дети враз на блюде принесли
Барану смесь каких-то вкусных крошек,
С поклоном детским, чуть не до земли.

Стоял баран, нисколько не смущенный,
И ел баран, как юный янычар,
Как сказочный царевич, превращенный
В барана волей высших горных чар.

Казалось нам, что витязь златорогий
Возьмет сейчас и вдруг заговорит
На языке, каким владеют боги,
И хор лавин в ущелье загремит.

О, сколько в жизни было перевалов.
Кыртык-Ауш, где мы приют нашли,
Помечен ты, немного и немало,—
Счастливым днем, где в сказку мы вошли.

* * *

Лес хорош, прохладен, светел,
Зацветают сосен свечи,
По верхушкам ходит ветер,
Лес трепещет птичьей речью.
Весь наполнен свежим, новым,
Звонким, пряным и густым
Стиховым зеленым словом,
Над костром веселый дым,

Точно в бездну тысячелетий
Небу шлют земли сыны
Жертву, первую на свете.
И в воде отражены
И костер, и лес, и дети,
Словно изображены
Первым мастером весны,
Что на все сейчас ответил.

НАД НЕМАНОМ

Уж осень сладким наливалась соком,
Над Неманом был замок вознесен,
Смеялись в замке девушки из окон,
Как бы смотря из рыцарских времен.

Им рыцари коней не подводили,
В их честь певцов не слышалась хвала,
Хоть девушки — хозяйки в замке были
И свежесть в них весенняя жила.

Им не нужны штандарты и горнисты,
Их кони без стремян и без удил,
Их звонкий голос юных трактористок
Литовской песней замок молодил.

ЯМА В ПРИГОРОДНОМ САДУ

За равнодушных лилий полосой,
Из-за кустов, с дорожки не видна,
Большая яма со слепой водою,
В ней зелень юных лип отражена.

Я иногда смотрю на эту яму,
На водяной, тоскливый, тусклый щит,
Дыханием истории упрямой
Мои виски здесь ветер холодит.

Года войны ко мне подходят снова,
Сквозь их туман я вижу наяву —
Здесь танк стоял, зарытый и готовый
Своею грудью отстоять Москву.

И эта яма — яма не простая,
Так близко враг был — сердца на краю, —
А танк стоял, в родную крепь врастая,
Чтоб победить иль умереть в бою.

Теперь здесь тишь... Лишь по дороге мчатся
Грузовики и слышен крик детей,
Которые не могут не смеяться,
Не могут обходиться без затей.

И в этом месте мало кто и знает,
Что значит яма сонная в саду...
А мимо жизнь гремит, цветет, сверкает,
Как новый танк на боевом ходу!

* * *

Армения вставала откровеньем
В своей красе суровой неспроста,
Мы шли с утра как будто по ступеням
Огромного Гегамского хребта.

Шли между скал и всплесками тумана,
Вел над Севаном, точно в небо, путь,
Как будто звал нас голос Туманяна
На песенных высотах отдохнуть.

И мы взошли, и яркий мир открылся —
Ущелья разноцветные у ног,
Вдали Масис, как снежный дом, дымился
Среди сверкавших Туманяна строк.

Как радуга, они связали выси
Людей и землю сказочных высот,
Звения, светясь, земную страсть превысив
И бросив сердце в песенный полет!

ЛЕТОПИСЕЦ

Может быть, то было против правил,
Иль нашла такая полоса,
Начатую запись он оставил,
Впал в раздумье — и не дописал.

Столько мук земля в себя впитала,
Летопись хранит их, как тайник...
Вышел в степь, безмолвно степь лежала,
И к земле полночной он приник.

И услышал, затаив дыханье,
Дальний гул, что был с землею слит,
То ль грозы далекой грохотанье,
Топот ли бесчисленных копыт,

Стон ли горя, трепетавший глухо.
Спали травы, от росы дымясь.
Он лежал, к земле припавши ухом,
Разгадать грядущее стремясь.

Встал потом он на одно колено,
Весь росой алмазною пыля...
— Будь же ты вовек благословенна,
Радость сердца, русская земля!

ЧАС ТИШИНЫ

Настала тишина,
Не шелохнется нива,
Не плещется волна
И не трепещет ива.

И братья муравьи,
И наши сестры пчелы,
Верша дела свои,
Прервали труд тяжелый.

Ну, просто тишину
Природа предписала,
В ее чудес страну
Пока проникли мало.

Не знаем мы пока,
Что в ульях пчелам снится,
Какие там века?
Какие летописцы?

Все стихло, может быть,
Перед землетрясеньем,
И всех предупредить
Должна в своих владеньях.

Мы в этом не сильны,
И нам гордиться нечем.
Есть время тишины
И в жизни человеческой.

Ждет мир, в тиши влачась,
В безвыходном покое, —
Что дал нам этот час:
Открытие мировое?

Иль музыкальный шквал?
Поэмы чудо-строфы?
Иль сердце мира сжал
Пред новой катастрофой?

МАКИ

Уже флоксы стали лиловее.
Маки, маки, я всегда готов
Видеть вас на поздней ассамблее
С летом расстающихся цветов.

Вы, как реки, льетесь по пустыне,
Север наш дает вам свой приют,
На Луне, как выяснилось ныне,
Никакие маки не цветут.

Я люблю вас, полноцветных, крепких,
С криком ваших разноцветных ртов,
Предо мной встаете вы как слепки
С лучших чувств, принявших вид цветов.

В маках розовых, с оборкой белой
Что-то от веселых танцовщиц,
В маках желтых — прелесть онемелых
От восторга славок-небылиц.

Белые — как дети белой ночи,
Легкий пламень, снежный полусон.
Только в алых песня видеть хочет
Алость губ и алый шелк знамен.

Потому что смертною порою,
Облетев, покроют наяву,
Точно кровью павшего героя,
Лепестками алыми траву.

СИРЕНА ВАРШАВЫ

Та ночь была какой-то рваной,
Все грохотало, все неслоь,
Все было как на дне вулкана,
И все Варшавою звалось.

Тьма, что над городом нависла,
И в ней трубы охрипший вой,
И эта вспененная Висла,
И дождь, и ветер буревой.

Продлись все это чуть подольше —
Меня б смело с лица земли,
Раз ночь все духи старой Польши
В свой танец бури вовлекли.

Когда вся адская арена
Взыграла в ярости двойной,
Сама варшавская Сирена
Простерла щит свой надо мной.

И я увидел меч взнесенный,
Глаза, чей взгляд в меня проник,
Смотрел со страстью полусонной
В ее меняющийся лик.

Так в жизнь мою вошла такою,
Какой предстала в час ночной,
С какой-то гордою тоскою
И с новой радостью земной.

И с той поры всегда в Варшаве,
Когда по городу брожу,
Свой путь куда бы ни направил,
К волшебной Деве прихожу.

И вспоминаю, злой и хмурый,
О том, как жизнь была черна,
О том, с какой смертельной бурей
Однажды встретилась она.

Встав из руин столицы бывшей,
Всем стала вдвое дорога,
Как гений города, хранивший
И меч и пламя очага.

И каждый раз, пускай мгновенно,
Запоминая этот миг,
Не просто вижу лик Сирены —
Судьбы меняющийся лик.

СОН

Американской даме снился сон:
Руина на руину громоздится,
Над ней в пожарах черный небосклон,
Она бежит, и негде ей укрыться.

Сын перед ней, ее любовь, и вот
Весь побелел от боли и от страха,
Струей напалма перечеркнут рот
Красивого парнишки из Айдахо.

Несчастливая проснулась с воплем мать,
Молитву шепчет серыми губами,
А телевизор ей дает опять
Последнюю бомбежку во Вьетнаме.

Опять напалмом перечеркнут рот,
Руина на руину громоздится,
Покоя дама больше не найдет —
И черный рот ей будет вечно снится.

* * *

Опять стою на мартовской поляне,
Опять весна — уж им потерян счет,
И в памяти, в лесу воспоминаний,
Снег оседает, тает старый лед.

И рушатся, как ледяные горы,
Громады лет, вдруг превращаясь в сны,
Но прошлого весенние просторы
Необозримо мне возвращены.

Вновь не могу я вдоволь насмотреться
На чудеса воскресших красок дня,
Вернувшись из немыслимого детства,
Бессмертный грач приветствует меня!

Мы с ним идем по солнечному склону,
На край полей, где, как судьба, пряма,
Как будто по чужому небосклону,
Прошла заката рдяная кайма.

* * *

«Человек не рожден работать,
Он не так еще низко пал,
Это выдумал хитрый кто-то
И потом возвел в идеал».

Это шутит банкир, влюбленный
В золотого силу мешка,
С человечества стричь купоны
Собирается он века.

Пусть же он пойдет погадает,
Пусть гадалка — свой человек,
Скажет честно: он доживает
Свой последний вольготный век.

И тогда, побелев от страха,
Ему будет не до идей,—
Крикнет он, этот смерти пахарь:
«Уничтожьте мне всех людей!»

Что же, есть такая возможность,—
Но не будет этого, нет,
Мы поступим с ним осторожно,
Ведь старик уж на склоне лет.

В золотой утопая лени,
Пусть останется при своем,
Но планету пусть переменит,—
На Луну, что ль, его пошлем!

ДЕТИ МИРА

Чья там бродит тень незримо,
От беды ослепла?
Это плачет Хиросима
В облаках из пепла.

Чей там голос в жарком мраке
Слышен иступленный?
Это плачет Нагасаки
На земле сожженной.

В этом плаче и рыданье
Никакой нет фальши,
Мир весь замер в ожиданье:
«Кто заплачет дальше?»

Дети мира, день не розов,
Раз по всей планете
Бродит темная угроза,
Берегитесь, дети!

У КОСТРА

У костра в саду, после прогулки,
Задремав, увидел: я в горах,
Будто я сижу за старым Гулом,
У ночного сванского костра.

На зеленой маленькой поляне, —
Перед ней встает, как призрак, лед, —
Тень большая Миши Хергиани¹
По стене по Ушбинской идет.

Искры блещут, по горе маячат,
Точно ночи скальная тоска,
Точно все снега беззвучно плачут,
Вздох лавин лова издалека.

Камнепад разрушил ревом грома
Тишину приснившихся громад,
Смёл он сванский мой костер знакомый,
Что горел так много лет назад.

Сонную смахнул с лица я одурь,
А в саду костер — как слюдяной,
Тих и мал, мои зато уж годы
Выше сосен встали надо мной.

¹ Мировой чемпион альпинизма, Миша Хергиани погиб в
Итальянских Альпах летом 1969 года.

* * *

Сейчас берут в полет, как чудо, быстрый,
Космический походный рацион, —
При мне в трамвай садились с любопытством,
Чтобы освоить, как аттракцион.

И видел я у ипподрома, каюсь,
Где каждый от волнения потел,
Как первый летчик, с треском, трепыхаясь,
Вдоль над забором гордо пролетел.

Потом кино с толпой героев пылкой,
И онемевший от восторга зал,
И радио... Счастливый, как в копилку,
Так чудо я за чудом собирал.

Я был школяр, и, молвить не к обиде,
Уж новый век навстречу, как гора,
И там школяр, когда придет пора,
Что нового такой школяр увидит,
Что поразит, как чудо, школяра
В век двадцать первый?..

* * *

Наш век пройдет. Откроются архивы,
И все, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.

Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.

ДЕНЬ СТРАНЫ

Леса пропалывают самолеты,
Чтоб уничтожить мусор и гнилье,
Летит пчела — пополнить улья соты,
Рыбак уходит в плаванье свое.

Идут комбайны, поле убирая,
Вступает в строй листопрокатный стан,
Горят фонтаны газа, не сгорая,
И теплоход выходит в океан.

Спартакиада флаги поднимает,
Чеканщик оживляет серебро,
Подземной трассой, что во тьме сверкает,
Гордится вновь Московское метро.

Вчерашний день причислен к жизни
древней,
О всем другом уже идет рассказ,
Над всем, что видим в городе, в деревне,
Лежит Советов Ленинский наказ.

Вся жизнь гудит, блистает и трепещет,
А там, всему живущему назло,
За рубежом оно шумит зловеще,
Враждебных станций радиокрыло.

Да, там полвека злобу не тушили.
О, если бы нам дали мирно жить,
На пользу мира что бы мы свершили,
Что мир без нас не мог бы сам свершить!

ПОЭМЫ

САМИ

Мариэтте Шагинян

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеклом.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо.
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами,—
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,—
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.

Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому.
И — чего не случилось ни разу —
Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, павиан бесхвостый?»
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше, —
Без дорог заблудился в долинах, —
Как котенок слепой на крыше».
«Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Лени¹».

¹ Так индусы произносят имя «Ленин».

Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стеком.
Сами — из магратского рода,
Но свой род для него уронит:
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить ему пони.
И за службу даст ему Ленни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной, —
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слышал ты все это, несчастный?»
Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почем в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленни мудрый».
«Уходи», — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,
И молился далекому Ленни,
Непонятному, как йоги,
Что услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы, —
Даже птице быстрее зарницы;
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная сагибов телега.

Так далеко был этот Ленни,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра.
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре —
И на этот раз человеком, —
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стеклом.

1920

ДОРОГА

М. К. Н.

*О городе Тифлисе, о его двойной душе
и о том, что каждому путнику приходит время
возвращаться домой*

Моим гортанным толмачом
Был сам Тифлис, и в толчее
Горбатых улиц он учел,
Что он богаче и ловчей.
То хвастал пышной тканью
Или зурной хвалебной,
То падал в серной бане
Снопом воды целебной,
Сбегая с головы
Прокипяченной дрожью
На каменные швы
У моего подножья.

Из бани, слова не сказав,
Швырял меня в Шайтан-базар,
Где солнечной экземой
Изъедены до пыли
Карнизы, щеки, этажи,
Где он, рассыпанный, лежит
Коробочной системой
Товарных изобилий.
Не смерч меня издалека
Занес, — при чем тут ветер, —
Я лишь прохожий, и пока

Плохой свидетель, но свидетель,
И я вношу поправку
В твоих лавчонок строй,
В харчевен топот бычий,
Тифлис, а ты смешной,
Ты прошлым обезличен.

Твои цирюльники, бренча
Всем арсеналом мелким,
Рвут бороды, качаясь,—
Но это ведь подделка?
Ослы твои под плетью,
И с их хурджинов ¹ ловких
Стекают все столетья.
Но это же издевка?
Он был высоким толмачом,
Тифлис, когда и в толчее
Моих насмешек он учел,
Что он богаче и ловчей.

И я увидел, между плеч,
Кирпичных плеч и серых,
Где и барану душно лечь,—
Резвится галстук пионера.
Старинный оседлав устой
Военной колокольни,
С разъяренной краснотой
Висит пятиугольная...

Забыв шахсей-вахсей, мулла
Косит халат из-за угла,
Отдав поклоном поясным
Почет плакатам расписным.
В победных войск линейный звон,
Где Юг и Запад на коне,
Вбегает кличей сходка,
Газетный дождь и, наконец,
Резвящихся гогон ²
Павлиная походка...
Стакан вспотел, но в чайхане
Сквозняк живет, и оттого

¹ Х у р д ж и н — выучный мешок.

² Г о г о н а — по-грузински: девочка.

Вода прохладнее всего.
И вот — усмешки ни одной.
Ты собран весь, ты дышишь чаще,
Когда прощаешься с двойной,
С тифлисской правдой, как участник.
Уж Север звал меня условными
Сигналами вернуться:
Обманами снега в горах,
В реке пролетавшими бревнами,
Узором чайханного блюда
Приказывал Север вернуться¹.

*Как выглядит ночная Грузия
и Земо-Авчальская гидростанция*

Седлаю ночь. Дорогу кличу.
Тифлис за нами, ночь и я.
Мы золотим, как зуб, добычу.
Но слушай нас, Ирония:
Где пухнут плотинной Авчалы,
Ты снизишь дороги полет,
Оставишь мотор и причалишь
К дрожащему борту работ.
Теперь же — чинары и вязы
С размаху бросаются к нам,
Еще не споткнувшись ни разу...

Теперь же — по сторонам
Спит Грузия, запаковав
Забот старинные мешки,
В ларях, на холмах раскидав,
Гляжу на них из-под руки.

Нежданней блеска — алыча.
И для нее и для меня
Свет пневматического дня
Буравит серый лоб Авчал.
Здесь доблесть заново свежа

¹ Когда в Тифлисе начинаешь скучать по Северу, лунные пятна на горах напоминают о снеге равнин, бревна, сплавляемые по реке, — о больших водах лесного Севера, а цветок, грубо на-малеванный на чашке в чайхане, кажется сошедшим с платка олонецкой крестьянки.

И руки греет на юру,
Здесь режут без ножа
Вопящую Куру,
Чтобы стальной гусак
Волны слепой шатанье
Заставил проплясать,
Плясать по расписанью,
Машинная игра,
Чтоб тешилася хмуро,
Свирепая Кура,
Ты станешь робкой курой.

Снует рабочая орда,
Ордою той переиначен
Один, кричавший: «Хабарда», —
Глядел, других иначе.
Как ни закатывай рукава,
Ты среди пестрых пестрый.
Слишком отчетлива голова,
И ярость не по росту.
«Довольно, ты схвачен — сознайся,
Не ты ли грозу горячил?
Не ты ль опрокидывал барса?
И ямбу судьбу поручил?

Товарищ, не правда ль?» —
Сказал он, вставая:
«Я в книге оправдан,
Но здесь — я не знаю.
Я долго в печати
Коптился и понял,
Что нужно начать мне
Иную погоню,
Откинув молчанье,
Сквозь цепкие, длинные
Леса примечаний,
Статей с укоризной, —
Я вышел в долину,
Где нет архаизмов.
Оставив подрясник
На белых страницах,
Я выпал из басни,
Чтоб здесь повториться.
Теперь в отряхающем

Каменность мире
Я снова — ломающий
Правила Мцыри»¹.

Да разве плотине, разве ж ей
Понять беглеца такого?
Я руку его задержал в своей,
Смотря на него без слова.
Плотина росла, громоздясь по воде,
Над ней, над громадой теснящей,
Гремел пневматический день,
Как полный инструментов ящик.
Авчалы за нами, но я не бедней,
В конюшнях Иронии много коней.

*О разбойнике Чолокаеве²
и городе Душете*

Ты ждешь меня, Адай-хох³,
Великий орех ледяной?
Но в долине орех не плох,
А в потоке и лед иной.
Чего ж тебе сидеть в душе,
Как служба в новобранце,
В семи шагах Душет
Стоит зеленый, глянцевый.
Правда, ты тишью радуешь,
Внизу же обвалы бед,
Давно ли с отвеса падая,
Чолокаев душил Душет.
Купаясь ястребом хриплым,
Бесславя горское право,
Он вольность украсил скрипом
Измен, позументом ржавым.
Как тень гонимой породы,
От чутких погони ушей

¹ В Земо-Авчалах рядом со старинным монастырем, где жил лермонтовский Мцыри, ведутся работы по электрификации Куры. На работах заняты 1500 человек. Здесь можно встретить и послушников, убежавших из монастырей и сбросивших монашескую одежду.

² Чолокаев — бывший князь и крупный помещик, сделавшийся в годы революции бандитом.

³ Адай-хох — гора в Осетии.

Бежал трущоб воевода
К навесам шалашей.
Плевал на кровли скромные,
Слал на них топор,
Топча ногой бездомной
Беднейшие из нор.
Так ты уважил нищету?
Шакал не ляжет с тобою тут.

Внимание, князь — на родине,
Где моря зыбь глухая,
Шалаш такой же, вроде
Последнего сарая.
К нему вот на пустырь,
Подрезанный прибоя бритвой,
Пришел гостить не то, что ты,
Хозяин битвы — перед битвой.
Строитель дома для вселенной
Пришел как равный к шалашу,
А твой мирок, владыка пены,
Я только в случай заношу.
Душет, я отошел на вызов,
Забыл о глянце, о душе
Твоих веранд, ворот, карнизов,
Коров и горожан, Душет.
Не обижайся, недосказ
Необходим, как недосол,
Не я виною, что сейчас
Пылит дороги колесо,
Что миссия моя — не ты.
Что я из стаи гончих,
И, как собака, поостыл,
Охоты не окончив.

*Автор поносит Пасанаур, бреется
и, страдая бессонницей, ведет ненужный разговор
с медвежонок¹*

На Север! Там не потухает
Мой дом, исполненный вчерне,
В который бьет река лихая,
Врагов наследственных верней.

¹ В Пасанауре на дворе сидит на цепи медвежонок, привезенный из Хевсуретии.

Второю станцией на «ур» —
Ко мне идет Пасанаур.

Айвы и водки маклер.
Форелей пожирнее,
С матрацами из пакли
На жидких галереях,
Пером мохнатых кур
Нацеливший в меня,
Ты — мещанин Пасанаур,
Забывший паспорт обменять,

Ты высох на безделье,
Валяясь на перинах;
Кабан, мы бриться будем
Назло твоей щетине.

Сегодня вечер прожит,
Похолодели гребни
Ущелий. Зеленой
Стучат листвой виски.
Намылен помазок,
Бумагу нам одолжит
Заброшенный учебник,
Где по морям графленым
Ползут материки.

Но старый атлас вылинял,
Кинь глазом по странице,
Как много стран намыленных
Ждут очереди бриться.
Мы будем и на выстрел
Лицом равняться голым,
Раз имена земель в порезах,
Раз времена расколоты.

...В Пасанауре двор метен
Бывает в день не раз,
Гуляя — призываю сон,
Но он дичится глаз.
Но сон и глух и нем...
Цепями нагруженный,
Из-за столба ко мне
Выходит медвежонок.

Как будто бы огонь,
Как будто вихорь бурый
Лизал его всего
И выгорела шкура.
Ленивый великан,
Пасанаурский Санчо,
Он так же, как Духан,
Урча подачи кланчит.

«Облизывай, рыжий,
Старательней корку, —
Тебя же кнут оближет,
Как солод горький,
Тебе гулять
В дворовой душной рвани,
Твои поля
Засеяли мещане.
И сдохнешь не на родине,
Земляк,
У потных ног их,
Шеей шевеля.
Чтобы кончать —
Свинцом пробьют висок».

...Он заворчал
И цепи поволок.
И лег меж ночью и столбом,
А звезды рвались к нему,
Но он, как старый астроном,
Храпел у спячки на дому.
Тут сон ударил по плечу,
Задул окно, закрыл свечу.

*Прогулка в страну хевсуров, где медвежонок
пускается в рассуждения и приводит автора
в негодование*

Не озабочен лунной сметой,
У звездной знати не в чести,
Я просыпаюсь, чтобы в этой
Главе лунатиком пройти.
Медведь поднялся с четверенек,
Кричит за цепную межу:
«Выходи, я тебе и без денег,

Я задаром свой край покажу!
Одежды дерева в лесах,
Природу зуба, когтя, лая...»
Я взвесил цифры на часах,
Они сказали: «Погуляем».
И я гулял, теряя вес,—
В глазах провалы жили,
Часов не счесть и верст не счесть,
Но только все кружилось.
Кружила по ногам трава,
Не приходившая обратно.
Ущелий бешеные пятна,
Их темноярусный провал,
Их поворот невероятный
Своей неправдой подкупал.

Шумели спины вепрей,
Народ такой — хевсуры,
Хевсуров замки крепили,
Над бездной мост просунув.

И я шагнул во сне
Туда, где замерла нога,
Где граждане камней
Сидят у очага.
Для встречи новой осени,
Для укрепления духа,
Бушует в их обсосанных,
Кривых рогах сивуха.
Что здесь городской наряд,
Моей смятой каскетки блин,
Если черная гор заря
Одевает их до земли?
Лучины стелют по полу
Худые облака,
Года проходят около,
Хевсуров не толкая.
Потеет сборище кольчуг,
Огонь пылает бородатый,
И сабель сто, и копий сто —
Как объяснить, что я не то,
Что я не только сон, я — друг,
Я — современья соглядатай.

Медвежий смех в глаза мне:
«Каков мой край родимый,
Кунак, прошу запомнить:
Мы злы и нелюдимы.
Та самая не наугад,
Подобная потопу,
Шагающая в ногу
Меж классовых бригад,
Штурмующих Европу,
Та самая, что в споре
Столкнула земли лбами,
С кольцом в носу — История
Тут властвует над нами.
Тут ни при чем бетон и кран
Подъемный, свист литейной,
Пока заведует туман
Отделкой троп затейной.

Тут запах неуместен
Твоих столичных песен,
Пока над красною луной
Наездник тешится войной,
Арканом женщин спутав,
А в душах, точно в норах,
Все так свежо, как будто
Еще в проекте порох».

Тогда, задув обид свечу,
Тогда, размахиваясь, — ведь
И я не каменный, — кричу:
«Остановись, медведь.
Довольно темнотой свистеть,
Молчи, пока, как я, как те,
Которым не до шутки,
О привилегиях когтей
Забудь, метяжник явный,
Я не бросаю камня
В тебя и в них. Я поостыл,
Но знай — далеко ль, здесь ли
Такого скептика, как ты,
Когда-нибудь повесят».

...Сквозь облачную смуту
Возникло солнце в комнате,
Как столб огня в траншее,

Но сон есть сон. Запутав,
Швыряю эти строки
Любителям на шею.

*Об одной маленькой девочке в
Осетии и больших дорогах вообще*

На Север! Там одна простая
Душа волнует жизнь мою,
Под теплый дождь лицо подставив,
Она смеется мне на Юг.

Дорога — что? Чинар расщеп,
Редкой воды полоса,
Друзья на час, тарелка щей.
Слова без адреса,
И снова ночь.

И снова день навстречу
Работы клонит,
Ряды овечьи
Осетинка гонит.
Ей только семь веселых,
Разбойных лет,
Ее колени голые
В песке, в золе.
Она — куста не выше
В сентябрьской позолоте,
И нищетою вышиты
Ее лохмотья.

Ну, вырастет она,
Обычаю в отраду,
Даст клятву чугунам,
Стойлу, стаду.
Служанкою пройдет
Жилья на дно,
И все затянет лед,
И снова — ночь?
Иль Северный устав
Глаза приманит
И для нее верста
Овечья стыдной станет?

Пока же день горбат,
Все по-другому,
И голода арба
От дома к дому ¹.
Мне жаль, Осетия,
Что ты такая,
Как на рассвете
Заря скупая.

Ветшает юность, как мешок.
Ее встряхнув, найдем
Тут — бег бровей, там — шарфа шелк,
Здесь — год любой войны, и в нем
Дорога — что? Горниста выдох,
Недели — крови пузыри,
Зима, любовниц ветер выдал,
Сломал и память раздарил.
Опять блуждать, опять уметь
Дразнить людей — пожалуйста.
Я жил у счастья на уме,
И мне не жалко жалости.

Весы дорог, времен, мест
Отнюдь не безусловны,
Дается старенький провес
На всякое любовное.
Поверь, дитя Осетии,
Не до конца я скучен,
Есть басня на примете,
Дежурная, на случай.

О том, как тигр попал на майдан

В глуши, Ленкорани левей,
Где конь не оближет удил,
Зверь закаспийских кровей,
Жирея в меру, бродил.
Но чаща такой преснотой
Окачивала и окручивала,
Что тигру наскучил постой
И дружба с бамбуком наскучила.

¹ Девочка-осетинка имела еще одну особенность: она ругала своих овец последними русскими ругательствами. Их нельзя было ввести в поэму, хотя элегический тон главы несомненно выиграл бы от пяти-шести свежих, совершенно неожиданных слов.

Кидая день, и дом, и дым
Своих незваных ужинов,
От верной еды, от жены, от воды
Сбежал полосатый труженик.
И, странствуя, между делом,
Сбивал он скулы волку.
Овечью чистил мелочь,
Купался и шел, как по шелку.

Люди толпились. Река лилась,
Долина в зелень наряжена,
Такая природа и требовалась
Для тигра, задором заряженного.
А как поглядел он с размаху вниз, —
Увидел не пропасть просто:
Внизу расходился ночной Тифлис,
Огнями Куру захлестывая.
И лопался тигр от гордости,
Что вот добежал из чащи:
«Тут можно и славу приобрести,
Любовь, уют настоящий».

А к утру лежал на майдане он,
Убитым хвостом болтая,
Толпа зевак со всех сторон
Росла, зевала, таяла.

Так постоянно гонится мир
Через пустыни, и смех, и вой,
Так добежим до майдана и мы,
Лечь под ногой ротозеевой ¹.

*Укрощенный Терек, храбрый Хадзимет,
каменный патруль
и непочтительное отношение к древности*

Пока я время проводил
В тигриных краснобайствах,
Дорога лезла впереди
По каменным хозяйствам.

¹ Тигр, о котором идет речь, пришел к Тифлису из Персии, из Мазандарана. Он имел около сажени длины и был очень тяжел. Убили его случайно. Я видел чучело в музее. Пуля прошла у него между глаз — так можно попасть только со страху.

И вот уж под тучей холщовой,
Где беглые сосны висят,
Над Терека громом дешевым
В аулах пасут поросят.

Времен мелеет быстрина,
Сокол понял, Терек злится,
Что запах шерсти и вина
Ценнее недр пороховницы.

Анкета горного орла
Невелика и неуклюжа,
Как горца хлеб и кислый ужин,
С былой гордыней пополам.

Но было и время такое —
Дигорию поднял Такоев¹.
Как бревна в потоке,
Губя переправу,
Метались белые сабли
Направо.

Как бревна в потоке
Ломают ребро,
О горы ломались
Пики Шкуро.

Но бою и горю
Преграда какая?
Копытом Дигорию
Рвет Бигаев².

Обуглись, но выстой —
Выхода нет.
За кровь керменистов
Встает Хадзимет.

¹ Симон Такоев — один из героев гражданской войны в Осетии.

² Сосланбек Бигаев — штабс-капитан, был начальником белого карательного отряда, особенно свирепого с «керминистами». Хадзимет Рамонов дал слово, что он убьет Сосланбека Бигаева. И он его убил в селе Ардоне ночью, причем погиб и сам.

Черкеска и маузер,
Ночь — заодно,
Пояс, набитый
Громким зерном.

В нагорном Ардоне
Развьючены кони,
В нагорном Ардоне
Храпят на попоне.

Коня ли, быка ли
Возьмут на восходе,
В расходе — Бигаев,
И мститель — в расходе.

Так бились налево,
Сверкали направо.
Плыви — если нет
Сухой переправы.

Не правда ли, Симон Такоев,
Ведь было же время такое?
От Терека тесного
До вод горячих

Так ли поется песня?
Так ли поется песня?
Или уже иначе?
Или уже иначе?

Мотор храпит, дрожа за шины,
Как нервны дикие машины...
Ущелья виден вход мышиный,
Но стой! Гвардейцы здешних мест —
Идут сверхсрочные вершины
Моим путям наперерез.

Из общей джигитовки выпав,
Их впереди, как старый бек,
В гранитной бурке, пересыпан
Почтенным снегом сам Казбек

Его не купишь серебром,
Его не переспоришь спором,
Я приучен, что с патрулем
Документальны разговоры.

Влезаю в сумку, достаю
Бумагу, где простых
Десяток слов, что я стою
За ветер, против духоты.

А еду к Северу, к себе,
Что любопытством путь измерил,
Что вот печать, ряд подписей,
На случай скрепленных доверьем.

Но, не приняв письма разводов,
Туманы натянув до щек,
Гора молчит, Казбек уходит,
Старик неграмотен еще.

Мотор — дикарь, его притом,
Как и меня, пути казнят,
Писать раздвоенным пером
Нелюбопытная возня.

Так выпрямляй его, как ял
Прямит корму — уже о старом,
Уже бормочет нам Дарьял
С авторитетом дней Тамары.

Вот стены рваные, о чем
Воды холодное ворчанье, —
Не торговаться ж с кирпичом:
То был ли замок или баня.
Ну, ошибемся, так живьем
Руин укор переживем.
Как в переполненном аду,
В ущельях гулы на виду.
Последний хруст, последний камень,
Кавказ морщинится за нами;
Кавказ за нами жмет кулак:
То сыплет прошлым, то дождем,
То устиляет землю тенью,
То ледяные шлет огни, —
Не так ли или точно так

У поэтической родни
Эпитет ищет назначенья?

Упали горы, посмотри:
В иной стране, в другом режиме
Встает содружество зари
С костром степного старожила.

*Когда кончаются горы — начинается
степь, автор скромно впадает в лирику*

Я взял к вершинам не на выбор
Кратчайший путь — хребет седой,
Я перечел за глыбой глыбу
И бросил, вычитав одно:
Внебытовой покой камней
Не может снизиться, не вправе, —
А я — равнинный мастер, мне
Страной заоблачной не править.
Вот едем низиной, все глубже, все туже
Степной ударяет уют,
Я вижу, как люди садятся за ужин,
В сараях коровы жуют.
И свечки наростами жира,
Шипя, обрастают пристойно,
А я по негнувшимся лестницам мира
Скитаюсь котом беспокойным,
И с мышью вчерашней, и с завтрашней
мышью
Я в ссоре, и ссора не знает затишья.

Смеется осень между зарев:
«Послушай, путник, речь мою,
Не только я одна базарю,
Леса на ветер продаю,
Над промотавшимся туманом
Имен, обычаев, знамен,
Над прогоревшим балаганом
Земли встает аукцион.
Довольно звезд лелеять ворох
На поэтическом шесте,
Мы их сравним с желтком, который,
Поджарясь, лопнул на плите.

Мы прошлому простить не можем,
Что жили с ним, его куски
Вложили в мозг, впитали в кожу
И вот не подаем руки.
Нас утомил размах впустую.
Со страстью к юному вину,
Как бородавку кочевую,
Хотим мы выжечь старину».

«Все так, цветное время года,
Разоблачай, рычи, дари,
Но исторической погоды
Не я веду календари».

Темнеет степь — все на свете,
Когда сентябрь темнеет вдруг,
Я помню девочку Осетии
Такой, как встретил поутру.

Как на скалистом повороте
Она шумела по траве,
И я увез ее лохмотья
В своей нескладной голове.

Еще взглянуть — стих приторочен,
Трясет губой, стучит ребром,
Еще усилье, и полночный
Владикавказ подарит сном.
Так пусть под пепельную прыть
Садов, шумящих напряженно,
Придет со мной поговорить
Во сне хевсурский медвежонок.
И скажет мне с улыбкой злейшей:
«Вставай, кунак, гляди в окно:
Еще одной дорогой меньше,
И больше осенью одной».

Сентябрь — ноябрь 1924

КРАСНЫЕ НА АРАКСЕ

1

Зажми слова и шпоры дай им,
Когда, перегибая нрав,
Ты их найдешь, упорств хозяин,
В чужом упорстве прочитав,
В несытой и коричневой
Лавине на горах,
В гремучем пограничнике,
Как молодой Аракс,
Где в звездном косоглазии,
Давясь тишиной,
Предплечья старой Азии
Качались надо мной.

Но как мне в памяти сбережь
За речью двуязычной
Ночь, громадную, как печь,
Зов и запах пограничный:
Он поздри щекотал коням,
Дразнил разбегом и разбоем,
Грозой белесой оттеня
Степей стодолье голубое.

2

Дороги тут и водятся
Насмешливей ресниц,
У тех дорог не сходятся ль
Хранители границ?

Они ступают бережно,
Чтобы сберечь подошвы,
Легко идя по бережку,
Как шорох самый дошлый.

Где пахнет гостем крепким
Иль контрабандным шагом,
Идут по следу цепью
Скалой и камышами.

Ночь зыбится и стелется
Для всех живых одна —
О шашку храбрость греется,
Как о волну — волна.

Такою ночью сердце вплавь,
А с юга — нам закрытого —
Идут и против всех застав
Храблятся вдруг копыта.

Но лишь подымет берег вой,
Сквозь сломанный ардуч¹
Махает барс, как шелковый,
Лосняся на ходу.

И вслед его, как серый ком,
Под ветровой удар
Несется круглым кубарем
Пройдоха джанавар².

Попробуй тропы узкие
Законом завязать —
Далеко видят курдские
Точеные глаза.

И что им часовые?
Как смена чувяков, —
Но красные значки их
Одни страшат кочевников,

¹ Ардуч — кустарник.

² Джанавар — волк.

Значки стоят то хмуро,
То пьяно, то нарядно
На вышках Зангезура
На стенах Ордубада.

И, отступив, номады,
Скача в жару и впроголодь,
Гадают в водопадах
На мясе и на золоте.

Но в пене, в жилах скрученных
И в золоченом поясе
Блеск красный, как ни мучайся,
Он всюду — как ни ройся!

3

Как вымысел ущельем рта
Восходит в песен пламя,
Так Арарата высота
Всходила запросто над нами.

Равняясь честно на восход,
С ума свергавшей головой
Сиял, как колокол и лед,
Земли бессменный часовой.

Прости, старик, мы пили чай,
Костром утра согревши плечи,
Садов зеленая свеча —
Лукавый тополь, нас уча,
Шумел на смешанном наречье.

Ступали буйволы с запинкой,
Кувшин наполнился рекой,
Страна камней, как семьянинка,
Оделась в утренний покой.
Кусты здоровались обычно —
Меж них гуляет пограничник.

Стан распоясан, ворот расстегнут,
 Синий глаз отточен,—
 Где же ты, Азия? Азия согнута,
 Азия загнана в бочку.

Твои ль глаза узорные
 Стоптали кайму свою,
 Здесь красные стали дозорными
 Народов на краю.

Обгрызли мыши Тегеран.
 А где ж была ты, старая?
 Моссул ободран, как джейран ¹,
 Ступай, ты нам не пара.

За что ходили ноги,
 Свистело в головах?
 За что патрон в берлогах
 До барса доставал?

Багдад — питомец праздный,
 Багдад не любит жара
 Аракского костра,—

Пляши же, тари ² старая,
 Так смейся, тари красная,
 Узун-дара! Узун-дара! ³

Нежней луча, ходящего
 По заячьим ушам,
 Тундырь ⁴ печет прозрачные
 Листовки лаваша.

Дыня жирная садам
 О желтизне кричит сама,
 Ты, Азия, дышала нам,
 Как сладкая дутма ⁵.

¹ Д ж е й р а н — горный козел.

² Т а р и — гитара.

³ У з у н - д а р а — танец.

⁴ Т у н д ы р ь — печь, в которой пекут лаваш (особый хлеб).

⁵ Д у т м а — дыня высшего сорта.

Перебирая сквозь очки
Качанье четок и цепей,
Ты клюнешь песен — выпечки
Московских тундырей.

Аракс не верит никому, —
Постой, смиришь обычай,
Так ланься же по-своему,
Пока ты пограничен.

5

Уже звезда, не прогадав,
Вошла в вечернее похмелье,
Работам, пляскам и стадам
Отныне шествовать к постели.

Тропинка в небе с красной кожей
Уже краснеет уже,
Деревья тянутся, похожие
На черный горб верблюжий.

Одно — двугорбое — во тьму
Входило стройно, без обиды,
Если бы руку пожать ему.
Расцеловать, завидуя, —

Простую тутовую душу,
Рабочих плеч его чертеж,
Сказать: «Барев, енгер¹, послушай,
Ты понимаешь, ты не пропадешь!»

6

Поставь напрямик глаза,
Заострись, как у рыси мех,
Под чалмою шипит гюрза²,
Под чадрую — измены смех.

¹ Барев, енгер — здравствуй, товарищ.

² Гюрза — змея.

Легкий клинка визг,
Крашеный звон купцов,
Крылатая мышь задела карниз —
Так Азия дышит в лицо.

Неслышно, как в ночь игла, —
Для иных — чернее чумы,
Для иных — светлее стекла, —
Так в Азию входим мы.

Меняя, как тень наряды,
Шатая племен кольцо,
Так дышит снам Шахразады
Советская ночь в лицо.

Курдский прицел отличен —
Стоит слова литого,
Падает пограничник, —
Выстрел родит другого!

Что в этом толку, курд?
Слышишь, в Багдаде золото
Так же поет, как тут,
Только на ваши головы.

Что же, стреляй! Но дашь
Промах иль вновь, не зря —
Будешь ты есть лаваш
Нашего тундыря.

1924

ВЫРА¹

15 марта 1918 года

Четвертый съезд Советов
Стопился перед зыбью,
Рокочут анархисты, взводя курки.
Ныряют соглашатели, чешуйчатостью рыбьей
Поблескивают в зале глухие уголки.
Колючей пеной Бреста
Ораторы окачены,
Выкриками с места
Разъярены вконец —
Эсеры гонят речи, но речи, словно клячи,
Барьеров не осилив, ложатся в стороне.
По лицам раскаленным
Проносится метелица,

¹ В ы р а — деревня около Гатчины, где 29/V 1919 г. бывший Семеновский полк перешел на сторону белых. Здесь погиб комиссар рабочей бригады, член исполкома, товарищ Раков. Раков — по профессии официант, начал революционную деятельность с 1912 г., был председателем Профсоюза служащих трактирного промысла, работал во фракции большевиков в Государственной думе, был арестован, выслан; в 1914 г., не желая идти сражаться, сдал экзамен на фельдшера. В Февральскую революцию был избран председателем 42-го армейского корпуса и членом Петроградского Совета от Выборгского крепостного гарнизона. Он принимал самое активное участие в гражданской войне в Финляндии. Когда финский пролетариат был разгромлен, комитет 42-го корпуса был весь уничтожен под деревней Раута, товарищу Ракову чудом удалось спастись от белых. Они назначили крупную сумму за голову товарища Ракова и даже послали своих агентов в Петербург, чтобы убить его.

Ведь нам же, ведь сегодня, здесь,
Вот здесь решать гуртом —
Винтовкой беспатронной ли
В глаза врага нацелиться
Или уважить вражью спесь
И расписаться в том.
«Вот когда мы шагали верстами,
Не так, как теперь, дорожим вершком,
Так ведь за нами — и очень просто —
Те же эсеры шли петушком!»
Зала разорвана, Ленин, заранее
Нацелясь, бьет по отдельным рядам,
Точно опять погибает Титаник,
Рты перекошены, в трюмах — вода.
«Теперь как бойцы мы ничтожны слишком,
Тут и голодный и всякий вой,
Вот почему нам нужна передышка —
Мы вступили в эпоху войн».
Тонут соглашатели. Лысины как лодки,
Рты сигналы мечут напропалую — ввысь,
Но гром нарастает — кусками, и ходко
Холмы рукоплесканий сошлись и разошлись.
Рук чернолесье метнулось навстречу,
Видно, когда этот лес поредел,
Что это зима, где не снег бесконечен,
А люди — занесенные метелями дел!

1

Меж Ладогой и Раута
Угрюма сторона —
Только таборы холмов
Да сосна.
Только беженец,
От белых пуль ходок,
Гонит стадо несвежее
На восток.
Словно в ссылку сектанты,
Шагают там быки,
Кровавыми кантами
Обшиты их зрачки
Скучая по крову,
Голосами калек

Поносят коровы
Разболтанный снег.
И лошади бурый
Волочат свой костяк,
Закат как гравюра,
Но это — пустяк.
Над всеми голосами
Скотов, дыша,
Умные лыжи остриями
Судьбы шуршат.
По ветру в отчаянье
Удерживая крик,
От смерти — нечаянно
Уходит большевик.
Меж Ладогой и Раута
Угрюма сторона —
Товарища Ракова
Еще щадит она.
Остались он да беженец,
От белых пуль ходок,
Холмы в личине снежной
Да в сердце — холодок.
Только с Красной Финляндией
Кончен бал,
Над черепов гирляндами
Бал забастовал.
Только в стадо включенный
Упрямый костоправ
Уходит побежденным,
Уздами память сжав!

2

Изведавшее прелести годов несчетных,
Развесистое дерево взирало на столы,
В саду за музеем на месте почетном
Пестрая очередь топтала палый лист.
Дождь струился по людям незнакомым,
Плечам и фуражам теряя счет,—
Спасского Совдепа Военкомом,
Товарищем Раковым, веден переучет.
Комсостав, окутанный паром
Осени дряблой и жирной, как

Борщ переваренный, — шел не даром
В списки резервного полка.
Всем ли довериться этим бывшим
Корнетам, капитанам, подпрапорщикам?
На месте погон были дырки, а выше —
Сентябрьская слякоть стекала по щекам.
Одни были напуганы, как сада ветви,
Жалобно трещающие под сапогом,
Иным безразлично было все на свете,
А третьи говорили: «Товарищ военком».
Очередь курила, таинственно крикала,
Как будто она продавалась на вес.
Самсоньевский, Зайцев? — разгадывать
всякого —

Значит, в саду на полгода засесть.
Качавшееся дерево вместо промокательной
Пухлой шелухой осыпало стол —
Осень старалась быть только карательной,
Темной экспедицией, мокрой и густой.
Но, казалось, ссориться сегодня не придется,
Все глядели вымытыми, словно из колодца.
И, казалось, с лишними, снятыми отличьями
Снято все давнишнее, снято — и отлично!

3

Весь день гоньба под знаком исполкома,
Верти до ночи ручку колеса,
Где совещанья, речи, пыль и громы —
Ты доброволец, ты не нанялся!
Необходимость машет булавой,
Хвали и злись, ручайся головой,
Пока внезапно день не испарится,
И к полночи он различает лица
Лишь с точки зренья боевой
Или досадной единицы.
Блокада вокруг, как цетли паука,
Давай солдат — крепись, товарищ Раков,
В ночной глуши досаден с потолка
Летающий герб в махорочных зигзагах.
И особняк, где шли пиры, обеды,
Черт знает что — в дыму других печей,
И в нем кипит, как варево победы,
Весь срочный быт военных мелочей.

Телефонист молодой
Перехмурил брови —
Он сидит, как под водой,
Иль витает с крышей вровень.
Страна полна такими,
Привычными, что крик,
Красноармеец имя им,
А век их не велик.
И Раков смотрит: вот из тех —
Телефонист,
Кому отдать сейчас не грех —
Своей лепешки лист.
«Товарищ, ешьте!»
«Военком, я сыт.
Я из гусаров спешен,
Я даже сбрил усы.
Из роты Карла Либкнехта,
В войне четвертый год,
Пишу стихи, отвыкнуть чтоб
От всяческих забот».

«А ну-ка, попробуйте»... Сразу растет,
Лицо тяжелеет, но грусть водолаза
Кошачьим прыжком заменяется сразу,
Слова начинают зеленый полет:

«Книги друг к другу прижались,
В праздности шкап изнемог,
Вы разве в шелку рождались,
Гордые дети берлог?
В щепы — стеклянные дверцы,
Праздничных строк водопад
Каждому в душу и сердце —
Пей и пьяней наугад.
В буре — спасение мира,
К ней восхваленно зывай,
Души лови — реквизируй,
Если негодны — взрывай».

«Интеллигент, — подумал Раков тут, —
Такие все иль пишут, или пьют.
Вы искренни — в том зла большого нет,
Но революция гораздо проще,
На кой вам черт разбитый кабинет,
Откуда книги тащите на площадь?..»

И он зевнул, стремясь зевнуть короче.
Ушел, засел до солнца коротать
Часы в бумажной пене и крошке,
К рассвету мысли начали катать
Какие-то невидимые крошки.
Мышиный мир наладил визготню,
Стих мелькнул, усталость вдруг упрочив,
Окно зажглось — и солнце на корню
Увидел он, — и солнце было проще.

4

Фасад казармы давящий, всячески облупленный,
Он стоял прошлой ругани и нынешней насмешки,
А люди в шинелях глядели, как халупы,
Такие одинокие во время перебежки.
Тут бывшие семеновцы мешались с тем загадочным,
Как лавочный пирог, народом отовсюду,
Что бодр бывал по-разному в окопах и на явочных,
Оценивая многое, как битую посуду.
Ученье шло обычное — так конь прядет ушами,
И Раков слышал: рвением напряжены сердца,
Но чувствовал, как винт ничтожнейший мешает
Ему поверить в то, что это до конца.
Но было все почтенно: портянки под плакатом,
Как встреча двух миров, где пар из котелка —
Достойный фимиами, и Раков стал крылатым.
Смеркалось... Плац темнел, как прошлое полка.

5

Сведя каблуки, улыбаясь двояко,
Блестяще он выбросил локоть вперед,
Смутился: «Вы—Ра...» Запинаясь: «Вы — Раков?
Самсоньевский, к вам в переплет».
Финские сосны в уме побежали,
С улицы лязгом ответил обоз.
Шел комиссар в офицерские дали,
В серую карту морщин и волос.
Карта тянулась: рада стараться!
Билетом партийным клялась за постой,
Билет был билетом, но череп ногойца,
Но петлями — брови, но весь не простой.

Вопреки алебастру, вощеному полу,
 Портьерных материй ненужным кускам,
 Вопреки даже холоду, он сидел полуголый,
 Отдыхая, как снег, под которым река.
 Для него ль кресла с министерской спинкой?
 У паркетного треска предательский ритм.
 Разве дом это? Комнат тяжелых волянка,
 Вражья ветошь, по ордеру взятая им.
 Шелуха от картофеля с чаем капорским,
 Плюс паек, плюс селедок сухой анекдот,
 А над городом, в пику блокадам заморским,
 Стопроцентное солнце весенних ворот.
 Точно школьникам — книги оставлены в парте,
 Дезертиром — заботы в мозгу сожжены,
 Он свободен, как вечность, от программ и от
 партий,
 И в руках его — плечи спокойной жены.
 Это то, когда место и вещи забыты,
 Когда ребра поют, набегая на хруст,
 Духоты потрясает все жилы избыток
 И, пройдя испытанье, сияет осколками чувств.
 Только губы застигнуты в высшем смятенье,
 Только грудь расходилась сама не своя, —
 Революции нет — только мускулов тени,
 Наливаясь, скользят по любимым краям.
 Отзвенело морей кровеносных качанье,
 Рот и глаз очертаний обычных достиг,
 По иссохшим губам, как неведомый странник,
 Удивляясь жару, спотыкался язык.
 Шелуха от картофеля с чаем капорским,
 Плюс паек — снова быт возвращен,
 Снова встреча с врагом, и своим и заморским,
 Шорох чуждого дома, не добытый еще.
 И струею воды, до смешного короткой,
 Так что кажется кран скуповатым ключом,
 Он смывает костер. И по ключьям работа
 Собирается в памяти. Мир заключен.

Не проблеск молнии,
 Пробравшийся в шкапы, в лари,
 Оно безмолвней,
 Чем земля, горит,

Оно приходит смертью к вам на ужин
Или мигает, сумеречно даже,
Оно — оружие,
Взятое у граждан.
Оно как образцовый
Оружейника пир —
От маузеров новых
До старых рапир.
Чтоб пыл боевой не остыл,
Сменяет хозяев оружие...
«Самсоньевский, ты
Смотри сюда поглубже...»
«Не жалко ль тебе, эх, военком,
Ходить вокруг фонаря,
Сколько людей раздели силком...»
«Ну, что ж — раздели не зря...»
«Не страшно ль тебе, что со всех сторон
Не жизнь, а щетина ежа,
Одно оружие мы с поля вон —
Другого готов урожай».
«Самсоньевский, ты ли
Нас предлагаешь потчевать
Елеем соглашателей,
Да разве мы остыли,
Да разве мы приятели
С господчиками?
Слова твои путают наши ряды,
Не изгибайся, брат батальонный...»
«Но, Раков: я классовой полон вражды,
Что и красные эти знамена...
Им верен, как дому на родине — аист,
Скажи: распластайся — и я распластаюсь.
Но маузер взбросишь — богат заряд, —
Дашь по чужому, а валится брат?»
Оружьем комната завалена,
Закатной налита бурдой,
Они стоят, как два татарина,
Их мысли движутся ордой.
Отполированная сталь,
Она клокочет переливами,
Она имеет сходство с гривами,
И голос звонкий, как кастрат.
«Нет, ты с предателем не схож,
Самсоньевский, резок ты.

Ты — наш, я верю. Подхалимство ж
Я буду гнать до хрипоты.
Я сам в трактирах горе грыз,
Я был не блюдолиз —
Лакейства два — как ни рядись.
Одно — наверх, другое — вниз.
Одни держали на людей
Экзамен дорогой,
Зато уже никто нигде
Их не согнет дугой...
Другим понравилось житье
И сладость попрошаек,
Носить хозяйское тряпье
И хлопать в такт ушами...
Я пережил Думы
Имперский трактир,
Где больше болтали, чем пили, —
Солдатский, угрюмый,
Где смерть взаперти,
Пожалуй, лишь смерть в изобилье.
И я говорю тебе сущий резон:
Страшись притворяться лакейской слезой.
Гвардейская спесь на дыбы встает
В тебе и кричит тебе: «Здравствуй!»
Но если в рабочий ты вшит переплет —
Гордись переплетом — и баста!»

8

Тогда бывал незамечаем
Иных случайностей размер,
Случаен дом, где булки с чаем,
Случаен театр, а в нем — Мольер.
С толпой рабочей грея руки
Хлопками, гулко — Раков с гор
Войны вошел в партер, в простор,
Он ощущал закланье скуки,
Он веселел, как сам актер.
Могло казаться даже страшным,
Что люди чтят переполох
Чужой, смешной, почти домашний,
А за стеной — борьба эпох.

Ночь гордилась луной, очень крупной,
 Залихватской и шалой,
 Зеленые листья кипели на струпьях
 Домов обветшалых.
 Трава шелестела, и шел человек не старинный,
 Как будто он шел огородом,
 Не городом — пахло тополем, тмином,
 Пахло бродом,
 Человек не мог заблудиться —
 Он пришел из хитрейших подполий,
 Город вымер и в праве обернуться лисицей
 Или полем.
 Раков шел огородом, не городом... Тучи
 Кирпича, балконов умерших вымя,
 Мог ли думать, что это воскреснет, получит
 Его имя?

Эстонцы кривились, ругаясь с генералами,
 Британцы шипели, требуя атак,
 Нацелили белые мало-помалу,
 Ударив через Вруду, на Гатчину кулак.
 Тогда пришло в движение пространство за
 пространством,
 От штабных неурядиц, от транспортных баз,
 От крика беженцев до темного убранства
 Лесов уже весенних и гулких, как лабаз.
 Фабричными гнездами, жерлами Кронштадта
 Пространство завладело, угрозами звеня,
 Вдувало коллективы и требовало плату:
 «Резервы немедленно на линию огня!»

Оратор, не колеблясь, дышал прямою,
 Был выше кучи трагиков в волнении простом,
 У служащих Нарпита короткий свой постой
 Он делал историческим, не думая о том.
 Над грудой передников, тарелок, бачков,

Над всем мелководьем, кусочками, щами,
Он видел: здесь мало таких дурачков,
Что шепчут и грустно поводят плечами.
Он видел, что слабость, голодная грусть
Исчезли, как лошадь, сраженная сапом,
Что стены прозрачны, собрания пульс
До Гатчины слышен — кончается залпом.
Он вспомнил, как был председателем их,
Союза трактирного промысла слуг,
Они были втоптаны в тину густых,
Безвыходных дней и разрух.
Их рвала свирепого быта картечь,
И вот они — свежи, как свечи,
Как будто им головы сброшены с плеч,
И новые — ввинчены в плечи.
Волнение мешало, как ноющий зуб,
Как ссора иль спор из-за денег,
Есть в пафосе пункт, где пускают слезу
Актер, адвокат, священник.
Сейчас этот пункт пролетел стороной
Толпа, что с плакатами щит,
Гудела — но Раков заметил одно:
«Самсоньевский здесь и молчит».

12

Доверье — не пышное слово
(И грустное «е» на хвосте),
С ним женщина ляжет к любому,
Прельстившему сердце, в постель.
Им можно испытывать дружбу,
Им можно растапливать печь,
И Раков, честнейший к тому же, —
Доверьем не мог пренебречь.
Самсоньевский — скверненький зверь он.
Доверье! Весь полк запылен
Тревожною пылью! Доверье!
Пусть слухи идут на рожон.
Кто ждет их, должно быть, и глуп же.
Доверье чужим и родным!
Ну, что же — Раков, и Купше,
И все подписались под ним.

Где подразумеваются развернутые взводы
 Противника — разведкой не щупаны почти, —
 Там самая ручная, знакомая природа
 Омыта беспокойством, и мимо не пройти.
 Лес мажется издевкой, поляны воспалены,
 Болото смотрит гибелью, домашность потеряв,
 Ползешь меж дружелюбных, хороших трав
по склону,
 А следующий склон — враждебных полон трав.

Длится поход бесконечный день,
 Люди отупели, усталость под ребром.
 ...Философоподобные лбы лошадей,
 Ба, санитарной двуколки гром.
 Раненый кажется сплошь холмистым
 От вздыбленной шинели, похожей на тьму, —
 Раков узнает того телефониста,
 Ночного сочинителя, не нужного ему.
 Он существует пожухлой обезьяной,
 Курит самокрутку, орет по сторонам,
 Видно, несмотря на тряску и на рану,
 Душа его весельем полным-полна.
 Раков себя ловит на том, что не жалость,
 А только досада сквозит, как решето:
 «Он и про меня еще сочинит, пожалуй,
 Его неугомонности хватит и на то!»

Как толстые суслики, вниз головой
 Идут сапоги, наедаясь взасос
 И мокрым песком, и шершавой травой,
 И каменной кашей приречных полос.
 Но люди унылы — без предисловий
 Землисты и тяжки, и видно любому, —

Вот так же шагали в Митаву и в Ковель,
Они не умеют шагать по-другому.
И вспомнились финские стаи волчат
И красноармейцев ударные взводы,
Они воевали, как струны — бренча,
Шагали, как сосны особой породы.
Теперь он глядит из-под хмурых бровей,
И вот не хватает чего-то на свете —
Неужели молодость воли своей
Оставил он в финском лесу, не заметив?

16

Двадцать восьмого мая
Вошла деревня Выра.
Как вестница немая,
В глаза куриным выводком
Безмолвствующих изб.
Синея, встали доли,
Ручей, пески дробивший,
Лесов сплошная тушь,
И в уши хлынул голос,
Когда-то говоривший:
«Вы — Ра-ков? Что за чушь?»
В разбросе окон дробных,
Овинов, лип, людей,
В колодезных цепях,
В тишине загробной
Сушившихся бадей —
Не чуялось худого,
А белый вечер белым был
Лишь по природе слова.
Тут, котелком мелькая,
Солдатский ожил улей,
Получше да поглубже
Избу отвоевать, —
Пусть завтра — хоть сраженье,
Зачем же грусть такая,
Мгновенная, как пуля, —
«Самсоньевский, Купше,
Отдай распоряжение —
Здесь будем ночевать».

Ночь как ночь, замела даже имя
 Той разведки, где, как по разверстке,
 Леса и поля рисовались такими,
 Какими они на двухверстке.
 Ну, просто броди и броди по кустам,
 Но, прогнана сквозь новоселье,
 В последнюю комнату мысль заперта,
 Как пробка, притерта к аптечному зелью.
 Уже человек неотчетлив, как столб,
 Разъеден, приближен, что радуга к бездне,
 Нельзя же так мучить! Бросайте на стол
 И режьте, но дайте название болезни.
 Не ночь, а экзамен на фельдшера, мел
 Крошится, доска неопрятна, лица убоги,
 Солдаты, как цифры, дробятся в уме...
 Разведка вернулась к обычной дороге.
 Раков, меж пальцев крутя лепесток
 Замятый, крутя с непонятной заботой,
 Советовал фланг отнести на восток,
 За Оредеж к Лампову, вкось от болота.
 Советовал верить, но тот комсостав,
 Что за музеем шел в мути творожной,
 Казался теперь паутиной в кустах,
 Которую снять, не порвав, невозможно.
 Машина спешила на Выру — домой,
 Он, фельдшером, знал вот такое томленье,
 Его не возьмешь никакой сулемой,
 Оно не в родстве ни с одною мигренью.
 Заснувшая Выра, условный свисток,
 Изба, простокваши нежданная нежность —
 Замятый, закатанный вдрызг лепесток,
 Прилипший к шинели, клялся в неизбежном.

Вот комиссары в штаб идут
 Налево, а направо
 Выходит запевала смут —
 Самсоньевский с оравой.

Ночь как ночь, замела даже имя
Той разведки, глухой, как силок,
Командиры с плечами крутыми
По-гвардейски садятся в седло.
Вот их кони, как лани,
Ступают в дубравах ползущих,
Вот их жизнь, как ольшаник,
Становится гуще...
За деревней — леса. На пустом расстоянии —
Часовые с кокардой зовущей.
Как пейзаж лес не нужен совсем,
Люди сумрачны слишком,
Ночь их варит под крышкой
Стопудовых котлов, но Самсоньевский нем.
Спотыкаясь о корни,
Кони яму обходят правей,
Но Самсоньевский просто зловещ,
Загляделся на повод, как навязчивый шорник,
За копейку купивший непродажную вещь.
Если б лес этот встал, завопив,
И лесничих сожрал, как корова грибы,
На порубщиках их же топор иступив,
И охотников сжег ворохами крапивы, —
Все равно — не уйти от судьбы!
В большевистской вселенной
Он поденщика ниже,
Он с плеча ненавидит низы —
Он, как торф, догорел до измены,
Он, как пенёк, оголен, как ветви, обижен
Превосходным презреньем грозы.
Деловито, что хуторяне,
Морды коней набок кривя,
Всадники жмутся — дым совещанья
Заворачивается на поляне,
С куревом вместе — тает в ветвях.
Жизнь загустела, вздыбилась горкой,
Лесом покрылась для игрищ ночных,
Вот он — азарт! Но с такой оговоркой,
Что каторжанин счастливее их.
...Рысью меж деревьев — травы веерами,
Белой ночи в небе колеи,
Рокот затворов — погоны с номерами,
Голос через гриву: «Смирно! Свой!»

Сон переживал последнюю историю —
 Предутреннюю вялость, недоступную перу,
 Когда неожиданно, как смерч на плоскогорье,
 По ставням забегали десятки рук.
 Красноармейцы путались в подсумках,
 Бились в шинелях, рукавов не находя,
 «Белые в деревне» — звенело, как по рюмкам,
 По стеклам, иголками в головах бродя.
 Батальона не было — вылезали тени,
 Тени страшились того, что впереди,
 Хриплого значенья стреноженных волненьем
 Слов командирских: «Сдавайся! Выходи!»
 Какой рябиной в будущем
 Подарит осень или
 Какие облака — не кровь ли с молоком?
 Вопросы тишины упали грудой щеп,—
 Забор оброс тоской, как подворотной пылью,
 Кто не нашел сапог, сдавался босиком.
 Самсоньевский, нежась в золоте погон,
 Красным билетом махая, нарочно
 Рвал его на части, плюя на картон,
 Ничем не повинный, но гордый и в кусочках.
 Выра обернулась берлогой, оврагом,
 Где путник попадает на волчий бал,
 Падает Калинин, Купище — с отвагой,
 Падает Таврин, пробитый, как бумага,
 И враг его слетает, что камень,— наповал.
 Воскреснув, врывается само янычарство,
 Стирающее расу, привычки, лоск — насквозь,
 Швыряют людей, их режут, как пространство,
 В них шпарят, как в доску, и в мясо, и
в кость.

И тут же целуются, тут же скулы
 Подернуты дрожью у пленных, как у дев.
 Артачатся лошади, и тащится сутулый
 Царский семеновский марш, обалдев.
 ...К штабу запылили балахоны,
 Криками набухла кутерьма —
 Это смерть, махнув на все препоны,
 Приближалась, прячась за дома.

Что ж истины доверия?
 Их смерть всегда мгновенна.
 Осталось хлопнуть дверью
 И выйти на арену.
 Схватить за горло, вклинить в мех
 Золотовражий пальцы,
 Остаться у друзей в уме
 В порядке регистрации.
 И завещать, что завещать?
 Когда никто не смел прощать,
 Любая мстящая праща
 Не уставала верещать —
 И голова желтком во щах
 Купалась... Что здесь завещать?

Ракову даже не нужно было
 Последнего слова — дулом водя,
 Шаркал пулемет, как танцор, — относило
 Шарканье каплями тончайшего дождя.
 Что еще заметить напоследок,
 Кроме гильз стучащих, кроме
 Бревен потолочных, кроме объедков
 Хлеба на растерзанной соломе?
 В мире не осталось сожаленья —
 Шквал огня по дому одному —
 То не просто злость, а исступленье,
 Выход в допотопнейшую тьму,
 То не поединок — преступленье,
 Шквал огня по дому одному.
 Хоть бы кто — лишь хобот пулемета,
 Хоть бы слово — вражья трескотня,
 Хоть бы знак — хоть тряпка на воротах,
 Голос друга — шквал и западня.
 Так с курьерского прыгнувший наземь
 Видит, летя сквозь кустарный лом, —
 Точно медалями, точно призами, —
 Насыпь, усеянную щебнем и стеклом.
 Насыпь, холодную, как спина,
 Боль полосует, в ребрах натужась,

Это не отчаянье и даже не ужас —
Это готовность лететь до дна.
Сердце заплывает в удар еще,
Время иссякло — люди ни при чем, —
Только беспорядочная глина в товарищах,
Только репейник случайный на плечо.

22

Оно отмирало, сиянье полночное,
Как выхухоль зябкая, прячась,
Когда в маховине, по зыбкости кочек,
Ступая в грязи наудачу,
Брели одиночки, хлебнувшие горя,
Красноармейцы предательских рот,
С гиблым лицом, как подмоченный порох,
Они изучали фарватер болот,
Они, превращенные случаем в сброд,
Бежали от белых, а было их сорок...

УЛИЦА ИМЕНИ РАКОВА

Дома, стоящие служебно,
Углы с коммерческой весной,
Из них восходит запах хлебный
И солнца сытости иной.

Доски прибитой не касаясь,
Судьбы, висящей наяву,
Проходит жизнь внизу, как зависть,
Как бык — на свежую траву.

Тьма пешеходов в пену канет,
Но им, во всем не знатокам —
Подобно лунному вулкану, —
Причина чести далека.

Партиец, может, вспомнит имя,
Школяр, сомненье задержав,
Заснет над строками седыми,
И есть в музеях сторожа...

Над Вырой вечность дует в перья
Легенд, на мельнице времен —
И все же в мире есть доверье,
Да будет лозунг повторен.

Я доверяю простодушно,
Косноязычно, может быть,
Но без него мне было б душно,
Как душно жить всю жизнь рябым.

Слова ж горят из всех отдушин,
Ты слышишь плеск их, храп и хруст,
Но входит ночь — словарь потушен,
И, если хочешь, входит грусть.

1927

КИРОВ С НАМИ

1

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна,
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры тишина.
Но тишь разрывается воем —
Сирены зовут на посты,
И бомбы свистят над Невой,
Огнем обжигая мосты.
Под грохот полночных снарядов,
В полночный воздушный налет,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
В шинели армейской походной,
Как будто полков впереди,
Идет он тем шагом свободным,
Каким он в сраженья ходил.
Звезда на фуражке алеет,
Горит его взор огневой,
Идет, ленинградцев жалея,
Гордясь их красой боевой.

2

Стоит часовой над водою —
Моряк Ленинград сторожит,
И это лицо молодое
О многом ему говорит.

И он вспоминает матросов
Каспийских своих кораблей,
Что дрались на волжских откосах,
Среди астраханских полей.
И в этом юнце крепкожилом
Такая ж пригожая статья,
Такая ж геройская сила,
Такой же огонь неспроста.
Прожектор из сумрака вырыл
Его бескозырку в огне,
Название победное «Киров»
Грозой заблистало на ней...

3

Разбиты дома и ограды,
Зияет разрушенный свод,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
Боец, справедливый и грозный,
По городу тихо идет.
Час поздний, глухой и морозный...
Суровый, как крепость, завод.
Здесь нет перерывов в работе,
Здесь отдых забыли и сон,
Здесь люди в великой заботе,
Лишь в капельках пота висок.
Пусть красное пламя снаряда
Не раз полыхало в цехах,
Работой на совесть, как надо,
Гони и усталость и страх.
Мгновенная оторопь свяжет
Людей, но выходит старик, —
Послушай, что дед этот скажет,
Его неподкупен язык:
«Пусть наши супы водяные,
Пусть хлеб на вес золота стал,
Мы будем стоять, как стальные,
Потом мы успеем устать.
Враг силой не мог нас осилить,
Нас голодом хочет он взять,
Отнять Ленинград у России,
В полон ленинградцев забрать.
Такого вовеки не будет

На невском святом берегу,
Рабочие русские люди
Умрут, не сдадутся врагу.
Мы выкуем фронту обновы,
Мы вражье кольцо разорвем,
Недаром завод наш суровый
Мы Кировским гордо зовем».

4

В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
И сердце прегордое радо,
Что так непреклонен народ,
Что крепки советские люди
На страже родимой земли...
Все ближе удары орудий,
И рядом разрывы легли.
И бомбы ударили рядом,
Дом падает, дымом обвит,
И девушка вместе с отрядом
Бесстрашно на помощь спешит.
Пусть рушатся стены и балки,
Кирпич мимо уха свистит,
Ей собственной жизни не жалко,
Чтоб жизнь тех, зарытых, спасти.
Глаза ее грустны и строги,
Горит молодое лицо,
Ей гвозди впиваются в ноги,
И проволок вьется кольцо.
Но сердце ее непреклонно
И каменно сжаты уста,
Из Кировского района
Прекрасная девушка та.
Вот юность — гроза и отрада,
Такую ничто не берет.
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет...

5

Глашатай советского века,
Трибуном он, воином был
На снежных предгорьях Казбека,

Во мраке подпольной борьбы.
Он помнит кровавые, злые,
В огне астраханские дни,
И ночи степные, кривые,
Как сабли сверкали они.
Так сердцем железным и нежным
Осилил он много дорог,
Сражений, просторов безбрежных,
Опасностей, горя, тревог.
Но всей большевистской душою
Любил он громаду громад
Любовью последней, большою —
Большой трудовой Ленинград.
...Но черные дни набежали,
Ударили свистом свинца,
Здесь люди его провожали
Как друга, вождя и отца.
И Киров остался меж ними,
Сражаясь, в работе спеша,
Лишь вспомнят могучее имя —
И мужеством крепнет душа.

6

На улицах рвы, баррикады,
Окопы у самых ворот,
В железных ночах Ленинграда
За город он тихо идет.
И видит: взлетают ракеты,
Пожаров ночная заря,
Там вражьи таятся пикеты,
Немецких зверей лагеря.
Там глухо стучат автоматы,
Там вспышки, как всплески ножа,
Там, тускло мерцая, как латы,
Подбитые танки лежат.
Враг к городу рвется со злобой,
Давай ему дом и уют,
Набей пирогами утробу,
Отдай ему дочку свою.
Оружьем обвешан и страшен,
В награбленных женских мехах,
Он рвется с затоптанных пашен

К огням на твоих очагах.
Но путь преградить супостату
Идет наш народ боевой.
Выходит, сжимая гранату,
Старик на сражение с ордой.
И танки с оснеженной пашни
Уходят, тяжелые, в бой;
«За родину!» — надпись на башне,
И «Киров» — на башне другой.

7

И в ярости злой канонады
Немецкую гробить орду
В железных ночах Ленинграда
На бой ленинградцы идут.
И красное знамя над ними,
Как знамя победы встает.
И Кирова грозное имя
Полки ленинградцев ведет!

1941, ноябрь

СЛОВО О 28 ГВАРДЕЙЦАХ

Безграничное снежное поле,
Ходит ветер, поземкой пыля, —
Это русское наше раздолье,
Это вольная наша земля.
И зовется ль оно Куликовым,
Бородинским зовется ль оно,
Или славой овеяно новой,
Словно знамя опять взметено, —
Все равно — оно кровное наше,
Через сердце горит полосой.
Пусть война на нем косит и пашет
Темным танком и пулей косою,
Но героев не сбить на колени,
Во весь рост они встали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд,
Поле снежное, снежные хлопья
Среди грохота стен огневых,
В одиноком промерзшем окопе
Двадцать восемь гвардейцев родных!

1

Из Казахстана шли бойцы,
Панфилов их привел могучий:
Он бою их учил, как учат
Сынов чапаевцы-отцы.
Учил маневру и удару

Лихих колхозников Талгара,
Казахов из Алма-Ата,
Киргизов и казаков дюжих.
Была учеба не проста:
Кругом бои, пустыня, стужа,
Фашисты рвутся на Москву,
Снега телами устилая, —
Стоит дивизья удалая,
Похожа сила боевая
На тонкой стали тетиву.
Она под опытной рукою
Звенит, натянута, и вдруг
Своей стрелою роковою
Рвет вражьей силы полукруг.

Она, гвардейская Восьмая,
Врага уловки понимает.
Стоит, откуда б он ни лез,
На всех путях наперерез.
И не возьмешь ее охватом,
Не обойдешь ее тайком, —
Как будто место то залято
Огнем, уменьем и штыком.

Герой подтянутый и строгий,
Стоит Панфилов у дороги,
Ему, чапаевцу, видны
В боях окрепшие сыны.
Глядит в обветренные лица,
На поступь твердую полков,
Глаза смеются, он гордится:
«Боец! Он должен быть таков!»

Его боец!.. Пускай атака,
Пусть рукопашная во рву —
Костями поляжет — и, однако,
Врага не пустит на Москву!

2

Окоп. Гвардейцев двадцать восемь.
Сугробов белые ряды.
По горизонту ветер носит
Пожаров дальних черный дым.

Там горе горькое маячит,
Там песен больше не поют,
Там хоронятся, стонут, плачут,
Там подневольный рабский труд.
Стоят в окопе двадцать восемь
Под небом диким и седым,
Глядя, как ветер вдаль уносит
Пожаров долгих горький дым.

И говорит Кужебергенов
Дружку Натарову:

«Иван,
Москвы стоят за нами стены,
Любимый солнцем Казахстан!
Там наши девушки хохочут,
Какие там весною ночи,
Какие в песнях там слова,
Какая там в лугах трава!

Я грузчик. Я простой рабочий.
Я жизнь люблю. Я жил, Иван,
Но дай сейчас две жизни сразу —
Не пожалею их в бою,
Чтоб бить фашистскую заразу
И мстить за родину свою!
Смотри, Иван, на эти дымы
И этот край — наш край любимый!
Он близок сердцу моему, —
Как тяжело сейчас ему!
Стоит на страже под Москвою
Кужебергенов Даниил:
Клянусь своею головою
Сражаться до последних сил!»

И говорит Иван Натаров:
«Я тоже человек не старый,
Я тоже человек прямой —
Боец дивизии Восьмой.
И память — нет, не коротка.
Я помню, как мы ладно жили,
Как мы работали, дружили.
Дни тяжелы у нас пока —
В них тяжесть полного подсумка,
Есть у меня такая думка:

Что мы не посрамям Восьмой,
Не посрамям гвардейской чести,
А час придет — погибнем вместе,
Врага в могилу взяв с собой!»
Окоп. Гвардейцев двадцать восемь.
Здесь каждый вспоминал свое,
Родных, родного неба просинь,
Ее, далекую ее,
Ту девушку, что помнит друга...
Но мысли, сделав четверть круга,
Как сон, что снится наяву,
Все возвращались под Москву.
Сияньем преданности высшей,
Любовью всех окружена,
Она вставала неба выше,
И каждого звала она.
...И тут увидел Добробабин
Меж снежных горok и ухабин
Иную, черную грядку.
«Идут,— сказал,— они идут!»

3

Посланцы ржавой злобы вражьей,
Фашистской детища чумы,
Шли двадцать танков с лязгом тяжким,
Сминая снежные холмы.
Танкист увидел низколобый
Большие белые сугробы,
Окоп, который раздавить
Труда не стоит никакого...

Шли двадцать танков, как быки,
Один другого безобразней,
Из мира каторжной тоски,
Из стран безмолвия и казней.
Шли двадцать танков, как один,
И низколобый паладин
Не об окопе думал ближнем —
О повторении Парижа:
Вино, ночной распутный час,—
Посмотрим, какова Москва там?
И, грохнув, первые гранаты
Порвали гусеницу враз.

На русском поле снежном, чистом
 Плечо к плечу в смертельный миг
 Встал комсомолец с коммунистом
 И непартийный большевик.
 Гвардейцы! Братьев двадцать восемь!
 И с ними вместе верный друг,
 С гранатой руку он заносит —
 Клочков Василий, политрук,
 Он был в бою — в своей стихии...
 Нам — старший брат, врагу — гроза.
 «Он дие, дие, вечно дие», —
 Боец-украинец сказал,
 Что значит: вечно он в работе.
 В том слове правда горяча,
 Он Диевым не только в роте, —
 В полку стал зваться в добрый час.

И вот сейчас Василий Диев
 С бойцами примет смертный бой.
 Он с ними вместе, впереди их
 Перед грохочущей судьбой.

«Ну что тут, танков два десятка,
 На брата меньше чем один», —
 Он говорил не для порядка,
 Он видел подвиг впереди.

Хвала и честь политрукам,
 Ведущим армию к победе,
 В бою, в походе и в беседе
 Сердца бойцов открыты вам.

Пускай цитаты на уме,
 Но правда, правда в самом главном, —
 В живом примере, а пример,
 Живой пример — сей бой неравный!

Тяжелой башни поворот —
 И танк по снегу без дороги,
 Как разъяренный бык, идет,
 Тупой, железный, однорогий.

Не побледнел пред ним боец —
Лишь на висках набухли жилки,
И — однорогому конец:
С горючим падают бутылки.
Прозрачным пламенем одет,
Как бык с разрубленной шеей,
Он издыхает, черный бред,
Пред неприступною траншеей,
На бронебойных пуль удар —
Удары пушек, дым и стоны,
Бутылок звон. И вновь пожар,
И грохот танков ослепленных,
И танки на дыбы встают
И с хрипом кружатся на месте, —
Они от смерти не уйдут,
Они закланы клятвой мести.
Смотри, родная сторона,
Как бьются братьев двадцать восемь!
Смерть удивленно их уносит:
Таких не видела она.
И стих обуглится простой
От раскаленной этой мощи,
Пред этой простотой святой,
Что всяких сложных истин проще.

И слабость моего стиха
Не передаст того, что было.
Но как бы песня ни глуха, —
Она великому служила!

Часы идут. В крови снега.
Гвардеец видит, умирая,
Недвижный, мертвый танк врага
И новый танк, что стал, пылая.

Нет Добробабина уже,
Убит Трофимов и Касаев, —
Но бой кипит на рубеже,
Гвардейский пыл не угасает.
Упал Шемякин и Емцов,
И видит, падая, Петренко:
Среди железных мертвецов
Дымятся новых танков стенки,

Снарядный грохот стон глушит,
И дым течет в снегах рекою,—
Уже четырнадцать машин
Гвардейской сломаны рукою.
И страшный новый гул один,
Не схожий с гулом бьющей стали,
Со снежных стелется равнин,
Идет из самой дальней дали.
И тихий голос в нем звучит:
«Кто, как они, не может биться,—
Пусть тоже подвиги вершит,
Которым можно подивиться».

Героя миги сочтены,
Но в сердце входит гул огромный:
То руки верные страны
В забоях рушат уголь скромный,
То гул неисчислимых стад,
То гул путины небывалой,
То стали льется водопад
В искусной кузнице Урала;
Станиц казахских трактора
Идут в поля с веселым гулом,
Гудит высокая гора
Трубой заводской над аулом.

И слился мирный гул работ
С непревзойденным гулом боя,
Как перекличка двух высот,
Перепоясанных грозою.

6

Глядит Ключков: конец когда же?
И видит в дымном полусне,
Как новых тридцать танков тяжело
Идут, размалывая снег.
И Бондаренко, что когда-то
Ключкова Диевым назвал,
Сказал ему сейчас, как брату,
Смотря в усталые глаза:

«Дай обниму тебя я, Диев!
Одной рукой могу обнять,

Другую пулей враг отметил». —
И политрук ему ответил,
Сказал он:
«Велика Россия,
А некуда нам отступать,
Там, позади, Москва!..»

В окопе
Все обнялись, как с братом брат, —
В окопе снег, и кровь, и копоть,
Соломы тлеющей накат.
Шли тридцать танков, полны злобы,
И видел новый низколобый
Сожженных танков мертвый ряд.
Он стал считать — со счета сбился,
Он видел: этот ряд разбился
О сталь невидимых преград.
Тут нет ни надолб, ни ежей,
Ни рвов, ни мин, ни пушек метких,
И он в своей железной клетке
Не видел одного — людей!
Спеша в Москву на пир богатый,
Навел он пушку, дал он газ, —
И вновь гвардейские гранаты
Порвали гусеницу враз.
И видит немец низколобый:
Встают из снега, как из гроба,
Бойцы в дыму, в крови, в грязи,
Глаза блистают, руки сжаты,
Как будто бы на каждом латы
Из сплава чудного горят.
Летят последние гранаты,
Огонь бутылочный скользит.

Уже вечерняя заря
Румянцем слабым поле метит,
И в тихом сумеречном свете —
Достойно — так же, как и жил, —
Кужебергенов Даниил,
Гранат последнее сцепленье
Последним взрывом разрядив,
Идет на танк, дыша презреньем,
Скрестивши руки на груди,
Как будто хочет грузчик грозный

Схватить быка за черный рог.
С ним вместе гаснет день морозный,
Склонясь у ночи на порог.
...Нет Бондаренко, а Натаров
Лежит в крови, упал Ключков...

Пока все поле в сизом дыме,
Раскрой страницы книги старой
И гвардию большевиков
Сравни с гвардейцами иными.

Увидишь синие каре
Наполеоновой пехоты,
Где офицеры в серебре,
В медвежьих шапках гибнут роты.
Ваграм с убийственным огнем,
И Лейпциг — день железной лавы,
И Ватерлоо в резне кровавой, —
Вам не сравниться с этим днем
Гвардейской русской нашей славы!
Переверни еще листы, —
Увидишь Торрес-Ведрас ты,
Красномундирные колонны
И с пиринейской высоты
Солдат бывалых Веллингтона.
Нет, нет, они дрались не так, —
Чтоб до последнего, чтоб каждый
С неотвратимой силой жаждал
Врага в могилу взять с собой,
Чтоб смерть играла им отбой!
Ни Гинденбурга гренадер
В болотной Фландрии воде,
Ни люди Марны и Вердена, —
Гвардейцы, всех времен вселенной,
Вы не сравнитесь никогда
С советским богатырским парнем!
И нашей гвардии звезда
Всех ваших гвардий лучезарней.
Ну, где у вас такой окоп?
И где такие двадцать восемь?
Здесь танк, уткнувшийся в сугроб,
У мертвецов пощады просит!

Стемнело в поле боевом,
 Лежит израненный Натаров,
 И Диев жадно дышит ртом,
 И шепчет он с последним жаром:
 «Брат, помираем... вспомнят нас
 Когда-нибудь... Поведай нашим,
 Коль будешь жив...»

И звук погас,
 Как гаснет искра среди пашен.

И умер Диев в поле том,
 В родном, широком, белоснежном,
 Где под ночной земли пластом
 Зерно сияло блеском нежным.

Колосья летом зазвенят,—
 Полей колхозная отрада.
 Спи, Диев! Все солдаты спят,
 Когда исполнили, что надо.

Уж выюга поле бороздит,
 Как будто ей в просторе тесно.
 Лежит Натаров, он не спит
 И все же видит сон чудесный:

Как будто с выюгой он летит.
 И голосов полна та выюга.
 То политрук с ним говорит,
 То слышит Даниила-друга.
 А выюга кружит по стране,
 По городам, по селам вьется,
 И, как бывает лишь во сне,
 Он слышит голос полководца:

«Натаров, доблестный стрелок,
 Сейчас лежишь ты, холодея,
 Но ты сражался так, как мог
 Сражаться истинный гвардеец!..»

И плачет радостно Иван,
 И снова с выюгой дальше мчится.
 Он видит яркий Казахстан,
 Хребты, и степи, и станицы.

Он слышит песню, молвит он:
«Полна та песня славы гула,
О ком она?» Он поражен:
О нем поют уста Джамбула.
Поют о двадцати восьми,
Поют о доблести и долге,
И песнь живет между людьми
Над Сыр-Дарьей, Курой, над Волгой.
Он входит в Красную Москву.
Еще не смог он удивиться, —
Как сон исчез, и наяву
Над ним видны родные лица,
Красноармейских шапок ряд,
Бойцы с ним тихо говорят
И перевязывают раны...

А дальше: выюги новый плен,
Но эта выюга белых стен,
Простынь, халатов лазаретных.

И шепчет он рассказ заветный
О всех товарищах своих,
О жизни их, о смерти их,
О силе грозной их ударов...
Сказал — задумался, затих...
Так умер наш Иван Натаров!

8

Нет, героев не сбить на колени,
Во весь рост они стали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд,
Поле снежное, снежные хлопья
Среди грохота стен огневых,
В одиноком промерзшем окопе
Двадцать восемь гвардейцев родных!

1942, март

НОЧЬ В СМОЛЬНОМ

Та ночь была осады ночь глухая,
Простор во тьму зарыт.
И только в Смольном свет, не потухая,
Горел всю ночь, за маскировкой скрыт.
Холодные, пустые коридоры,
Да часовых шаги,
Да карт штабных неторопливый шорох,
А за стеной — тяжелый свист пурги.

Последние часы перед рассветом,
Когда усталость ломит синь висков,
Когда под лампы беспощадным светом
Чернеют жестко строки рапортов,
Где смерть глядит из цифр, встающих круто,
Пожаров дым восходит к небесам,
И хочется тогда хоть на минуту
Закрыть глаза, чтоб отдохнуть глазам.

Но только он закрыл глаза, как ожил
Весь Ленинград и весь прошел пред ним,
На музыку ночной пурги положен,
Окрашен глухо заревом ночным.

Шли улицы с разбитыми домами,
В сугробах до второго этажа,
Тень баррикад и поседевший камень
Ограды, где пробоина свежа.
Шли площади, друг друга обгоняя,
Заводы шли в своем бою ночном,
Где, мертвого товарища сменяя,
Вставал рабочий в цехе ледяном.

Кровь на снегу... Людей суровых лица,
Работающих в страшной тишине,
Людей, чье сердце не устало биться,
Хоть бьется уж с бессмертием наравне;
Шоферов небывалой в мире трассы,
Подводников, ломавших мин капкан,
Советского немыслимого аса,
Что сквозь пургу шел ночью на таран,
И снайпера, что там, в окопной стуже,
Без промаха стрелял в сто первый раз.
Что получил почетное оружие,
И только с жизнью он его отдаст.

И в Смольном люди безо дня и ночи
Ведут работу сутки напролет...
Пурга, хрипя, не нам конец пророчит,—
Она врагу о гибели орет.
Какое имя силе небывалой,
Что перед ней бессилен этот ад
И голода, и стужи, и металла,
Летящего сейчас на Ленинград?
С той осени, когда земля замкнулась
Кольцом огня, чтоб город задушить,
Когда душа под силой бед согнулась
И распрямилась, гибель сокрушив,—
Все знали — он одной лишь клятвой дышит:
Враг не пройдет — обуглится в огне,
Партийной чести нет на свете выше
И воли большевистской нет сильней.

Таких ночей пройдет еще немало,
От них седеет волос на висках...
...Он ехал поздно. Темная стояла
Громада в ночи ледяных тисках.
Над площадью пред ним неизмеримый
Тот Зимний, тот, который в Октябре...
И он не мог проехать просто мимо,
И вышел из машины...

В серебре

Темнел дворец, что возвышался датой,
С которой человечество ведет
Свой новый счет,— в нем Ленинград вожатый,
Шел нашей эры двадцать пятый год.

И в памяти над площадью морозной
Слова блистали, кровью сердца вспенены:
«Пусть осенит вас победоносное
Знамя великого Ленина!»

...Вновь Смольный был тем кораблем, который
Как флагман вел эскадру за собой,
И Жданов шел по гулким коридорам,
Хранившим чуткий фронтовой покой.
Еще по снегу крались ночи тени,
Едва дымилась зимняя заря,
И он вошел в ту комнату, где Ленин
Жил в первый год священный Октября.
Здесь все дышало строгой, мудрой силой,
И даль времен в ночной вернулась мгле,
Как будто только приняла Россия
Декреты те о мире и земле.
И ходоки с Урала, из Сибири,
Закончивши беседу с Ильичем,
Его слова в свои родные шири
Несли в сердцах, где сила бьет ключом.
И увозя с собой заданий груду,
И выслушавши ленинский наказ,
Как будто бы лишь час назад отсюда
Уехал Киров к горцам на Кавказ.

И, возвышаясь над горами тягот
Тех первых дней, тяжелых, как гранит,
Словами, что в основу жизни лягут,
Об Октябре сам Ленин говорит.

И ловят жадно — речь огнем ложится —
Его слова, движение руки
Красногвардейцы с пулковских позиций,
Путиловцы, солдаты, моряки.

Неутомимый, щедрый, добрый гений
Судьбу вселенной здесь определил,
Как верил он — стратег победы Ленин —
В непобедимость большевистских сил.
Отсюда всей земли ему просторы
Открыты были — горному орлу,
И видел он проникновенным взором
Сквозь всей борьбы пороховую мглу.

И, партией бессмертною хранимы,
Прошли народы долгий, грозный путь,
Сквозь беды все, сквозь всех сражений дымы,
Чтоб коммунизма знамя развернуть.

А сколько раз в конце бессонной ночи
Он здесь стоял и думал у окна,
Как Петроград подымется рабочий,
Могучая подымется страна.

Он говорил тогда о петроградцах:
«Всех больше они тяготы несут,
И всюду там, где нужно снова драться,
Не унывают, в битвах не сдают.
И, закаленные, находят снова силы,
Они у нас передовой отряд
И превосходный...»

Так оно и было,
Так рос, и креп, и вырос Ленинград!
И если трудно нынче ленинградцам,
Не легче было в Петрограде том
Ломать врага, без усталости сражаться
Под знаменем, взметенным Октябрем.

...Оконные раздвинуты портьеры,
Восходит солнце. В комнате светло,
А над Невой струится сумрак серый,
В алмазах льда замерзшее стекло.

И Смольный снова поднимает стены
Навстречу бою, как и тот завод,
Где кончены уже ночные смены
И новый танк выходит из ворот.
И Жданов видел в этот час рассвета,
Как Ладогой идут грузовики,
Водители, как в шубу, в лед одеты,
Им от руля не оторвать руки,
Как, всплесками мотора полыхая,
Летит корабль — передний край бомбить,
Как девочка строгаёт, задыхаясь,
Лучину, чтобы печку растопить,
Как тот солдат, кому вручал оружие,
Нажал на спуск в сугробе ледяном —
И сто второй лежит в кровавой луже,
Упав на снег с растерянным лицом,

Как пушкари, орудия громаду
Нацелив, дот разносят на куски,
Как новый день высокий Ленинграда,
Геройский день творят большевики.

Так просыпался новый день сраженья,
Так просыпалась новая заря,
Отметив сердца тайное движенье,
Вставал день двадцать первый января...

Всей правдой большевистскою владея,
Мы в прах сотрем любой вторжение тьмы,
На свете нет и не было сильнее
Вот этой правды. Ею жили мы!

1949

СЕРГО В ГОРАХ

ОТ АВТОРА

Дикие, суровые и вместе с тем полные особого очарования теснины Ассинского ущелья в Ингушетии. Когда в 1936 году весной мне пришлось странствовать в горах Кавказа, собирая материал для фильма о дружбе народов, о гражданской войне на Северном Кавказе, я не мог не пойти по следам героев тех давних дней, не мог не посетить селения в Ассинском ущелье, связанные с борьбой за установление советской власти.

Чем глубже заходил я в горы, тем шире распахивалась передо мной эпопея гражданской войны. Прекрасные образы могучих большевиков — Серго Орджоникидзе и Сергея Мироновича Кирова — снова и снова вставали передо мной в простых, безыскусственных рассказах горцев. Меня пленили высокая человечность и мужество знаменитого героя гражданской войны на Кавказе, славного большевика Серго Орджоникидзе, которого сам Владимир Ильич Ленин послал на юг в качестве Чрезвычайного Комиссара.

Мне хотелось отдать должное доблести и мужеству ингушского народа, яростно защищавшего советскую власть и наносившего удары белым войскам Деникина в трудные годы становления советской власти на Северном Кавказе.

Я тогда же начал писать поэму «Серго в горах». Я писал эту поэму долго. Великая Отечественная война прервала работу над ней. Только в конце 1957 года я окончил ее. Все, что в ней рассказано, — правда. В ней действуют невымышленные люди.

Это поэма о дружбе народов гор, о том, как Великая Октябрьская революция вдохнула в горцев дух революционного подвига, сделав их братьями русских большевиков, сражавшихся за независимость Красного Кавказа, не щадя своей жизни.

Сегодня, когда наша родина находится на небывалом подъеме в строительстве коммунизма, мы вспоминаем первых борцов за дело советской власти, в памяти нашей воскресают дни далеких сражений, и среди самых светлых, вдохновенных имен мы отмечаем имя замечательного сподвижника великого Ленина — смелого, доброго, песенного человека, воина и большевика — Серго Орджоникидзе.

Мой поэтический рассказ о людях и горах создан сам собой:

Тот рассказ сложили горы,
Башни, звезды, облака,
Снег и трав весенних ворох,
Люди, песни и река!

...Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цепь гордых скал явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии.

С. М. Киров

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Слава, горы, вам навеки,
Сердцу гор твоих, Кавказ!

Я хочу о человеке
Передать один рассказ.

Я ходил в ущелье тесном
По тропе простой такой,
По-орлиному отвесной,
Что кружила над рекой.

Эти взлеты, эти спуски
Я с друзьями проходил,
По тропе ведь этой узкой
И Октябрь сюда входил.

Не широкою дорогой,
Раскачав народный вал,
А тропою этой строгой
К сердцу гор Октябрь шагал.

Вижу: лес сгорел по скату,
Сучья черны, как рога,
И над ним огнем заката
Раскаленные снега.

Меж деревьев почернелых
Думал, выйдя на отвес:
Так же прошлое сгорело,
Как угрюмый этот лес.

Я сидел в селеньях малых,
Скал и саклей побратим,
Дым рассказов небывалых
Уходил в очажный дым.

Раз спросили поздним часом
Отдыхавшие друзья:
— Всю ль прошел тропу над Ассой?
— Всю прошел, — ответил я. —

Хороша она, не скрою.
Но она для смелых душ...
— Ты прошел тропой Большою, —
Мне сказал старик ингуш. —

Той тропой, сто лет ей виться
С вольной Ассой наряду
Шел Серго Орджоникидзе
В девятнадцатом году...

Как бы время ни кружило,
Не остыл далекий жар,
И в сердцах у горцев жил он,
Гор любимый комиссар.

И куда бы ни ступала
Здесь нога, но день за днем
Все тебе напоминало
В горном хаосе о нем.

Точно стал неотделим он
От суровых этих скал,
Плыл волной и лунным дымом
И лавиной грохотал.

Шел меж горцев по ущелью,
Шел невидимый для глаз,
И о нем ручьи кипели...
Так сложился мой рассказ.

Тот рассказ сложили горы,
Башни, звезды, облака,
Снег и трав весенних ворох,
Люди, песни и река.

...Есть у старого Таргима
Заповедная скала,
Мчится там Таргима мимо
Асса в пене добела.

В глубине ночного часа,
В знойный полдень между гор
Та клочущая Асса
Помнит милого Серго.

Та скала, что заповедна,
Чьей тропы не обогнуть,
Помнит путь его победный,
Как от сердца к сердцу путь.

На скале на той зеленой
Отдыхал он среди дня,
Здесь в речной воде студеной
Своего поил коня.

Словно Асса мчится в Сунжу,
Сунжа воды в Терек льет,
Песня пенится и кружит,
Мир хвалу ему поет.

Мир гордится человеком,
Вольный мир — широкий дом!
Гром ли бродит над Казбеком,
Или то военный гром,

Иль прокатных станов гулы, —
Он встает изо всего
Все такой же, чуть сутулый,
Грозный, добрый наш Серго.

Мне казалось, что над Ассой,
На вечерней крутизне,
Всадник легкий, темноглазый
Выйдет вдруг навстречу мне.

Сердце вздрогнет не от страха,
И узнаю сразу я
Тонкогривую папаху,
Бурки черные края.

Свет улыбки неизменной,
Острый взор большевика,
И до неба бросит пеной
Асса, горная река.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Растянулся темный, длинный,
Точно духов конных ряд,
За конем Серго в теснины
Отступающий отряд.

Плечи бурками одели,
Пробирает плечи дрожь.
В этой горной канители
Ничего не разберешь.

Что-то в воздухе трепещет
И шуршит над головой,
Где-то в бездне шумно плещет,
Под тропой, совсем кривой.

Мрак стоит перед глазами,
Руку вытяни слегка —
Справа тронешь голый камень,
Слева — пропасть и река.

Проводник трескучий факел
Поднимает выше плеч,
Точно он дыру во мраке
Хочет факелом прожечь.

Вся тропа обледенела,
Хоть сходи на ней с ума,
Факел дымный то и дело
Затухает — снова тьма.

Ослепить их ветер хочет,
Кони падают на льду
Беспощадной этой ночью
В девятнадцатом году.

Верховой трескучий факел
Крутит выше головы,
И тогда встает во мраке
Пропасть в вихрях снеговых.

И навесы ледяные,
Лед сверкает, как живой,
Ключья снега слюдяные,
Щели с мерзлою травой.

Кони с гривой заснеженной
Камни нюхают, стоят,
В горный мир замороженный
Настороженно глядят.

Шагом вновь идут неспешным,
Трензелями лишь звеня.
Факел гаснет. В тьме кромешной
Не видать ушей коня.

Точно в ад тропа уводит,
Оглянуться ли назад —
Там во мраке пламя бродит,
Хутора внизу горят.

Там, в степи, где ветер колкий
Заметает всякий след,
Бродят белые, как волки,
И преграды белым нет.

Там, где Грозный тяжело дышит,
Окровавленный врагом,
Факела зажженных вышек
Освещают степь кругом.

И куда ни кинешь глазом,
Дым пожаров режет глаз,
Нет уже Владикавказа —
Он в плену, Владикавказ.

И Серго с коня не сходит —
Ни объехать, ни свернуть.
Дальше, глубже путь уводит
В горы, в ночь уводит путь.

Но борьба — клинок, который
Можно в круг согнуть и сжать.
Он бойцов уводит в горы,
Чтобы битву продолжать.

Он в борьбе не знает страха,
Надо выждать, чтоб потом
Враз ударить и с размаху
Всем развернутым клинком.

Факел залил мутным светом
В небо вставшую тропу,
Точно в зареве рассветном
В облаков вошли толпу.

Шли по щебню и по плитам,
Где-то на краю земли
В старом хуторе забытом
Переспали, как могли.

А с зарею ноги в стремя,
Круче, выше сторона —
Вдруг открылось перед всеми
Точно продолженье сна:

Вся заставлена холмами,
Котловина залегла,
И сверкала в белой раме
Речка синего стекла.

В тишине уединенья
На блистающих холмах
Всюду высились селенья,
Утонувшие в снегах.

И на этих снежных пашнях
Ни людей, ни малых птиц,
И стояли всюду башни
С черной прорезью бойниц.

В снеговой глухой пустыне,
Видно, вместе жили тут
И отвага, и гордыня,
Бедность, голод, тяжкий труд.

И о чем-то очень древнем
Говорило все вокруг —
Эти башни и деревни,
Как-то найденные вдруг.

Верно, в каменных просторах
Глуше нету уголка,
И над всем вздымались горы,
Упираясь в облака.

В лед и снег была одета
Их литая высота.
И сказал Серго: — Вот это
Превосходные места!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ходит ветер по ущелью,
По ингушской стороне,
Не до сна, не до веселья:
Это снега новоселье
Нависает на стене,

Чтоб слететь громадой снежной
В пыль дымящейся реки
Над селеньями, где брезжут,
Притаившись, огоньки.

Это ветер крутит сучья,
Сосны гнет над крутизной,
Это камни, как в падучей,
Бьют о желоб ледяной.

Это в дымном коридоре
Сквозь буран издалека
Подымает голос горя,
Дикий голос свой река.

То казачьею трубою
Вьюга вторит ей в ночи,
То, как бык перед убоим,
Безысходно замычит.

То свой плеск неукротимый
Бросит в гущу камышей,
Точно плещут побратимы
Пеной каменных ковшей.

Вьюга мчится дальше, выше,
За Таргим и за Хайрах,
Все, что день в степи услышал,
Брякнуть полночью в горах.

И, ударив с поворота
По теснине боковой,
Вьюга входит, как в ворота,
В окна башни неживой.

И о крышу сакли дальней
В причитаньях и в слезах
Разбивает свой печальный,
Свой рассказ, не досказав.

...Комья снежные набрякли,
Дымно дышат небеса,
Умирает в этой сакле
Наш Бутырин, комиссар.

На щеках, худых и синих,
Лег предсмертных складок ряд,
Словно тает желтый иней,
Пятна жаркие горят.

Он не видит стен ковровых,
Ни огня на очаге,
Позабытой песни слово
Бьется жилкой на руке.

И в сознанье полосами
Бродит бреда разнобой,
Воспаленными глазами
Видит поле, видит бой.

По измятой кукурузе
Лошадь мечется одна,
Повода посбились в узел,
Кровью теплы стремяна.

Он в седло заносит ногу,
Все уносит сизый дым,
Над станицей бьют тревогу
Росным утром молодым.

Пуля белая, косая
Ударяет между глаз,
Русский падает, спасая
Красной вольности Кавказ.

Нет, не так упал он — пулей
В сердце врезалась болезнь.
Это почь ли в карауле
Или пир последний здесь...

Ходят роги с пивом старым,
Речи шумные кипят.
Ингуши идут с базара
В бурках праздничных до пят.

Каждый руку жмет, хвалебно
Каждый слово говорит...
А на лбу сухом и бледном
Проступает свет зари.

Это угли, догорая,
Заструнили слабый свет,
Это гаснуть уж пора им
В темной сакли синеве.

Руки ломит от озноба,
Яркий полдень тешит сном:
Офицерских шашек злоба
Закипает за холмом.

Рубят всадников джигиты,
Как столетнюю тоску,
Их папахами забиты
Дула пушек на скаку.

И погон, вплетенных в гривы,
Виснет поща хороша,
И Бутырин молчаливо
Обнимает ингуша.

В стороне Владикавказской
Занимается пожар,
Вот и путь уж стал нетряский,
В щели горные зажат.

Щели каменные сыплют
Снег на скользкую тропу,
Сыплют, сыплют, — в черной сыпи
Прямо в тьму уводит путь.

Руки тянутся к оружию,
Боль идет со дна души,
Ночь круги смыкает туже,
Смутно смотрят ингуши.

Лишь губами шепчут имя,
Слезы блекнут по усам,
Умирает перед ними
Их Бутырин, комиссар.

Завтра утром в яме горной
Похоронят, как отца.
И поставят шест отборный —
Знак высокий храбреца.

А сейчас сидят недвижны,
Всех одна сковала грусть,
Лишь у тех, кто сел поближе
К очагу, светлее ус.

От углей громады звонкой
Лишь блестят острее лиц
Пряжки белые на тонких
Ремешках у ноговиц.

Ножны черные кинжалов
Под черкесок рукавом,
Их рука, немея, сжала
Не в порыве боевом.

Точно легкою водою
Тело слабое плывет,
Разноцветной чередою
Все прошедшее встает.

Думы давят и тревожат,
Передышки не дают:
— Так ли прожил, честно ль прожил
Непростую жизнь свою?

Породнил он эти горы
С полем русским золотым,
Похлебал он вдоволь горя,
Вдоволь видел темноты.

Не жалел себя ни капли,
До конца боролся он...
Точно ветер ходит саклей,
И похоже все на сон.

Вкруг нерусские рубахи
И нерусских глаз слеза —
Чернодымные папахи,
Черноузкие глаза.

Вот они сидят и смотрят,
Смотрят, смотрят ингуши...
— Эй, казаки, справа по три! —
Есаул кричит в тиши.

Подымается Бутырин,
Снега бледного бледней.
Сакли нет — степные шири.
— Все по коням! — Нет коней.

Это мчится снежным строем
Вьюга с визгом между гор.
— Яша, дай тебя укрою, —
Говорит ему Серго.

— Что ты шепчешь? — говорит он. —
Что ты хочешь, дорогой? —
Тихо с губ полузакрытых:
— Это сон, Серго, такой...

Ты скажи им — детям, Поле, —
Что все будет хорошо.
Ты скажи, что был я болен,
В Хевсуретию ушел.

Ты прости, я путь кончаю,
Чуть погреюсь у огня,
Ты, когда их повстречаешь,
Обними их за меня.

Он лежал, уснувший крепко,
И над сном усталых рук
Стыли бронзовые слепки
Горцев, севших в полукруг.

Каждый вспомнил бой вчерашний,
Сердцем вспомнил кунака,
Встал Серго и вышел к башне —
Слезы мерзли на щеках.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

И, не чувствуя ступеней,
Прямо к башне на обрыв
Он прошел неслышной тени,
Там стоял, глаза закрыв.

Где-то псы внизу рычали,
Но стоял он, зубы сжав,
Полон жалости, печали,
В плечи голову вобрав.

Полон нежности и смутной,
Сердце колющей тоски,
Той тоски-тревоги трудной,
Ударяющей в виски.

Мир вокруг не шевельнулся,
Все молчало, но когда
Он открыл глаза, очнулся,
Вьюги не было следа.

От вершины самой дальней
До ручья, где щели дно,
В сумрак легкий и хрустальный
Было все погружено.

Все сместилось, разгораясь
В зеленеющем огне,
Все приблизилось, меняясь,
Словно тени на луне.

Так отчетливы, так близки,
Так жестоко-холодны
Встали ребра обелисков,
Срезы каменной стены.

Зелень лунного сиянья
Доведя до белизны,
Встали льды, искрясь в тумане
На изломах крутизны.

Так, покрыты свежим снегом,
Горы вздыбились волной,
Поднялись над человеком,
Окружили тишиной.

Тишина гнетет и душит,
Холод свой берет разбег.
В этой каменной ловушке
Что ты можешь, человек?

Здесь лишь снега новоселье.
Не пришел ли грозный час?
Ведь до этой снежной щели
Мир твой сузился сейчас?

Так засни в горах чудесных,
Ты устал — дадим покой
Навсегда в глуши безвестной...
Может, жребий твой такой.

Эти горы иссушали
Беспоощадностью своей,
Эти горы искушали
Самой дикой из почей.

И, выдерживая взгляд их
Ледяных, зеленых глаз,
Он почувствовал, как радость
В темном сердце поднялась.

С глубины неизъяснимой
Подымалась сила та,
Пред которой лунным дымом
Отступала высота.

Не отчаяньем дышала —
Воли яростной полна,
Эта сила подымала
Человека, как волна.

Сила тех, кто умирали
На этапах и в боях,
Сила тех, кто побеждали,
Разбивая смерти страх.

Большевистской этой силой,
Волей этой грозовой
Можно сдвинуть горы было
С их границы вековой.

Только воли этой пламя
Пронеслось над тишиной —
Горы стали вновь горами,
И опять луна — луной.

И теперь Серго, конечно,
По-другому видел ночь —
Под обрывом, в шуме вечном
Проносилась Табачочь.

Шум глухой камней гонимых
И ломаемых камней,
В Ассу, вниз летящих мимо,
Сделал сразу ночь живей.

А в засыпанных снегами
Деревушках огоньки
Точно в ночь мигали сами —
Живы горцы-земляки.

Посмотрел Серго по кругу:
Дичь и глушь со всех сторон,
Понял: эту ночь и выюгу
Долго будет помнить он.

Он пошел. Шаги скрипели,
Крепок был колючий наст —
Все же, да, до этой щели
Мир твой сузился сейчас!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Гость сидел в черкеске черной,
Был Серго давно знаком,
Скромно ел чурек наш горный,
Запивая молоком.

Чашку с кислым тем напитком
Он в большой держал руке,
Силы было в нем с избытком,
Хлеб мочил он в молоке.

Сапоги, бешмет и шапка —
Все обычно было в нем,
Дров подбросили охапку —
Он нагнулся над огнем.

Но когда трехногий столик
С угощением унесли,
Встал, прошелся, словно в поле,
Где на три шага земли,

Проследил Серго по карте
Путь Юсупа, весь поход,
Знал Серго его характер,
Знал, что сразу не начнет.

Горец сел, поджавши ноги,
Их черкескою покрыл,
Стал подобранным и строгим
И тогда заговорил.

Он сидел — большой, усатый,
Иногда усы крутил,
Говорил легко и сжато
О немыслимом пути.

Как от Астрахани самой
Под метелью без конца
Шли они степями прямо,
Два товарища-гонца.

Как питались хлебом черствым
С кровью из сожженных губ,
Шел Аскер в Петровск приморский,
В Ингушетию — Юсуп.

Как спасались от погони,
Хитро белых проведя,
Как у них подошли кони,
До Кизляра не дойдя.

Как, похожие на тени,
Съели каши весь казан
В плавнях, всем на удивленье,
У кизлярских партизан.

Партизаны там ловушки
Строят недругам своим.
Обещал им Киров пушку,
Даст — доставим пушку им.

Шли по звездам, путь не новый,
Днем не лезли на рожон
И на палочке кленовой
Нарезали дни ножом.

Смерть в степях сегодня пляшет,
Волчьей стаей вдаль бежит,
Из Одиннадцатой нашей
Много там в степях лежит.

— Как же Кирову живется?
Чем нам может он помочь?
Как живет он, Киров? — Бьется
Против белых день и ночь...

Вести в степь о нем летели,
Шли к Серго со всех сторон,
Сам же Кирова доселе
Не встречал ни разу он.

— Трудно в Астрахани нашим,
Даже в городе враги,
Тут смотри, как с наших башен,
Там смотри и стереги.

Белый ходит очень смело,
Мы их видели в пути,
Говорят, Деникин белым
На Москву велел идти.

А в горах мы с голой грудью...
Как сражаться нам, Серго?
Нам оружия не будет,
Не доставят к нам его.

Наши женщины и дети
Будут белому под нож,
И от малой Ингушетии
Даже камня не найдешь.

Как, Серго, мы будем биться?
Будем сами нападать,
Или нам от боя скрыться?
Долго ль нам победу ждать?

Замолчал Юсуп. В камине
Уголь треснул и замолк,
Где-то далеко в ложбине,
Слышно, выл голодный волк.

Так сидели и молчали
Ингуши, Серго молчал,
Тени стыли, не качались,
Дробно плакала свеча.

При ее спокойном свете
Вдруг припомнилось Серго,
Что поможет при ответе,
Что опора для него.

Как вчера, все это было,
С лишком год тому назад,
Память сердца сохранила
То, что видели глаза.

Удивительная повесть,
Не забудет, пока жив:
Он, Серго, садится в поезд,
Едет к Ленину в Разлив.

Ленин там живет в подполье.
Где? Серго не знает сам...
Темный дом, ночное поле,
Вроде речки полоса.

Женщина приводит сына,
Мальчик к озеру идет,
Все похоже на картину:
Лодка озером плывет.

Берег. Верно, где-то дача.
Тишь, кусты и сеновал.
Сена стог. Кого-то мальчик
Тихим голосом позвал.

Подошел к Серго рабочий —
Был он мальчика отец.
Ну, о всем, о том, о прочем
Объяснились наконец.

И к Серго подходит новый,
Неизвестный человек,
Бритый, смотрит не сурово,
Вместе ходят по траве.

У Серго к нему и слов нет.
На кого же он похож?
По плечу Серго как хлопнет:
«Что, Серго, не узнаешь?»

Я смотрю: ведь Ленин это.
Говорим мы на ходу,
На поляне мало света,
В дом, волнуясь, с ним иду.

Говорю о всем, что срочно,
Неотложных столько дел...
«Ну, Серго, пришел ты точно...
Прямо к ужину поспел».

Выпил чаю я с охоткой,
Стол хозяин нам накрыл,
Черный хлеб у них с селедкой —
Весь их ужин в том и был.

Кончив ужин, молвит Ленин:
«Ну, пойдем же в кабинет».
Вышли. Стог. Зарылись в сено —
Кабинета лучше нет.

Рассказал под шорох сена —
Ночь прекрасная была —
О партийных, о военных,
О рабочих всех делах.

Много дал Ильич ответов.
И сказал: «Пора понять,
Меньшевистские советы
Больше власть не могут взять...

Власть теперь путем восстанья
Можно взять. Не долго ждать...» —
Он сказал без колебанья —
Не из тех он, чтоб гадать.

Помолчал. Вздохнул всей грудью,
Словно вышел на заре:
«И восстанье это будет
В сентябре иль в октябре!»

Для Серго вся ночь звучала,
Точно снова был влюблен.
Сток пред ним сиял, как зала,
От того, что слышал он.

«Только нас расколотили, —
Ленин твердо говорит, —
Месяц-два, восстанье в силе,
Наше дело победит!»

И в ингушской хате бедной
Этот стог сейчас возник,
Голос с силою победной
Вырос в сердце в этот миг.

И Серго воскликнул: — Слушай,
Ты, Юсуп, и все друзья,
Белый волк нас не задушит,
Вам сейчас отвечу я.

Как луна над всем Кавказом
Льет зеленый этот свет,
Так по всем ущельям разом
Партизан идет совет.

В Кабарде и в Дагестане
Горцы так, как мы, сидят,
На Ардоне, на Баксане
Огоньки в горах горят.

Нет, борьба еще винтовки
Заряжает до одной,
Мы ведь только на зимовке,
Мы начнем бои весной!

Пусть Деникин повеленье
Шлет — начать в Москву поход,
Мы селенье за селеньем —
В бой подыдем весь народ.

В горы, белые, в могилы
Пусть идут, себя губя,
Здесь деникинские силы
Мы оттянем на себя.

Мы подтянем пояс туже,
Чтоб кинжал бы не вихлял,
А из Грузии оружие
Будет через перевал.

Как дойдет до самой драки,
Все пойдут в бой зараз:
Горцы, русские, казаки,
Грозный и Владикавказ.

И Одиннадцатой скоро
На Кавказ придут полки,
И деникинскую свору
Разорвем мы на куски.

Так не только с нами горы,
Вся страна — врага ломать,
И победа будет скоро —
Нам уже недолго ждать!

Погибают наши люди,
Как Бутырин наш лихой,
Не мечтаем мы о чуде —
Победим своей рукой!

Встал Юсуп, светясь заботой
И в глазах не пряча блеск:
— Хорошо сказал, Серго, ты,
Дорогой Эрджикинез! ¹

Если русский с горцем смело
Рядом первый раз встают —
То большое это дело,
Первый раз такое тут.

За какое ж дело смело
Подымают вместе труд?
За советской власти дело
В бой, Серго, они идут!

...Было душно в доме малом,
Вышли вместе из сеней,
Ночь как будто легче стала
И на сердце посветлей.

Шли в предутренних туманах
Над селением Гули,
Точно тени великанов
На широкий снег легли.

¹ Э р д ж и к и н е з — черный князь; князь бедняков, черного, простого народа. Так прозвали ингуши Серго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Едет он весенним лесом,
В старых травах, без тропы,
Воздух влажен, ветер весел,
Стали бурыми дубы.

Меж деревьев дали ясны,
Неба прозелень свежа,
На горах, на камне красном,
Пятна снежные лежат.

И, курчавясь, сосны круто
Поднялись до облаков...
Был он фельдшер в Гудаутах,
Врачеватель бедняков.

Кем он не был? Где он не был?
Здесь кавказский небосклон,
Но такое ж видел небо
И в горах Ирана он.

Тегеран освобождали
Революции полки,
И тогда его прозвали
Муштехидом бедняки.

Звать всеведущим хотели.
Все ли сведал в жизни он?
Верно, он от колыбели
Бунтарем был наречен.

Чем казался век угрюмей, —
Веселей Серго дышал,
Знал Серго тюрьму в Сухуми
И Метех в Тбилиси знал.

Знал в тайге якутской ночи,
Степи знал — этапом шел, —
Шлиссельбургский знал он прочный
Царский каменный мешок,

Как бакинский ветер дышит,
Нефть, как кровь земли, гудит.
Шел однажды он Парижем,
Скромный фельдшер-муштехид.

А в тяжелую годину
Ленин вызвал сам его
И послал на Украину,
Личный дав наказ Серго.

Чтоб достать рабочим хлеба,
Не один измерил шлях,
Вот такое ж видел небо
И в украинских полях.

Был в Ростове, был на Волге,
Как в купели из огня,
И на этот путь, на долгий
Оглянулся он с коня.

Шел Кубанью. Теми днями
Мятежей кипел пожар.
Терек он прошел с боями,
Чрезвычайный Комиссар.

На себя теперь взглянул он:
Шапка сбита над виском,
И черкеску затянул он
Тонким, узким пояском.

На себя он снова глянул:
Бурка черная, как тушь,
И под ней кинжала глянец —
Стал совсем теперь ингуш.

Сбрил он волосы густые,
Чтоб затылок был бы гол,
Отрастил усы лихие,
Даже бороду завел.

Не хватает амулета,
Чтоб на шее он лежал...
Едет в мире, полном света.
Лес. Бегут ручьи, дрожа.

Едет он весенним лесом,
Смерть за ним, по мере сил,
Жизнь его Деникин взвесил,
В шесть миллионов оценил,

И за каждым поворотом
Может взвиться залпа дым:
То за ним идет охота —
Только он неуловим.

Он в Чечне, в лесных полянах,
В Ингушетии горах,
То в пещерах Зелимхана,
То на близких хуторах.

То, как вождь ущелий здешних,
Не дает остыть боям,
То он раненых, как фельдшер,
Перевязывает сам.

И сегодня сам хозяин
В доме, где он ночевал,
С заблестевшими глазами,
Показав в окно, сказал:

— Посмотри далеким оком,
Видишь гору, видишь лес,
Князь всех бедных, ясный сокол,
Друг и брат, Эрджикинез!

Там Шамиль стоял на узкой
Тропке, шашкой шевеля.
Мы видали силу русских,
Как и силу Шамиля.

Русских мы вчера русили,
Угнетателей своих,
Русских нынче приютили
Мы, как братьев дорогих.

Русских раненых, недужных
Взяли в дом, чтоб сохранить,
И живем мы с ними дружно,
Помогают нам они.

Нет, не с ними в дни былые
Дрались деды и отцы,
Эти русские — другие,
Это красные бойцы.

Нож на нас точили острый
Люди зла и люди тьмы.
Слово Ленина принес ты —
И другими стали мы.

Наш народ ингушский малый,
Он совсем как сирота...
Не отдаст свои он скалы,
И на шашках клятва та.

Защищая нашу волю
И тебя в тяжелый час,
Он умрет в горах иль в поле,
Он умрет, но не предаст...

И Серго ему ответил
У раскрытого окна:
— Поживем еще на свете,
На дворе уже весна!

Люди жить лишь начинают,
Нам не надо смерть искать,
Пусть враги и умирают,
Нам не надо умирать!..

Едет он весенним лесом,
Где щегол уже запел,
Весь кустарник на отвесах
Побурел, повеселел.

— Надо не жалеть усилий,
Надо раненых собрать,
Надо раненых в Россию
Через Грузию послать.

Закрепили верность кровью,
Их отважней не найти,
Пусть поправятся здоровьем
Для неблизкого пути.

Горцев крепнет оборона,
Мне прислал Шеринов весть,
От Такоева Симона
Из Ардона вести есть.

Есть и вести из Тбилиси,
Есть от Кирова, и мне
Тоже надо с этой высью
Распрощаться по весне.

Здесь получено оружие,
Командиры-старики
О патронах уж не тужат,
Бездорожье им с руки.

А потом, как раз не рано,
Даже будет в самый раз,
Чтоб с Одиннадцатой грянуть
Через степи на Кавказ...

Едет он весенним лесом,
Лес от солнца весь рябой,
Дикий плющ узоры свесил,
Встал подснежник голубой.

А в Тбилиси, за горами,
Верно, зной уже печет.
Зина, скрытая друзьями,
Тайно ждет его приход.

Много там друзей в Тбилиси
Ждут его, и ждет она,
Снятся ей все тропы лисьи,
Скалы, дикая волна.

Друг прекрасный и отважный,
Смелый в самый острый час...
И никто ей не расскажет,
Что он делает сейчас.

Он весенним едет лесом
Посреди своих друзей,
Под светящимся навесом
Перепутанных ветвей.

Группа с ним бойцов отличных,
Храбрых горцев, а его
Принимают, как обычно,
В селах все за своего.

Патриархи эти выси,
А ему лишь тридцать два.
Как далеко ты, Тбилиси,
Как далеко ты, Москва!

Люди горного народа.
Он для них, конечно, свой,
С ними делит он походы
И рискует головой.

За него дает Деникин
Даже золота мешки...
Гром ударил вдруг великий.
Пушка? Выстрел?.. Вкруг смешки.

Вкруг веселое смятение.
Там, где снежная стена,
Прогремель обвал весенний,
Как салют тебе, весна!

Едет он весенним лесом,
В тонкой дымке все вокруг.
Воздух влажен. Ветер весел.
Дятла слышен дальний стук.

Ястреба над лесом реют,
Тает снег, лежать устав,
Огоньки цветов желтеют
На кизиловых кустах.

Царство птичье здесь хлопочет,
Гомон по лесу бежит;
Все иметь свой голос хочет,
Все немолчно говорит.

По траве по изумрудной,
Что бормочет меж камней,
Мчит ручей в дороге трудной
С чистой песенкой своей.

Щебень шелестит по круче,
И скрипит над щебнем ель.
И с отвесных стен стозвучно
Мутно капает капель.

Видно сразу всю долину,
Все живет и все живит,
Подыми сейчас травину —
И она заговорит.

И, туманы переспорив,
Ослепителен и прям,
Первый дождь шумит по взгорью,
Светел, весел и упрям.

Что-то грозное играет
В горном воздухе вокруг,
И Серго коня толкает,
И по склону мчится вдруг.

И под ливня переливы,
Как ответ на крик души,
Все за ним, склонясь на гривы,
Дружно мчатся ингуши.

Точно все летят в атаку,
И в глазах у скакунов
На лету биенье мрака
Вдруг огнем озарено.

Впрямь тут сердце в бездну кинешь,
Чуть привстав на стремях.
Люди быть должны такими ж,
Как она, весна в горах.

Так же шумны и могучи,
Полны высшей доброты
И прямы, как эти кручи,
И с природою на «ты».

Так Серго и думал, мчась
К грому вспененной реки,
Разбивавшей в одночасье
Льда застрявшего куски.

На дыбы коня он поднял
У реки ревущих ям...
К нам пришла весна сегодня,
В наши горные края!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Шел апрель к концу, снимая
Пятна блеклые снегов,
Уж тянуло ветром мая
С горных сладостных лугов.

Горы плавали в тумане,
В жаркий час глухого дня
Над селеньем, на поляне
Два стреножены коня.

Там зеленою метелью
Ель гудела в синеву,
Отдыхал Серго под елью,
Бросив бурку на траву.

Перед ним в кустах крушины
Склоны падали к реке,
Белоснежная вершина
Расплывалась вдалеке.

Сразу думалось о многом,
Что давно ответа ждет.
На лице Юсупа строгом
Он читал следы забот.

На лице его заметна
Уж морщина не одна,
И в усах тяжело-медных
Проступила седина.

Гул реки стал тише, плеще,
И, один сильней его,
Лишь топор стучал у рощи,
Под ногами у Серго.

Русский в ватнике зеленом
Упивался теплым днем,
И топор его каленым,
Синим вспыхивал огнем.

И с восторгом откровенным,
Словно в роще над Окой,
Он рубил самозабвенно
Вдохновенною рукой.

Он не мог остановиться,
И к нему издалека
Вверх с кувшином шла девица
По тропе от родника.

И стоял орел, где слепо
Скалы стыли в полусне,
И, заброшенный под небо,
Ехал всадник по стене.

А внизу, где тропы вились
И петляли кое-как,
Все росли клубочки пыли —
Шел игрушечный ишак.

Шли с ним женщины и дети
На подъем, который крут,
Сразу каждый бы приметил:
Это беженцы идут.

Полдень длил свою дремоту,
Беженцев закрыл откос,
Смолк топор. И с поворота
Ветер песню к ним принес.

Песня дальняя звучала
Все грустней и все светлей,
И казалось им сначала,
Будто слов и нет у ней,

А какой-то золотистый
К ним доносит ветерок
Голос трав и голос листьев,
Что от счастья изнемог.

И, сейчас же отрываясь
От земли, летит душа,
То ли кровью обливаясь,
То ли удалью дыша.

Замирая за уступом,
Песни глуше стал полет,
И сказал Серго Юсупу:
— Это русский тот поет,

Что дрова рубил у рощи. —
И Юсуп сказал в ответ:
— Песни есть сильнее и проще,
Но сердечней русской нет!

Тут Юсуп, как на походе,
Расстегнул кобур: — Взгляни,
Сверху к нам, Серго, подходят,
Я не знаю, кто они...

Посмотрел Серго со склона,
Встав на узенький карниз:
В темном ватнике зеленом
Шел из рощи русский вниз.

Шел он, медленно шагая,
Гор невольный побратим,
Нес дрова. Не отставая,
Шла ингушка вслед за ним.

Тут, зашелестев травою,
Из-за скальных мшистых плит
На поляну вышли двое,
Очень разные на вид.

Был один одет неброско
И в костюм недорогой,
Но в бушлате и матроске,
В черной шапке был другой.

Был хромой он, шел беспечно,
Волочил с травой мешок.
Несомненным был, конечно,
Ингушом его дружок.

Тот, что в старом был бушлате,
На Серго взглянув, сказал:
— Вижу, ты ингуш, приятель,
Как и мой джигит Муса.

По-ингушки я не буду
Объясняться: не горазд... —
Но Серго ему: — Откуда
Вы, моряк, и здесь, в горах?

— Вы, — вскричал моряк, — на славу
Овладели языком!
Рассказать, как начал плавать
Я ингушским моряком?

Про Серго Орджоникидзе
Вы слыхали здесь, друзья? —
Не хотел Серго открыться:
— Да, слыхал немного я...

— Как Серго велел построить
Бронепоездный наш флот,
Поездов всех было трое:
«Богатырь», «Варяг», «Вперед».

Сам я питерский. С Балтфлота.
Я попал на «Богатырь»,
Били белых мы в два счета,
Дашь по цели — и пустыр!

Как по маслу, шли в сраженья.
Полный! — и пошел громить.
Так держать, браток! С умением!
Бортом всем по белым бить!

Ну, а пушки ведь не дышла,
Пропадать им — так в боях,
Что с Одиннадцатой вышло,
Так же знаете, как я.

Как пришло нам дело худо,
Путь отрезан, как ни глянь.
Все братишки тут: «Полундра!»
Все кричат: «Даешь Назрань!»

Чтоб павлин Деникин с войском
Белый хвост не распускал,
Чтоб погибнуть по-геройски,
К ним ворвемся на вокзал.

Ну, даешь «максима» туже,
Сносим все и жжем огнем.
Полный! К белым мы на ужин...
Полный ход и полный гром!

Мы дрались, бронею кроясь,
Шли штыками на таран,
Мы взорвали бронепоезд,
Как пылающий вулкан.

На обломки тьма упала,
Тут нельзя уж погодить,
Нас осталось вроде мало,
Надо было уходить.

И пошли мы маршем скорым,
Не забыв команду дать:
Полный ход, вперед — и в горы.
Так, браток, вот так держать!

Той же ночью на засаду
Мы нарвались на пути,
Ногу мне подшибли гады,
Но успел я в лес уйти.

Как я шел, куда — не знаю,
Где заснул — не помню сам,
Утром встал — не понимаю,
Вижу, шел по небесам.

Подо мной стоят туманы,
Надо мной все крыто льдом,
Вдруг выходят партизаны,
Говорят: кунак, идем!

Вот Муса, вот этот самый,
Дотащил меня к врачу,
И с тех пор братки мы прямо,
Русскому Мусу учу.

И с тех пор сражаюсь снова,
Хромота вот не проста.
Моря горного седого
Моряком я нынче стал.

Волны каменные тешат,
Есть и пена и размах,
Дал команду: нос не вешать,
Полный ход... на стремянах!

Мы с Мусой в бою и дома:
Роем, сеем — тоже труд.
Ваши мне глаза знакомы,
Вас, простите, как зовут?

— Я Серго Орджоникидзе!
— Эй, Муса, ты слышишь, брат?
Так вот может лишь присниться.
Вот так рад я, вот так рад!

Чтоб мне заново родиться,
Снова море обожать,
Буду встречей я гордиться —
Дайте руку вам пожать!

Эх, хотел бы я сродниться
С боевым бы кораблем,
Чтоб «Серго Орджоникидзе»
Было б золотом на нем...

Говорили, руки жали,
После сели на траву.
— Но себя вы не назвали,
Как, товарищ, вас зовут?

— Плавать начал в море рано,
С детства помню бури рев,
А зовут меня Иваном,
Я Иван Богатырев!

Было, мне такое слово
Командир сказал: — А ты,
Раз зовут Богатыревым,
Так иди на «Богатырь»...

Так сидели, говорили,
Как, придя на бивуак,
Воду с хлебом сытно пили,
И курили злой табак.

...А потом тропой косою,
Захватив с травой мешки,
Вниз ушли моряк с Мусою,
Партизанские дружки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

День сиял над всем Кавказом,
Как алмазная дуга,
Даже больно было глазу
Видеть острые снега.

Но напрасно шли, дробились
Волны бирюзы живой,
Точно сумерки спустились
Над Юсупа головой.

Трудно думалось Юсупу:
«Чем же кончится война?
Все зароят в землю трупы,
И придет опять весна.

Жизни без земли не будет,
И без правды жизни нет,
Где найти нам правду, люди?
Пусть Серго дает ответ!»

— Мы терпеть готовы много,
Говорю я, как отцу,
Но чтоб страшная дорога
Шла к хорошему концу.

Правды ждал народ, бывало,
Правду видел только год,
И большой народ, и малый —
Одинаковый народ.

Он с одним на свет рождается,
Он боится одного:
Лишь неправды он боится,
Чтоб не спутала его.

Помнишь, дед сказал в ауле:
«Наш народ — как сирота.
Наши скалы не согнули,
И на шашках клятва та».

Но сражаться бесполезно,
Если нас в обман ввели.
И не должен он исчезнуть,
Наш народ, с лица земли.

Сколько надо крови, боли!
Все отдать за правду рад.
Будет пам земля и воля?
— Будет точно, будет, брат!

Сколько б ни было мучений,
Но смотри, Юсуп, вперед,
Я скажу без поучений:
Выйдет к свету твой народ.

Вон под самым небом пашут —
Урожай же соберут.
Кто хранитель правды нашей?
Люди правду в мир несут.

Тот, что был там рубкой занят,
Пел по-русски чудно так.
Наши братья-партизаны —
Тот Муса и тот моряк.

Правду их в бою не свалишь,
И, по чести говоря,
Да и мы с тобой, товарищ,
Ведь стараемся не зря!

Нам без правды нет победы,
Что без правды белый свет?
Вспомнил ты в ауле деда,
Мудрый был ингушский дед.

Ведь сказал мне, помнишь, просто
Языком своим прямым:
«Слово Ленина принес ты —
И другими стали мы».

Исчезает незаметно
Тот, кто жил собой одним,
А народа жизнь бессмертна,
Что бы ни было бы с ним...

Хороши весною травы,
И таким прекрасным днем
Отдыхаем мы по праву,
И давай, Юсуп, споем.

Песни ведь бессмертны тоже,
По-грузински можешь петь?
— Много дней в Казбеги прожил,
Почему бы не уметь!..

И запели «Чарирами»,
И поплыли голоса
Над рекою, над горами,
Прямо в Грузии леса.

Может, вспомнилась Гореша
В Имеретии холмах,
Край родимый, край утешный,
Дом высокий на столбах.

Мы поем в ущелье хмуром,
Там вода на сладкий зов
Льется в речку Квадауру
Из несчетных родников,

Разве мы туда не можем
Весть послать с другой реки,
Разве песня не похожа
На такие родники?..

Кончил петь Серго и с хода,
Чуть качаясь на весу,
Вдруг сказал без перехода:
— Видишь ты тропу, Юсуп?

Там, внизу, тропа бежала
Вверх по Ассе, чуть видна,
Ей как будто подражала
Ассы хитрая волна.

— Все ж ты трус, Юсуп мой смелый! —
И Серго погладил ус.
В сердце горца потемнело:
— Почему, Серго, я трус?

— Надо раненых отправить,
Надо беженцев спасти,
Всех в Тбилиси переправить,
И другого нет пути.

В Дагестан дороги нету,
Север полностью зажат,
Меньшевистские пикеты
У Казбеги сторожат.

Лишь одной тропой над Ассой...
— Нет, Серго, не выйдет так,
Путь не только что опасен —
Здесь нельзя пройти никак.

Дальше наших нет на страже,
Сам себя лишь береги,
А хевсуры, всякий скажет, —
Наши кровные враги.

Злобу их ничем не смерить,
И тропой, что уж года
Мы зовем тропой смерти,
Не пойду я никогда.

Не из трусости, конечно, —
Потому что зря убьют,
И безумная беспечность —
Путь искать в Тбилиси тут.

Ты во всем ингушском едешь,
С головы до ног открыт,
Он стреляет, как в медведя ж,
От тебя скалой укрыт.

— Почему у вас такая
Здесь с хевсурами вражда?
— Почему вражда — не знаю,
Мы сражаемся всегда.

Если ливни угрожают
Урожаю в их краю,
То они в мешок сажают
И лягушку и змею.

И мешок после обрядов
Тащат в горы в эти дни
И швыряют этих гадов
В нашу сторону они.

— Это рук царизма дело,
Это след его оков,
Он натравливал умело
Бедняков на бедняков.

Кто хевсуров голоднее?
Кто беднее ингушей?
Вы друг другу ведь роднее
Ваших кровью торгашей.

— Да, но как за это взяться?
В Хевсуретье не бывал.
И, Серго, могу признаться:
Я хевсур не убивал.

Люди, знаем, небогаты,
Как и мы, они живут:
Холод, голод и заплаты,
Сеют, пашут, зверя бьют.

— Будет время: станет честью
Вместе кровь за правду лить.
Будем радоваться вместе,
Сообща печаль делить.

— Может быть, все это будет,
Все не так сейчас, пойми,
Той тропой не ходят люди,
Не пройдешь и ты с людьми.

— Нет другой тропы подобной?
— Нет!

— Куда она ведет?
— Я могу сказать подробно:
Там у Ассы поворот.

Как у песни два припева,
В Ассу путь дают волнам
Колотани-цхали — слева
И Архотис — справа там.

За углом хевсур селенье,
Амга — так его зовут,
Там умрешь и без сраженья,
Пулей тайною убьют.

— Трус ты все ж, тропы боишься!
— Это смерть! —

Серго в ответ:
— Злишься ты...

— Не злюсь я...
— Злишься!
— Путь в обвалах. Бродов нет.

— Все понятно, значит, едем!
— Нет, ты шутишь...
— Не шучу!

— Ну, погибнем, как медведи...
— Погибать я не хочу!

— Как там главного хевсура
В том селе зовут, скажи?
Знаешь?

— Знаю: старый, хмурый,
Лишь оружием дорожит.

— Как зовут?

— Зовем мы разно:
Бицика или Бицка.
Он убьет нас — это ясно,
А не он — убьет река.

— Завтра едем! Но смотри же,
Ни полслова никому...

— Я отказывался трижды...

— Все! Отказов не приму.

Завтра едем на пирушку,
Спи спокойно эту ночь...
Мимо нас идет старушка,
Плачет: надо ей помочь...

А старушка причитала:

— Враг пришел со всех сторон,
Все у нас война забрала,
Разоренье всюду, стон.

Крыши нет над вами даже,
Скалы — ваш холодный дом,
Вы одни защита наша,
И без вас мы все умрем.

Наши странники вы божьи,
Не обидься, воин-брат,
Если курицу предложит
Вам старуха Патимат.

Шапку тут Серго надвинул,
Улыбнулся, удивлен.
Пять рублей последних вынул,
Дал старушке в руки он.

Говорил ей не для виду
Благодарности слова:
— Не дадим тебя в обиду,
Будь еще сто лет жива!

И старушки понемногу
Зашуршал под гору шаг...
— Вот и курица в дорогу!
Неплохой, как видишь, знак.

Отдохнули. Песня спета.
Наша цель недалека:
Едем в Пуй — и до рассвета
Едем в гости к Бицика.

Конь шагал уже навстречу,
Знал владельца своего.
— Степью ехать было легче.
Кто поможет нам, Серго?

Тот в ответ: — О чем хлопчешь? —
Сел в седло, стал сразу строг:
— Знаю, что сказать ты хочешь:
Хочешь ты, чтоб бог помог?

Повод тронул он: — Ну что же, —
Усмехнулся краем губ, —
Нам в дороге наш поможет
Большевистский бог, Юсуп!

Поехали!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Под высокой синевою,
Под неведомой стеной
Ранним утром едут двое
Одичавшею тропой.

И от снега водопадов
До камней и трав седых —
Вся ущельная громада
Дышит холодом на них.

Тут всегда в ущелье холод,
Даже в пору летних дней,
Нависает камень голый
Четкой тяжестью своей.

И, сойдясь почти вплотную,
Смотрит вечных скал гряда,
В Ассы воду ледяную
Заглядевшись навсегда.

А вода без перемены
День и ночь летит, вопя,
Кони ставят ногу в пену,
Роют камни и храпят.

Вниз гремят камней обломки
Из-под ног в воде рябой.
Едут всадники. Негромко
Говорят между собой.

И за каждой переправой
В поводу ведут коней,
То налево, то направо
Меж наваленных камней.

И опять тропы обрывок...
Рядом хлещет водопад.
Снова брызги пенной гривы
Гривы конские кропят.

Солнце светит вяло, скупо,
Тени осыпью бегут.
Зоркие глаза Юсупа
Каждый камень стерегут.

Счет потерян переправам,
Валунов в пути не счесть,
Но тропа в камнях, по травам
Все же вьется, все же есть.

Пропадая в смутном гуле,
Снова вынырнув на свет...
Ждал ли он хевсурской пули?
И Серго сказал бы: нет!

Хоть и ехал, насторожен,
Глаз засады не искал,
На московские похожи
Были башни старых скал.

Если б был в Москве хоть час он!
Невозможная мечта.
Где находится сейчас он —
И представить трудно там.

Как он раннею порою,
В мире бродов и вершин,
Пробирается тропою
В удивительной глуши.

А в Сибири, на Алтае
Тоже, верно, едут так,
И в тайге, где снег растаял,
Слышен партизанский шаг.

Ледяною пылью пышет
Взлет стремнины, и над ней
Путь угрюмей все и выше,
Все тесней и все грустней.

Как от дикого похмелья,
Цепенеет голова.
Сколько ехать так ущельем?
Может, год, а может, два.

Камня медленная дрема
Точно гнев родит в реке,
Где-то там аул знакомый
Затерялся вдалеке.

Потеряли представление,
Сколько ехали и шли,
Точно их ведут ступени
На другой конец земли.

Вдруг в разрезах скальных граней
Сразу вспыхнули в простор
Синим сахарным сияньем
Снежки далеких гор.

Всадники безмолвно встали:
Перед ними впереди
Два потока клокотали
И сливались в одни,

Выбегая из-за грозной,
В небо вздыбленной скалы
И кипя сначала розно
Среди влажной полумглы,

А потом, бросаясь разом
В вихрь живого серебра.
Так рождалась в громе Асса —
Горцев вольная сестра.

В буйной радости, без гнева,
Точно в бубен, била в дно,
Все ущелье, что налево,
Было зеленую полно.

И Серго смотрел с улыбкой —
Ассе весело кипеть,
Ехал медленно по зыбкой,
Снова найденной тропе.

Выше светлые играли
Воды пеной на весу...
— Это есть Архотис-цхали,
Нам сюда, — сказал Юсуп. —

Нам теперь направо надо... —
Все лежало здесь в тени,
И в пятнистую прохладу
Леса въехали они.

Въехали в кромешный ворох
Трав, кустов, камней, деревьев,
Рядом сразу шепот, шорох,
Конь застыл, окаменев.

А в кустах затих неловко
Быстрый, тихий разговор,
И Юсуповой винтовки
Щелкнул тотчас же затвор.

Там же, где кусты поменьше,
Увидал, смеясь, Серго
Спины трех хевсурских женщин,
Уходивших от него.

Крикнул. Шли они не скоро,
Но теперь, спасая жизнь,
По горе, роняя хворост,
Врассыпную понеслись.

Забежали уж за скалы.
Снова в чаще тишина.
Лишь одна не убежала,
Задержалась лишь одна.

Точно с челкой золотою,
Смуглолица, не дыша,
Встала тихо над тропою
Леса горного душа.

Над повязкою цветистой
Шла узора бирюза,
И сияли любопытством
Чуть зеленые глаза.

Так стояла в листьев раме,
Что-то думала свое
И пропала за кустами,
Будто не было ее,

С легкой горскою сноровкой
Унося свою красу.
Опустил, вздохнув, винтовку
Даже сумрачный Юсуп.

Сняло смутное волненье,
Оживив лесной покой,
Это мирное виденье
На пороге в мир другой;

В мир, что зеленью расцвечен,
И не мрачен, и не хмур.
И сейчас же им навстречу
Вышел из лесу хевсур.

В легкой обуви старинной,
С колуном в руке простым,
На его рубахе длинной
Были вышиты кресты.

Дровосек чернобородый
Миновать их не спешил,
Оглядел с усмешкой гордой:
Что за новость? Ингуши!

Он, присматриваясь хмуро,
Шаг замедлил нелегко.
И спросил Серго хевсура:
— Амга будет далеко?

— Нет, — сказал хевсур, немного
Удивляясь на него,
И пошел своей дорогой,
Не добавив ничего

И оглядываясь все же:
Нет ли в этом колдовства?
Но вокруг все было то же:
Лес, и камни, и трава.

Кони шли, мотая гривой,
Чуяли конец пути:
За горой, большой, красивой,
Дальше незачем идти.

Как по жесту исполнна,
С поворота — сразу там
Вся Архотская долина
Открывается глазам,

Перевита голубою
Лентой узкою воды.
Встали дружно над водою
Мельниц маленьких ряды.

И поля как будто те же.
И Серго, смотря вокруг,
Вспомнил родину, Горешу
И такой знакомый луг.

Он ведет к родному дому...
Мост, кусты, колючки, пни,
И по берегу крутому
В Амгу въехали они.

Были пусты закоулки,
Всех, как ветром, унесло,
Лишь копыта били гулко,
Будто вымерло село.

Дети выйдут подивиться —
Жмутся стайкою к стене,
Да хевсурских женщин лица
Кое-где мелькнут в окне.

Заблестят глаза и брови,
А подъехал — нет уж их,
Да хевсуры с плоских кровель
Молча смотрят на чужих.

И тогда на всю обитель,
Столь безмолную пока,
Закричал Серго: — Скажите,
Где живет ваш Бицика?

И какой-то парень бравый,
При мече и со щитом,
Отвечал: — Иди направо,
На горе за башней дом.

Где-то камни грохотали
В русле бешеной реки...
Кончен путь. Они стояли
Перед домом Бицики.

Сразу стало жарко в бурках.
Их встречая, на порог
Вышла строгая хевсурка
В синем с головы до ног.

В синей чохе строгих линий,
В темно-синем кушаке
И в кафтане темно-синем,
В синем с золотом платке.

Чоха синяя при этом
Вся в узоре не простом —
На груди горят монеты
Среди вышитых крестов.

Высока и смуглотела,
В первозданной простоте,
Без смущения глядела
На диковинных гостей.

И сказала, как знакомым,
Приглашая скромно в дом:
— Бицики сейчас нет дома,
Бицику с охоты ждем.

И кольца тяжелой нитью
Вспыхнул взмах ее руки.
— Мир вам, путники, входите,
Будьте гости Бицики!

Так светилась древней силой
Краткость этих добрых слов,
Точно все происходило
В век героев и богов.

И, отдав коней, спокойно
За хозяйкою идя,
Так вошли они достойно
В дом хевсурского вождя.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дом оставив незаметно,
В край охот издалика
В сизой мгле передрасветной
Шел горами Бицика.

Шел уверенно, не быстро,
И к восходу вышел он
На висячий серый выступ
И взглянул на небосклон.

Мрак еще лежал в ущелье,
Но проснулась высота,
Зубья все зарозовели
На отвесах Гвелис-мта.

Он увидел, как вставали
Горы цепью ледяной,—
Снег на Арцивис-магали,
Над ингушской стороной.

Заалев хрустальной кручей
В синеве, как бы звеня,
Встал и Тебулос могучий,
Плечи красные подняв.

Синева переходила
В громкозвучную лазурь,
Ахиели где-то было
Далеко теперь, внизу.

Воздух был морозно чуден,
Пахнул снегом и травой,
Бицика вдохнул всей грудью
Этот воздух заревой.

Гор страна пред ним вставала,
В ней, проснувшейся светло,
Все ему принадлежало,
Все от предков перешло.

Все, что здесь перед глазами,
В сердце с юности вросло,
Как и скрытая горами
Амга — вольное село.

Все, что здесь других пугало:
Крутость троп, свирепость рек,
Мрак ущелий, рев обвалов,
Бездна, ветер, камень, снег...

Все ему здесь было мило,
В этом вольном уголку,
Все родной дышало силой,
Непонятной чужаку.

Горы-братья строги, хмуры,
И одежда вся строга,
Полушубок старый, турий,
Джгани на его ногах

Из воловьей мятой кожи,
Лучшей обуви плотней,
Внутрь пучок соломы вложен,
А подошва из ремней.

Солнце встало, ночь сразило,
Все хевсуры солнце чтут,
По-грузински солнце — Мзиа,
Так жену его зовут.

И чего еще искать им?
Силы добрые везде.
Много есть всеильных *хати* —
Мест священных для людей.

Есть святой Георгий смелый,
Он повсюду среди гор,
В Амге свой Георгий — Белый,
Их защитник с давних пор.

Чтоб понять дожди и бури.
Смысл небесного всего.
*Хевисбери и дастури*¹
Существуют для того.

Любит праздников порядок,
Где в серебряных ковшах,
В древнем хати, за оградой,
Пивом пенится душа,

Тут же делит хевисбери
Горки жертвенных хлебов,
Всем тут можно есть без меры
Мясо жареных быков.

Тут и кровь баранов брызнет
В праздничную кутерьму,
Он другой не знает жизни,
Эта нравится ему.

В Новый год веселью тесно,
Всю неделю пьян народ,
В каждый дом приходит вестник,
Чтоб поведать, что нас ждет.

Хевисбери пьет с ним пиво,
Сыплет на голову снег:
Расцветай, живи счастливо,
Старость встретить, как человек!

Надо с сердцем незамерзшим
Жизнь пройти до смертных скал,
Молодые в честь умерших
Скачут; что ж, и он скакал...

¹ *Хевисбери* — жрец и руководитель общины (теми); *дастури* — его помощник.

Коль дела хевсура плохи:
Вышел сена весь запас,
В доме хлеба нет ни крохи
И приходит горький час

Иль несчастье сердце гложет,
Жжет, как черная свеча,
— Помогите, кто чем может, —
Просит он односельчан.

Он дома обходит даже —
Так идет который век, —
Все помогут, — кто откажет! —
Свой же просит человек.

Так живи: заветы предков
Дом и *теми* сторожи,
Бей врага отчизны метко,
Слово данное держи!

Предков чтить завет положен,
Друга ты не предавай,
Смелым будь и добрым тоже,
Зла соседу не желай.

Враг пришел — все вместе встали
За свободу сел своих;
Ведь хевсуры век не знали
Ни господ, ни крепостных.

Так на выступе отвесном
Думал, сидя, Бицика,
В легком мире поднебесном
Мысли шли, как облака.

Там сегодня за горами,
Знает он, идет война.
Чьими все-таки руками
Та война разожжена?

Ходит мертвыми домами...
Еще много в мире зла,
Хорошо б война свой пламень
В горы к нам не принесла!

Хоть суровый воин с виду
Бицика-мечтатель, все ж
В сны он верит, только сны-то...
Не всегда их разберешь.

Лишь вчера во сне приснился
Всадник: конь неукротим,
Над рекою проносился,
Молния вилась над ним.

Сон тревожный, но не грустный
Ощущал он всей душой:
Легкий всадник темноусый —
Это к радости большой.

И сейчас, как в детстве раннем,
Когда был совсем уж мал,
Он о Миндии сказанье
Близко к сердцу принимал —

О хевсуре справедливом,
Храбреце-богатыре,
Что познал язык на диво
Птиц, растений и зверей.

Кто-то слух недавно поднял
И пустил такую весть,
Будто Миндия сегодня
Вновь в горах явился здесь.

Вновь хевсурам он поможет,
К свету им врата открыв,
Только видеть его может
Тот, кто смел и справедлив.

Бицики правдиво слово,
Сила есть в его руке,
Если б встретить бы такого
Человека Бицике!

День сегодня необычный,
Сон ведь в руку может быть,
Рядом бродит гость отличный,
С ним бы вместе тура бить...

Где-то камни, точно в ступе,
Камнепад о скалы бил.
Встал охотник на уступе,
Щеки ветер холодил.

И взглянул он первым делом
На скалу, где камень бур,
Где была могила Мгелы,
Предка древнего хевсур.

Шапку сняв, лицом к вершине,
Он молился божеству
За семью, за путь свой длинный,
За своих коров в хлеву,

За преуспеянье дома,
Хевсуретии своей.
Точно колокол знакомый,
Прозвенел среди полей,

За охоты этой счастье,
За Архотис берега,
Бицика родному хати
Турьи обещал рога.

Кончив все свои моленья,
Землю он поцеловал,
Встал с колен и легче тени
Пересек большой завал.

Так, невидим и неслышен,
Прижимаясь к стене,
По горе скользил все выше,
Растворившись в тишине.

На тончайших скал отроге,
На лазурном поле дня,
Светло-серый, круторогий
Тур стоял, рога подняв.

И смотрел он равнодушно
В пропасть, стывшую у ног,
Бицике же стало душно,
Он сдержался, сколько мог.

Но уже неуловимо
Тур утес перемахнул,
Точно стал комочком дыма,
В серых скалах потонул.

Появился. Снова сгинул.
Точно из скалы седой
Вырос, встал, рога раскинул,
Тряс широкой бородой.

Так играл, как бы нарочно
Завлекая Бицику
В черный шифер скал непрочных,
Где гибель смельчаку.

Но ходил не хуже тура
Бицика — и вышел он
Через старый снег и хмурый
К сланцу черному на склон.

Здесь, вжимаясь в камень колкий,
Ждал с винтовкой у плеча —
Шли отвесной, узкой полкой
Два козла-бородача.

И за ними шли турицы;
Надо ж быть беде такой:
Плитам сланца обвалиться
Под охотника ногой.

Загудели в пропасть плиты,
Туров мигом след простыл.
Бицика пошел открыто,
Не теряя высоты.

И когда сторожевого
Тура вновь увидел он,
Под скалу свернул он снова —
К черным скалам на рожон.

Тут по круче невылазной
Он под гребнем проскользнул
И над бездной безобразной
Руку к краю протянул.

Захватился, подтянулся,
Вылез, отдышался, лег;
Туров ряд теперь тянулся
Так, что всех он видеть мог.

Он уж слышал топот строгий,
Бег больших, тяжелых тел.
Вдруг передний круторогий
Тур высокий засвистел.

И они помчались сразу,
Бег направив под утес,
Он вскочил, прикинул глазом
И прицел свой перенес.

Гулкий выстрел в скалах бахнул,
Тур, осиливший карниз,
На утес взлетел с размаху
И скатился шумно вниз.

Но не сразу Бицика мог
К туру мертвому дойти:
Не было дороги прямо,
Лишь в обрывах проползти.

И, ползя, он видел ясно,
Как над скалами плыла,
Все снижаясь не напрасно,
Тень ягнятника-орла.

Ободравшийся не даром,
Шел к утесу Бицика,
Там сидел ягнятник старый,
Опемев, как истукан.

Бицика, вставая рядом,
Снова не взводил курка,
Замахнулся он прикладом,
На свирепого дружка.

Но орел не принял боя
И, шипя и клекоча,
Рухнул в небо голубое,
С камня, черного плеча.

Кровь здесь камни окропила.
Тур, летевший в высоту,—
Пуля грудь ему пробила,—
Так и умер на лету.

И лежал, как зверь крылатый.
Бицика же так смотрел,
Точно смелого собрата
В поединке одолел.

И чего-то ждал при этом,
Точно вдруг из-за камней
Выйдет Миндия с приветом,
Друг мечтаний детских дней.

А на дальних скал отроге
Новый тур в лазури дня,
Светло-серый, круторогий,
Снова встал, рога подняв...

...Перед Амгой от знакомых
Он услышал: поспеши,
Для тебя есть новость дома,
В доме гости-ингуши!

— Ингушам зачем я нужен,
Где их путь я пересек,
Не пойдешь на них с оружием,
Гость — священный человек.

И за что Георгий мучит,
Что прислал ко мне врагов,
Разве хати не получит
Тура нового рогов?

Если этой жертвы мало,
Подарю ему быка,—
Так в свой дом, ворча устало,
Возвратился Бицика.

Гости ждут. Часы проходят,
Делать нечего пока,
Раз в охотничьем походе
Пропадает Бицика.

В джгани, в полушубке турьем,
Точно из других времен,
Брови длинные нахмутив,
Наконец явился он.

Темнолицый, светлоокий,
Длинноусый, видно, злой,
Не хевсур долин далеких —
Запорожец удалой.

Так Серго подумал тут же:
Славно скроен, крепкотел.
Бицика же, сняв оружие,
На гостей своих смотрел.

Он смотрел открытым взглядом,
Очень резким вместе с тем,
Даже был как будто рад он
Слову доброму гостей.

И на то, что гости в черном,
Не глядел хозяин паш,
И за ним они покорно
На второй взошли этаж.

У окна на лавку сели,
По-грузински говорят,
Видят гости, в самом деле
У хевсура дом богат.

И при малом освещенье
Сразу виден целый клад:
И медвежьи и оленье
Шкуры в комнате лежат.

И запас бересты длинной —
Вместо свеч горит она.
И в ларях резных старинных
Много есть еще зерна.

Привозной ковер настенный,
А в углу палас цветной,
Черный шкаф, в родстве почтенном
С самой темной стариной,

Там хурджин с узором алым,
Там горит кусок парчи,
На стене блестят кинжалы,
Ружья, старые мечи.

Полки с глиняной посудой,
Полки — с медной, сундуки,
И на них тулупы грудой —
Дом богат у Бицики.

И хозяин дома снова
Поприветствовал гостей,
Терпеливо ждал их слова,
Полон выдумкой своей.

Кто их знает? Может статься,
Тут какой-то тайны знак,
Настоящие важкаци¹
Приезжают тоже так.

Видно, что они не трусы,
Не поймет он, почему
Скромный горец черноусый
Так вот нравится ему.

А другой, видать, не бедный:
Шапка больно хороша,
В нем, и по усам заметно,
Что-то есть от ингуша.

Черноусый молвит горец:
— Мы грузины, Бицика,
Приключилось с нами горе,
Мы идем издалека.

Мы в дороге обносились,
Что имели на руках —
И последнего лишились,
Нас ограбили в горах.

¹ В а ж к а ц и — витязь, благородный воин (груз.).

Но нашлись и люди-братья,
Мы пришлись им по душе —
Нам достали это платье,
Чтоб сойти за ингушей.

Мимо твоего селенья
Не могло нам быть пути,
Нам сейчас без промедленья
Надо в Грузию пройти.

— Издалека ль вы идете?
— Из Москвы идем самой.
Мы в одной сейчас заботе —
Поскорей попасть домой...

Тихим глазом их окинул
Бицика: — Таким словам
Надо верить! Вы грузины!
Я, как братьям, верю вам!

И хоть дальний горный житель,
Но узнать хочу сейчас,
Почему, вы мне скажите,
Там война была у вас?

Шла, все больше свирепая,
Крови вспучилась река?
— Все скажу сейчас тебе я,
Наш товарищ Бицика.

Точно горы распахнулись
Перед взорами Серго,
А просторы покачнулись
И упали на него.

Пламя, к облакам взлетая,
Опускалось до травы.
Стало слышно до Китая,
Стало видно до Москвы.

От последней в поле хаты
До дворцов в броне оград
Шли в сраженья не солдаты —
Жизнь боролась, как солдат.

И ее слова, проникнув
В речи пламенной земли,
Разъяренных масс и вихрей,
В дом хевсурский вдруг вошли.

И Серго на самом деле
Объяснял, чем жизнь полна,
Человеку из ущелья,
Чем земля потрясена.

Шла, неправду разрушая,
Зло смывая, как волна,
И сейчас идет большая,
Справедливая война.

Чтоб бедняк бы самый малый
Мог быть первым из людей,
Чтоб земля принадлежала
Тем, кто трудится на ней.

Чтоб рабочих угнетатель
Не держал бы в кабале,
Вот за что идет, приятель,
Та война на всей земле.

Силу золота и власти
Уничтожить мы должны,
Чтоб искали б в жизни счастья
Мира нового сыны.

Вековое сбросив горе,
Человек в расцвете сил
Чтоб к горе, к земле и к морю
Не по-рабски приходил.

Чтоб не тропы в Хевсуретию,
А дороги пролегли,
Чтобы всех народов дети
Дружбу всех к тебе несли.

Чтоб о всех героях славных
Говорили здесь они,
Пели песни среди равных,
На вершинах жгли огни.

Ты не слышишь здесь орудий,
У тебя здесь тишина,
День и ночь там бьются люди,
Вот какая там война!..

— Брат грузин, судьбой мне данный,
С ними был, борьбу ведя?
— Мы сражались неустанно,
Жизни нашей не щадя,

Слово дав свободным людям
Не сдаваться, не прощать,
Вся земля пока не будет
Жизнью новою дышать!

Бицика вскочил: — Так ты же
Всадник с молнией, мой сон,
Ты сказал, как будто выжег
Звездным словом небосклон.

Ты дышал, как ветер свежий,
Так просторно стало мне,
Ингуши, скажи, на чьей же
Там дерутся стороне?

— Встав за дело справедливых!
Знаешь ты, ингуш не трус!..
Бицика смотрел пытливо
На Юсупа медный ус.

— Как же тех зовут, кто водит
В бой народные полки?
— Есть такие там в народе,
Их зовут большевики!

— Большевик твой спутник тоже?
— Дать тебе ответ прямой?
— Отвечать ты прямо должен.
— Это брат названный мой!

— Ты же Миндия, который
Появился снова здесь,
Ты пришел к нам снова в горы
И принес большую весть.

То-то в нашей Хевсуретии
Слух уж ходит по горам:
Новый Миндия на свете
Свет приносит братский нам.

— Бицика, ты муж и воин, —
Тут Серго сказал ему, —
И оружие родовое —
Подтверждение тому.

— Род наш, вольностью рожденный,
Защищать себя умел, —
Отвечал хевсур, польщенный. —
Вот свидетель прошлых дел:

Пистолет — *дамбача* — редкий,
Рядом *дашна* — меч висит,
Плоский шлем с железной сеткой,
Наш железный круглый щит.

В зубьях кольца боевые,
Ружей старых целый ряд,
На кольчуге, как живые,
Кольца гибкие дрожат.

Тут потрогать вещь любую —
Как войти в сраженья дым.
И Серго сказал, любуясь
Этим кладом родовым:

— Здесь как будто все бывшее
Предо мной воскрешено,
Тихо дремлет на покое
В доме храброго оно!

В этом доме вместе с нами
Встретишь новую зарю.
А сейчас прими на память —
Свой наган тебе дарю!

Бицика добрел порою,
Мысли делались легки:
— Брат, поверь, что мне, не скрою,
Нравятся большевики!

Бицика перекрестился,
Трижды обнял он Серго:
— Сон недаром мне приснился,
Я как пьяный от него...

Чашки с водкою ячменной
Мзиа тихо принесла
И, раздав гостям, степенно
Встала молча у стола.

Все сидели, твердо зная,
Как обычай дедов строг,
При гостях жену хозяин
Звать по имени не мог.

И не Мзиа, а *диац* —
Женщина — он так сказал:
— Можно только удивляться:
*Кви́реа*¹ гостей послал!

Предложил гостям лепешки,
Сыр, и масло, и чеснок,
Эх, малы с ячменной плоски,
Тут не жалко выпить рог!

Хочешь ты в Тбилиси ехать,
Дорогой, сердечный брат,
Снег сегодня не помеха,
Вот зимой снега лежат...

Точно пахарь буря пашет,
И лавин летает гром,
Все грузины — братья наши,
И любимые притом.

Мне твои по сердцу речи,
Отдохните от пути,
Мяса турьего под вечер
Наедемся, как хотим.

Сам я вас еще до света
Провожу на перевал,
Ну, а дальше до Душета
Нет ни пропастей, ни скал...

¹ К в и р е а — высшее божество в хевсурских верованиях.

Но Серго, ведя беседу,
Объяснил, что речь идет
Не о том, что двое едут:
Есть в горах еще народ.

Надо всех, кто болен, ранен
Иль, как беженец, раздет,
Пропустить без задержаний
Через Амгу — на Душет.

Им двоим вернуться надо,
Путь проверив над рекой...

Бицика сказал: — Преграды
Нет больше никакой.

Всем скажи в горах, важкаци,
Нашим кто пойдет путем:
Ничего пусть не боятся —
В Амге встретят мир и дом.

Эй, днаци, где ж арака?
Дай еще нам отхлебнуть...
Но сказал Серго: — Однако
Нам пора в обратный путь.

— Тропы все тебе открою,
Всадник сна в моей судьбе,
Молния над головою,
Всюду путь открыт тебе!

Мир пройдешь, куда захочешь,
Все твои дороги, все,
Звездный дождь хевсурской ночью,
Миндия — во всей красе!

Двое встали, как по знаку,
Улыбаясь слегка:
— Мы поехали, однако,
Ну, спасибо, Бицика!

Встали оба, в путь готовы,
Бицика шел впереди:
— Приходи с друзьями снова,
Скоро праздник, приходи!

И опять светло и строго
Мэиа вышла на порог
И стояла на пороге
В синем с головы до ног.

В синей чохе строгих линий,
В темно-синем кушаке
И в кафтане темно-синем,
В синем с золотом платке.

И глаза ее светились
Синей влажностью такой,
Точно заново раскрылись,
Заглянувши в мир другой,

В мир широкий и победный,
Где дышалось так легко,
Где не Миндия легенды,
А простой шагал Серго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Амга скрылась за горою,
И друзья в обратный путь
Вышли вместе с Бицикою,
Чтоб на север повернуть.

И под говор речки гулкой,
Выбирая, где ровней,
Шли втроем, как на прогулке,
В поводу ведя коней.

Амга где-то уж за кручей,
Амга кончилась уже.
Был Серго слегка задумчив,
А Юсуп настороже.

Начинал уж сном казаться
Бицике весь день его —
Настоящие важкаци
Были в доме у него.

Над зеленою лощиной,
Старожил хевсурских мест,
По горе пастух в овчине
Им спешил наперерез.

Весь в поту и весь всклокочен,
Задыхаясь и крича,
Но в движеньях все же точен,
Он винтовку снял с плеча

И нацелился в идущих,
Подбежав почти к реке.
— Отойди! Дай целить лучше! —
Закричал он Бицике.

— Ингуши идут. Проклятье!
Отодвинься, Бицика!
— Стой, грузины это, братья!
Стой же, не стреляй пока!

Бицика пошел поспешно
К пастуху...
— Пастух хорош! —
Тут Юсуп сказал с усмешкой:
— Зазеваешься — умрешь!

А винтовкой, словно палкой,
Все размахивал пастух
И в словесной перепалке
Отпускал проклятья вслух.

И пошел потом, хромая,
По горе наперерез,
Но не вниз, кусты ломая,
А к вершине он полез.

Бицика вернулся гордый,
Что опасность устранил:
— Тот пастух — упрямец твердый,
Только лишь одно твердил.

Был обманут вашим видом,
Вы же в черном до ушей,
Вспомнил старую обиду,
Злость свою на ингушей.

Говорил я с ним пристойно,
Знает он характер мой,
Ехать можете спокойно,
Он пошел уже домой...

Бицика тут, словно мальчик,
Задержал коня Серго
И совсем уже иначе
Молвил, тихо, нелегко:

— Я не знаю, как словами
Выражают сердца грусть,
Я проститься должен с вами.
Ты вернешься?

— Я вернусь!

— Будешь у своих ты к ночи,
Кто твой путь прервать бы мог?
Ты пойдешь, куда ты хочешь,
Ты — хозяин всех дорог!

За отвеса первой глыбой
Обнялись. В руке — рука.
— Ну, за все тебе спасибо!..
— Жду! — им крикнул Бицика.

Оборачивались снова.
Как оживших скал привет,
Все стоял хевсур суровый
И смотрел им долго вслед.

Лесом шли Серго с Юсупом,
Пробирались по траве,
Вышли к дикому уступу,
Где сливались речки две.

Там явилась в плесках белых
Асса с грохотом своим,
Заплясала и запела,
Точно радовалась им.

Вот знакомая поляна,
Отдыхали где в тени,
Лишь сегодня утром рано
Проезжали тут они.

Все вдруг стало непохоже,
Изменилась сторона,
Даже Асса, Асса тоже —
Вся другая и она.

Человечней, что ли, стала
Беспощадная река,
Дикость скальная пропала,
Стала вдруг тропа легка.

Веселей, теплей и краше
Все ущелье, как во сне...
— О поездке в Амгу нашей,
Что, Юсуп, ты скажешь мне?

— Я, Серго, бы так ответил,
До конца твердил бы дней:
Всех богов, что есть на свете,
Большевистский бог сильнее!

— Видишь вот, а ты не верил,
Все глядел на небеса.
Мы же люди, а не звери —
Можем делать чудеса.

Ты сказал: тропою смерти
Мы поедем, так держись...
Вот приедем, скажем: верьте —
На тропе повсюду — жизнь!

— Пастуха забыл, который
Застрелить меня хотел?
— Ну, о нем какие споры,
Он сегодня не у дел!

В разговоре путь их ожил,
Но сказал Серго: — Дружок,
Поспешим давай мы все же,
Отдых наш еще далек!..

Водопады их кропили,
В переправах без числа
Кони грудью пену били,
Но тропа друзей вела.

Кто их видел, кто их слышал?
Тени той тропы былой.
Шли все дальше, глубже, тише
И — пропали за скалой!

...Я иду за ними следом.
Асса пенная гремит,
И тропа, ей страх неведом,
Пенной Ассе говорит:

«Исчезает незаметно
Тот, кто жил собой одним,
А народа жизнь бессмертна,
Что бы ни было бы с ним.

Даже в самом горьком горе
Он в душе своей несет
Все, что есть в его просторе,
Даже снег родных высот,

Даже пену речки малой
В маленьком ущелье том,
Где герой в отвесных скалах
Защищал родимый дом.

И об этом песни пели,
Говорили люди мне,
Свет из малого ущелья
Виден ныне всей стране!»

Слушал тропы я и реки.
— Слава им! — скажу опять.
И рассказ о человеке
Мне хотелось передать.

Тот рассказ сложили горы,
Башни, звезды, облака,
Снег и трав весенних ворох,
Люди, песни и река!

1939—1957

МЫС ДОНДРА

Вот оно — дыханье океана,
Вот он сам над берегом навис,
Бьет волна, взлетая пеной рваной,
Самый дальний, самый южный мыс!

И по черным валунам стекает
Струйками прозрачного огня,
Снежный блеск горит и не сгорает
В гривах волн, бегущих на меня.

Кроны пальм в неистовом наклоне,
Шаг еще — и в небо полетят,
Тьму веков волна шипит и стонет,
На песке горячем шелестя.

Предо мной, как в сновиденье странном
Волнами изложены, черны,
На песке лежат катамараны,
Старые рыбацкие челны,

Неизвестной северу породы,
Но родной тропическим волнам,
На таких ходили мореходы,
Когда молод был еще Адам.

Я смотрю на паруса и сети,
Даль уходит в голубой туман,
А вокруг коричневые дети
В свой родной играют океан.

Скатов волокут и осьминогов,
И медуз, и маленьких акул,
В этом детстве, первобытно строгом,
Вместо песен — океана гул.

За рыбачьим за поселком малым,
Вместо сказок — джунгли залегли,
Где слоны как аспидные скалы,
Где цветы как дикий сон земли.

Древних царств там призраки маячат,
Там вихары, храмы, города,
Зеленую замытые... Там скачут
Обезьян крикливые стада.

И сегодня на заре суровой
Весь Цейлон — чудес земных гора,
Как давно потерянный и снова
Людам уж не возвращенный рай.

Уж не лечь под пальмою беспечно,
Погрузившись в сладостный покой,
Жизнь сурова в джунглях человеческих,
Так же как и в джунглях за рекой.

Я пришел в горячий полдень душный
На истертый, каменный карниз,
На мысу стою я самом южном,
Дондра называют этот мыс.

Я стою на грани необычной,
Шум земли — он отошел, погас,
Слышу голос дали безграничной,
Океана вольного рассказ.

Тот рассказ в свою пустыню манит,
Где ни птицы нет, ни корабля,
Если плыть на юг, какая встанет
Первая навстречу мне земля?

— Будешь плыть сквозь бури и в тумане,
Месяцами будешь плыть, пока
Не зажжет полярное сиянье
Черных бездн у льдов материка.

А потом в шуршании зловещем
Гор плавающих встанет в сизой мгле
Берег Правды. Красный флаг заплещет
Над поселком Мирным на скале.

Вечный холод, вечное безмолвье,
Как пустыни белой белый гнев,—
Снег, что в пыль тончайшую размолот,—
Взмыт пургой и мчит осатанев.

Точно дух земли обледенелой
В диком горе воет не со зла,
Той земли оплакивает тело,
Что зеленой некогда была.

Мчится он все яростней, все круче,
Много дней в крутящей тьме пройдет,
Прежде чем, неистовством измучен,
Он в бессилье навзничь упадет.

В тишине безжизненной, бесплодной,
Вновь лежит бескровная страна,
Вся тоской голодной и холодной,
Точно судорогой, сведена.

И над ней магнитной бури шквалы
В молниях невидимых, огне
Убивают радиосигналы
В ледяной небесной глубине.

Станные увидеть можно вещи
Надо льдов прибрежной полосой:
Айсберги, поднявшись в небо, блещут
Призрака причудливой красой.

По ночам полярные сиянья
В черном небе водят хоровод,
Краски, как живые изваянья,
Словно небо красками поет.

Люди же в полярных одеяньях
Здесь проходят лыжами скользя,
Темные глубины мирозданья
По хозяйски в книги занося.

Дуя на озябнувшие руки,
Входят в теплый, скромный свой чертог
Смелые водители науки,
Ледяных водители дорог,

Летчики немыслимestей трассы,
И радисты сказочных широт,
И для них, с полночным этим часом,
Как и дома, отдых настает.

С края света шлют до края света,
С антарктидских ледовитых плит,
К Северному полюсу приветы,
Где на льдине станция стоит.

Строгие на станции порядки,
Те порядки Арктикой зовут,
Там прочтут зимовщики в палатке,
Как на Южном полюсе живут.

И летит дорогою условной
Их ответ в далекий южный дом;
«Шлем привет. Сегодня мы в Верховный
Выборы на льдине проведем!»

...Марта день шестнадцатый сегодня,
Океан сияет, как стекло,
И глаза я к горизонту поднял —
Дальней птицы вспыхнуло крыло.

Ну конечно, нынче воскресенье...
Я невольно вспомнил в этот час:
В Антарктиде новый день весенний,
День пришел и в Арктику сейчас.

Пальмы веерами надо мною,
И брамин, он худ, высок и прям,
Над травой поросшею стеною
Плачется, жалея мертвый храм.

Кто ж его разрушил? Португальцы,
Лет уже четыреста назад...
И жреца слабеющие пальцы,
Как веками, четками шуршат.

Паруса над зыбью вод маячат,
Полон день заботы и трудов,
На мысу быют палками рыбачки
Волокно кокосовых плодов.

Сеть плетут — она прочней нейлона,
Не по тропам в пальмовом саду.
Я иду уже не по Цейлону —
Я страной советскою иду.

Мартовской землею сине-черной,
По снегам, где лыжню провожу,
С горцем я иду тропою горной,
С лесорубом лесом прохожу.

Я иду песками и торцами,
Прохожу великою Москвой,
Над Невой — заводами, дворцами,
Антарктидой, Арктикой живой.

Вижу облик родины красивой,
Сильной, доброй, радостной, большой,
Имена я вижу справедливых,
Смелых, честных сердцем и душой.

Имена строителей, героев,
Партии большие имена,
И людей обычного покроя,
Чьи дела приветствует страна.

Выбирает их в Совет Верховный
Тот народ, какого нет мудрей,
И народного доверья волны
Выше волн построенных морей.

В Ленинграде в бюллетене встанет
Имя многим ясное без слов —
Бригадир монтажников «Светланы»,
Ленинградка с невских берегов.

В Арктике, на станции, на льдине,
В Антарктиде, в «Мирном» в этот день
Рады Емельянцева Галине,
Что в полярный входит бюллетень.

На Неве, и в Арктике погожей,
Антарктиды белой на краю,
С ней мое соседит имя тоже,
Я же у экватора стою...

Я стою на мысе Дондра старом,
И за мной вся жизнь стоит моя,
Этот мыс не случай, не подарок,
Должен был его увидеть я.

И к нему пришла моя дорога,
Как судьба он входит в этот стих,
Я изведаль в жизни слишком много,
Слишком много — хватит на двоих.

Испытанья щедро отпуская,
Время щедро и на дней размах,
Жажда жизни как вода морская...
Соль ее доныне на губах.

И за право жить в эпохе славной
Жизнью я своей не дорожил,
И о том, что было в жизни главным,
Я, как мог, стихами говорил.

Видел я в пути своем такое,
Что не дай вам бог и увидеть,
Я не знал, что значит жить в покое,
От дорог далеких отдыхать.

Некогда в Октябрьский вечер, в ветер
Начат революции поход,
Хорошо с ней странствовать на свете,
С ней дышать и с ней идти вперед!

И со мной на этот остров ныне
Все пришли, пославшие меня,
Люди поля, города, пустыни,
Дела мира близкая родня.

Дело мира нас соединило
И меня послало на Цейлон,
Над планетой атомная сила
Взрывами слепила небосклон.

Знали все, что дальше это значит!
Кто тогда, шагая по гробам,
Гибель человечества оплачет,
Как брамин, оплакивавший храм?

Саван смерти атомной не ляжет,
По земле из края в край скользя,
Все народы бодрствуют на страже,
Есть у мира сильные друзья!

Март стоял. Теплей светило солнце.
В Азии шафрановую даль
Вез я мира премию цейлонцу,
Золотую с Лениным медаль.

И у сына древнего Цейлона
Заблестели тихие глаза,
Когда он, поднявшись словно с трона,
Ту медаль народу показал.

И лицо у каждого светилось,
Хлопали, смотрели не дыша,
Точно вдруг, сияя, приоткрылась
Азии неведомой душа!

...Мир огромный, в думы погруженный,
Красноземный, бледно-голубой,
Вечный гул он слышит волн взметенных,
Вечный шорох джунглей над собой.

В темных чащах звери колобродят,
Птицы не поют — свистят, кричат,
Буйволы в воде зеленой бродят,
Розовые лотосы едят.

Бабочки в пятнистых тенях тают,
И стоит задумавшийся слон,
Утки из Сибири прилетают
Каждый год погреться на Цейлон.

Стоит крикнуть в этой знойной шири,
И услышу я издалека
Вместе с криком уток из Сибири
Шумный вздох — то трактор ЧЗК.

Он пришел расчистить эти чащи,
Он идет, вздыхая и ворча,
Он идет — помощник настоящий
Тех, что рубят прошлое с плеча.

Знаю, что коричневые дети
Вырастут и жизни океан,
Самый лучший океан на свете,
Будет им во всем величье дан.

И я знаю также, поздно ль, рано ль,
В дружбы честь, могу вообразить,
Что гигантские катамараны
Будут нашу Волгу бороздить...

...Нынче вечер поздний под Москвою,
Тень сосны как синева кулис.
Мыс возник за этой синевой —
Дондра называют этот мыс.

Солнце там заходит в океане,
В небе дождь струится золотой,
В теплом, легком, призрачном тумане
Ночь идет, вдыхая трав настой.

Уж гремят зеленые лягушки,
Гимном ночи потрясая лес,
Им цикады вторят на опушке,
Славят ночь, как чудо из чудес.

Где уснули хижины рыбачьи,
Спит в песке катамаранов ряд,
Ртутным блеском пену обозначив,
Волны потемневшие кипят.

Точно ветер раздувает пламя,
Искрами неснившейся красы —
Светляки несчетными рядами
Над алмазной россыпью росы.

И луна выходит из тумана,
В океане ртутный блеск дрожит,
Где-то там, у лунного вулкана,
Вымпел наш с гербом страны лежит.

В Антарктиде воет вихорь व्युжный,
В Арктике трещит тяжелый лед,
Спутник наш, вокруг земли он кружит —
Счет кругам невиданным ведет.

И планета, можно ей гордиться,
Человек советский сделал сам —
В глубине безумной мира мчится
К новым солнцам, к новым небесам.

Сосны — пальмы! Правда, вы похожи,
Ваши кроны с пальмами сродни,
И гудят, как раковины, тоже,
Засыпают тоже, как они.

Спите, сосны! В нашей роще стройной
Ночь стоит и смотрит сверху вниз,
Спи же, Допдра, засыпай спокойно,
Самый дальний, самый южный мыс!

1959, сентябрь — декабрь

ПЕРЕВОДЫ

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

* * *

Коль умру — похороните
Вы меня в могиле
На кургане, над простором
Украины милой,
Чтоб поля необозримы,
Чтобы Днепр и кручи
Было видно, было слышно,
Как ревет ревучий.

Как помчит он с Украины
Прямо в сине-море
Кровь всех ворогов, — тогда я
И поля и горы —
Все покину, в небо ринусь, —
К божьему порогу
Помолиться. А до тех пор
Я не знаю бога.

Схоронив меня, вставайте,
Цепи разорвите
И злодейской вражьей кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, помяните
Добрым, тихим словом.

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

ВЕЧНО В ДОСПЕХАХ

От жадности татар изнемогая
И под ярмом персидским исступлен,
Он даже спал, кольчуги не снимая,
И за столом — в стальной рубашке он.

Сто раз по нем турецкого аскера
Меч ударял, и на челе рубцы —
Свидетели, какой тяжелой мерой,
Победу взяв, он воздвигал дворцы.

И, возвращаясь после жаркой сечи,
Лишь холодом кольчуги освежен,
Весь начеку, вобрав, как ястреб, плечи,
Ждал: всюду враг в засаде затаен.

Пахал ли он, у лоз менял тростины,
Работал ли, иль пировал, когда
Справлял обычай милый и старинный,
Свой щит и меч с собой носил всегда.

Язык и веру многие сменили,
Лишь он один всей верностью крылат,
Он строил храм — в кольчуге плечи были,
Писал о тигре книгу в блеске лат.

От жадности татар изнемогая
И под ярмом персидским исступлен,
Он даже спал, кольчуги не снимая,
И за столом — в стальной рубашке он.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

ВСЕ ПЕСНИ

Песнь каждая свое нам говорит.
Песнь каждая о новом петъ хотела б,
Песнь каждая нам возвратить спешит,
Что память позабыть успела.

В иной — весна и дышит месяц роз,
Душа в краях необычайных дышит,
В иной — февраль к нам дикий вихрь принес,
Стучит всю ночь железный лист на крыше.

В иной — поток бушует, клокоча,
До твоего явившийся рожденья,
В иной же — дидубийская свеча,
Что в детстве видел ты иль в сновиденье.

Иная песнь напомним сладко мать,
Кинжал отца, черкески боевые,
И гор Абастумана благодать,
И Сагурамо осени цветные.

Песнь каждая свое нам говорит,
Песнь каждая поет нам с новой силой,
И в каждой песне милой образ скрыт,
Тот, что когда-то сердце позабыло.

Но, милая, с тех пор, как ты со мной,
Моя подруга, дней моих бесценность,
Все песни мне твердят лишь об одной,
Лишь о тебе, любовь моя и верность!

КАРЛО КАЛАДЗЕ

СКАЖУТ ОБО МНЕ...

Скажут обо мне: ему не повезло,
Война ударила неожиданно, как морозы,
Он ветку тополя войне срезал назло,
Чтоб укрепить тем утром росным лозы.

И, веткой тополя те лозы укрепя,
Он видел в ней своей надежды память —
И, ласковый, оставил он тебя,
Красавица с сиявшими глазами.

Скажут обо мне: потерян парень наш,
Пять лет промчалось, как виденье,
Но все я перенес, все, чем страшна война,
Вернулся я и вздрогнул от волненья.

Я знаю сам, чем стал для нашего села,
И шумно детвора, меня узнав, встречала,
Я был лишь удивлен, что ветка проросла
И тополем над лозами стояла.

Откуда сила ветке прорасти?

И жизнь ее мне сердце подымает,
О женщина — та ветка неспроста,
Кроме тебя, о том никто не знает.

Об этом вслух, о нет, не говорят,
Но я хочу, чтоб ветка мне сказала:
Объятья лоз ей дали тот наряд
Или твоя рука ее ласкала.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

КНИГЕ «НОСЯЩИЙ ТИГРОВУЮ ШКУРУ»

Я целую листы твои,
Пью их взорами жадными,
Ты — не книга, дрожание
Тонких пен водопадное.

Ты — не книга, ты — знамя нам,
Сад с росой золотою
Или неизносимое
Ты крыло стиховое.

Ты — не книга, ты — утро нам,
Свет народного пламени,
В корнях сердца положена,
В самом сердце чеканена.

На каком великановом
Создавалась столе ты,
Чтобы сердцу грузинскому
Так сиять на столетья?

Тебя пишут чернилами,
Вместо слов — света россыпи.
А печатают — оттиски
Покрываются розами.

Ты одна в ночь светила нам,
Вековую, отчаянную,
Все сокровища отняли —
Ты же непохищаема.

Ты скрывалась от гибели
Не во мраке нетающем,
В крыльях орлиих прядая,
В пепле хижин блистаючи.

Тебя жгли — пламенела ты,
И в огне не сгоравшая,
И тебя не развеяли
Бихри, лесом игравшие.
На мечах написала ты
Знаки чести упорные:
«Лучше пасть, но со славою,
Чем влачить дни позорные».
Книга! Шла пред народом ты,
В рог бессмертья трубящая.
Руставели писал тебя,
Кудри, славой звенящие.
С ним писал блеск зари тебя,
Гул обвала, как замертво,
Нес орел перо лучшее,
Тигр-соратник — пергаменты.
Твое сердце, как молодость,
Никогда не состарится.
Песня, утром пропетая,
Семь веков уже славится.
Ты промчись, златокрылая,
Все края мира радуя!
Ты — приданое матери,
Меч и щит моих прадедов.

ПОЭТУ

Лишь тебе это скажет страна твоя:
Ты пустой мечтой жизнь растягивал,
Брала ль пляски рог — ты плясать не мог,
Шел ли песни вал — не подтягивал.

Твое время есть повесть юности,
Что ж твой стих умолк, словно раненый?
Стих и юность — их разделить нельзя,
Их одним чеканом чеканили.

Если ж сердце в песке схоронил сполна,
Вся трава стиха в нем задохнется —
Есть примета одна: это юность — она,
Как надетый шлем, не шелохнется.

Мы прекраснейшим только то зовем,
Что созревшей силой отмечено:
Виноград стеной, иль река весной,
Или нив налив, или женщина.

За грядущий день отвечаешь ты,
Пуля в пулю — так слово всаживай!
Позабыт на сегодня любой поэт,
В мраке слов погребенный заживо.

Все, что дышит сейчас на путях земли,
Все, что жизни живой присуще:
Облаков ли мыс, человек и лист —
Ждут улыбки стихов цветущей.

И в стихи твои просится рев, грозя —
Десять тысяч рек в ожидании.
Стих и юность — их разделить нельзя,
Их одним чеканом чеканили.

ИОСИФ ИОНЕШВИЛИ

ОСЕННЯЯ НОЧЬ В КАХЕТИИ

Ночь поднялась
Над горной грядою,
В тьму опрокинув корзину алмазов,
Старый Сигнахи
Встал тамадою,
Ширь озирая сверкающим глазом.

Словно проносится
Ласточек стая.
Тонко шуршат алазанские травы,
И серебрится
Гомбор крутая,
Грива лесов на камнях величавых.

Юноши дают
Сок виноградный,
Свет золотистый в марани струится,
Горло не жаждет
Маджари отрадного,
Тихою песней жаждет напиться.

Грузные арбы
Тянутся с лязгом,
Сладок богатого дух урожая,
Звездные четки
Висят над Кавказом,
Как в зеркалах, в ледниках
отражаясь.

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

МОЯ ПЕСНЯ

Иной хранит розу, красotka, твою,
Иной золотую парчу иль скуфью,
Портрет чей-нибудь, над ним шепчет:
«Люблю», —
Каждый имеет любовь свою.

Письмо, над которым лишь слезы льют,
Кольцо ли, что пламени льет струю,
Сережки ли в сладкой тени, как в раю, —
Каждый имеет любовь свою.

Локон ли, клад ли в далеком краю,
Правду ль, добытую им в бою,
Вещь ли, прославившую семью, —
Каждый имеет любовь свою.

Тебя обожая, отчизна, пою,
Ни с чем я не схожую песнь отдаю,
Сердце в огне, и огня не таю,
Каждый имеет любовь свою.

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

СБЫЛАСЬ МЕЧТА ПОЭТОВ

Ованесу Туманяну

Хоть вовсе о прошлом не думал ты тут,
Оно оживет на мгновенье,
И вот из ущелья, ты видишь, идут
Навстречу могучие тени.

Я вижу твою седину, Ованес,
Ожившую в вечер румяный,
Биенье бездонного сердца и блеск
Улыбки в волненье Севана.

Исчез, как мечтали, раздор вековой,
Брат брата не губит войною,
И тот, кто вчера был пастух кочевой,
Сегодня он правит строною.

Народы Кавказа в единстве живут,
Поют они песни иначе,
В стране нашей мирный господствует труд,
Ануш твоя больше не плачет.

Пришли мы как братья, и каждый мечтал
Сказать про единство поэтов
Тебе, кто впервые об этом писал, —
И песню продолжить про это.

Ты сладость лорийского меда впитал
В свое неповторное слово,
И тот, кто, прозрев от тебя, не признал
Тебя, пусть ослепнет он снова.

Ты знаменем дружбы, сказать без прикрас,
Быть должен под родины небом,
Ты ожил сегодня вторично для нас,
Хоть мертвым для нас ты и не был.

И ржавчине времени не переестъ
Цепь дружбы сердечной и новой,
Незримый хозяин в Армении, здесь
Прими наше братское слово!

СИМОН ЧИКОВАНИ

ВЕЧЕР ЗАСТАЕТ У ХАХМАТ

Вот уж на тропах видим — хевсуры.
Значит, в предгорьях конец пути,
Завтра возьмем мы хребет темно-бурый,
Легче сказать о нем, чем перейти.

Вечер навстречу — идем, нахмурясь,
Усталость качает, шли дотемна,
В Хахматах стали, у Аладаури,
Кудиа будет хозяин наш.

Плоская крыша. Овчины горою.
Хахматы! Водкой полощем рот...
Об этом гнездовье древнем героев
Достойную Кудиа речь ведет.

Хвтисо зовут одного, и Хвтисо
Кличут другого, и третий еще
Хвтисо сидит, и в леса выси
Солище уносит румянец щек.

И, от людей как бы отпрянув,
Утесы взвились — столбовики,
Только кружит тропа неустанно
К камню громкому дикой реки.

Кудиа, шрамами битв темнея,
О замке хахматском поведает быль,
Пустынна крепость, в ней и над нею
Лишь раскаленная тишь да пыль.

Кудиа дружески спрашивать будет:
«Как со скотом у вас, как покос?»
К нам, из долины пришедшим людям,
Он обращает тихий вопрос:

«Как шофером хочу быть, смогу ли?»
Сердце мое никак не легло
К косности сельской, к дикости... Пули,
Меч — вот они опекали село.

Путает сумрак деревни, осыпи...
Лишь в опадающей в тьму крутизне
Луч застревает в плече утеса,
Словно стрелы отбитый конец.

Подумайте, Кудиа кинуть жаждет
Лесами обвитые гор бока.
Выйти из облака горных стражей
В автомобильные облака.

Мчаться долинами... Судьба любая
Этой трущобной все ж веселей.
Знает ли город, бушующая, сияя,
Какая по нем тоска на селе?

Как еще темны эти выси,
За душу держит гор закон.
«Ты о шофере? — скажет Хвтисо. —
В Хахматах что будет делать он?»

«Лягут дороги по Хевсуретии —
Как по-иному дела пойдут,
Мы перед свежей жизнью в ответе», —
Кудиа молвит Хвтисо тут.

«Там, у реки, поставим школу,
Листы газетные развернем,
Святыни не впрок нам, войдем в веселый
Военно-грузинской дороги гром».

Но Хвтисо третий на это слово
Грозно поблескивал из-под бровей,
Словно смущенный волнением новым,
Слово метнул нам, серпа кривей:

«Что вы стараетесь понапрасну?»
Поднял меч — сейчас же вниз,
Кудиа удалый отвел опасность, —
Хвтисо, все трое, опомнились.

«Это же гости. Мужи, как Важа,
Они о хевсурах сложат песнь...»
И взяли мы роги и пили важно,
И здравицам слов не хватало здесь.

И первый Хвтисо и Хвтисо двое
Пили за нас, мы пили, клянясь
Союзом гор и долин травой,
И пели песни, объединясь.

Птичьим гнездом село висело,
Вдаль устремив над пропастью взор,
И, бормоча о глуши без предела,
С мечом и щитом сидел шофер.

Тьма поглотила скалы, ставни,
Рукам своим волю дряхлым дав,
Тупо река колотила камни,
Замыслы Кудиа угадав.

В сон нас влекло осторожный, турий,
Спало село, как одна семья.
Тихо сказал нам Аладаури:
«А все-таки буду шофером я!»

КТО СКАЗАЛ...

Кто сказал, как будто бы мала
Моя отчизна, Картли дорогая,
Что словно малый диск она легла,
Кто выдумал: мала земля родная?

А ну, поставь-ка скалы сверху скал,
В их серебре, в туманной пене,
Орлиных крыльев шелест у виска
Послушай-ка и трубный крик оленей.

И крепостей на всех вершинах мощь
Измерь-ка мастера глазами,
Все собери ты краски наших рощ.
Их в тьме времен уже сиявший пламень.

Измерь-ка крылья ураганов гор,
Ущельями зажатых и ревущих.
Измерь-ка рек клокочущий костер
И копыа льда, вонзившиеся в тучи...

Кто сказал, что будто бы мала
Моя отчизна, Картли дорогая,
Что словно малый диск она легла.
Кто выдумал: мала земля родная?

САНДРО ШАНШАШВИЛИ

КАХЕТИНСКАЯ НЕВЕСТА

Желтым садом промелькнула,
В платье пестром — щеки рдели,
Виноградные две кисти
Смутной ласкою теплели.
Утомлена негой неба...
Побледнев в любовном хмеле,
Не бежит, смущаясь страсти,
Всюду сеть ее веселья.
Ты запутан, перепутан,
С ней и все же не у цели.
Лаской неба, кто б ты ни был,
Ты дышал — улыбки пели.

Раз, когда в часы заката
Светит солнце небогато,
Листья мокрые лохматы,
Белый страх в горах нападал, —
В платье новом, чернобровой,
Фруктов ей сложили башню,
Виноградный столб лиловый;
Трон украсили домашний,
Постарались повсюду
Грозди пышные развесить.
Родники забили скоро,
Как щербет и нектар вместе,
Не сегодня, так уж завтра
Будет суженый к невесте.

Улыбается невеста,
Как гранат уста пылают,
В яблок щек костер чудесный.
«Ах, чья буду я?» — вздыхает.
И в глазах, как в черных лозах,
Пробегают страсть глухая.

Желто-ясно, темно-красно,
По кувшинам вино бродит.
Гонджа-шут при всем народе,
Не стесняясь, колобродит.
Вот он, с воротом раскрытым
Пред невестой ковыляя.
Здесь девицу хороводит,
Там другую задевает.
Бурдюком вина качает,
Пьян с утра он, не скучая.
— Скачет к нам зятек всесильный, —
Сазандари забренчали.

Берут роги с полки пыльной,
В погребах ток вин обильный,
Бык поляжет, коз — туда же,
Живность вокруг обильно били.
Кто занялся очагами,
Кто же скатертью предлинной,
Кто нанизывал шашлыки,
Кто пек хлеб в печи старинной.
В этот полдень совершится
Свадьбы праздник многочинный.
Ожиданья полны лица,
Суеты не без причины.

Хочет девушка, чтоб ожил
Каждый в пляске и за чашей,
Кисею с себя срывает,
Той легчайшей сетью машет,
«Давлури», — гремит ей Гонджа,
В бубен бьет, пред нею пляшет.
«Приезжай, зятек, скорее,
Мчи коня, что ветра краше,
Все кругом благоухает,
В розах роз невеста наша».

Но темнеет вдруг невеста —
Что сулит ей счатъе это!
Брошен юноша весенний,
Что тоскует бесприветно.
На лугах они любили,
Где цветы полны пыланьем.
Где, в глаза ее целуя,
Он гордился их сияньем.
За чужого, неродного
Выйдет замуж, косу спрячет —
В мыслях юношу целует,
И прощается, и плачет.

Свита свадебная входит.
Шашлыком, вином встречают.
Вот берет жених невесту
И в объятья заключает.
На ковре, цветами тканном,
Пир шумящий не в начале,
Песни ходят за стаканом,
Тамада же своенравен.
Но сменить — закона нету,
В том никто ему не равен,
Пьяны гости, пьяны наши
И, в серебряной оправе
Бросив рог, из сальных чашек
Пьют веселия во славе.

Водят сонными глазами:
Заалели горы буры,
Бел туман над Алазанью,
Над травой холодной, хмурой.
Ветер веет с гор высоких
Меж гостей, ковров и бурок.
Дремлют эти — посмотри-ка,
Дружек часть совсем уснула.
Но неистовые пьют все,
Их с вином обходит кула.
Чианур поет им песни.
Не дыши — и среди гула
Ты хвалу заре услышишь,
Что день новый развернула,

Гонджа, схожий с светлой тучей,
Встал у дуба он сутуло,
Утомлен он и измучен,
Муки все заря вернула.
Исцелить мученья где бы?
Незаметно для шумящих
Пред лицом он плачет неба.
Что за слезы? Отчего бы?
Он обижен? На кого же?
Ту единственную тайну
Лишь один хранить он может —
Смех отныне потерял он,
Пыл цветов веселых — тоже,
Для свирели ж — только осень,
Что тоской невнятной гложет.

ПАОЛО ЯШВИЛИ

ДЕБЕДАЧАЙСКАЯ НОЧЬ

Лунные крылья
С медленной силой
Ночь переплыли
Звезд родниками.
Все, что увидели, ртутью покрыли,
Лес полуночный, воду и камень.

Тяжки, шершавы,
Листья дубравы
Гнулись бесславно,
Ветви ж сияли.
Вся безглагольной грозой дышала
Та тишина, где уступы вставали.

Все прошумело
В блеск онемелый,
Три раза пел уж
Петух одичало.
Сон еще властвовал, теплый и смелый,
Над берегами Дебедачая.

Дремой согретый,
Так незаметно
Я до рассвета
Лежал, не вздыхая,
Между друзей, на стоянке заветной,
Между охотников, что отдыхали.

В том созерцанье,
Похожем на мчанье
Света, в молчанье
Вскочил я, не веря:
Дочкой хозяйскою, юной турчанкой
Встречу рассвету распахнуты двери.

Встретясь глазами,
Сердцем я замер.
Битва, сказал бы,
Так же пьяняща.
Рыбой сверкнув в водопадное пламя,
Снова легла на циновке шуршащей.

Делать мне что же?
Мир если ожил
Песенкой, схожей
Лишь с колыбельной.
Крикнул я спящему лагерю с дрожью:
«Утро, товарищи, бросьте постели!»

АВЕТИК ИСААКЯН

* * *

Эй, отчизна-джан, как прекрасна ты,
Горы твои в море шелка огни,
Воды как мед, и ветры как мед,
Дети твои — в море крови они.

За тебя умереть всегда готов,
Ах, на что мне одна эта жизнь моя,—
Мне б тысячу жизней и еще одну —
От сердца всего все бы отдал я.

Я тысячу жизней отдам тебе
За горе твое, за детей твоих —
Одну только жизнь оставляю себе
И ту, чтобы славу твою воспеть.

Чтоб песне парить, дав волю крылу,
На заре твоей новой, отчизна-джан,
Чтобы звонко и сладко петть хвалу
Юной жизни твоей, отчизна-джап...

КОЛОКОЛ СВОБОДЫ

Свободы колокол, звучи звончей,
С Кавказских гордых, ледяных вершин,
Пусть как гроза почей и горячей
Всех молний звон к Масису долетит.

Неутолимой мстью, мятежом
И яркой силой слова прозвучи —
И о союзе братском, боевом
Народов вольных прозвени в ночи.

С гор в хижину, из горной щели в щель,
Из сердца в сердце твой призыв летит,
Восстание пусть будет наша цель,
Твой голос вечно пусть о том гремит.

Все души непокорные в полет —
Все в колокол свободы бейте враз,
Пускай рука у вас не устаёт,
Чтоб слышал весь, чтоб слышал весь Кавказ.

Ты, колокол, греми, от сна веков
Буди Казбек, буди Масис седой,
Орел, взмахни крылами широко,
Лев, гривой тряхни над крутизной.

Довольно жить рабами и цепей
Позор нести, мы жить хотим людьми,
Расплавить цепи дай огонь скорей,
Дай силу нам, о мести нам греми.

Рычи, зови и зовом мрак руби,
В поля, где смерть, и слава, и борьба,
В трубу войны священной нам труби,
На бой с насильем пусть зовет труба!

К свободы солнцу, золоту души,
Ты, звон победный, песней поплыви,
С Кавказских гор бесчисленных вершин
На праздник братства всех нас созови!

АНТАНАС ВЕНЦЛОВА

В ГОРАХ ЗА КИРОВАБАДОМ

Все выше в горы мчались мы,
Асфальт дорог синел,
Между камней темнее тьмы
Кружася в вышине.

Сквозь сон коричневой руды,
Чьи жилы длинные тверды.

Сквозь лес, чьи синие листы
Мерцанье меди льют,
К чертям слетим мы с высоты,
Казалось, в пропасть тут.

Нас горный дух хранил в горах,
Вино крепчало в погребах.

А где кустарник в скалах лег,
Висел чабаний крик,
Баранов двигался поток
По гребню напрямик.

Пред нами плыл библейский вид,
Раскрылись гор хребты,
По разноцветью мшистых плит
Баранов шли гурты.

Исчезло солнце. Дождь и мгла,
Сползавшая в обрыв...
Чадра туманная легла,
Закрыв черты горы.

Но вдруг костер пахнул дымком,
Углей алмазный звон,
И вот баран уж под ножом,
Уже без шкуры он.

Вино из бочек смол густей,
С колхозного двора,
Так угощай, чабан, гостей —
Далеко до утра!

Ты угощал героев в час
Великих, грозных сеч, —
Как друг, встречаешь нынче нас
На древнем месте встреч.

И шашлыки шипят вокруг,
Трещит углей оскал,
И губы ветра сдули вдруг
Туман с кремнистых скал.

И кажется, что с чабаном
Любой из нас давно знаком.

Ходила чаша вокруг стола,
Хоть не было стола,
Но в честь товарищей хвала
По кругу шла и шла.

Вновь солнце нам улыбку шлет,
Горя на весь простор,
Мы жили, как один народ —
Кировабадских гор.

И нам казалось, что мы все
Чабаньи сыновья,
А день сверкал во всей красе
Тебе, моя земля!

И словно плыл библейский вид,
Раскрылись гор хребты,
По разноцветью мшистых плит
Баранов шли гурты!

ВЛАДАС МОЗУРЮНАВ

ЗАВЕЩАНИЕ

За сколько же работ вы не успели взяться,
И сколько было их — непройденных дорог, —
А вы уже ушли за родину сражаться
С врагом, что край родной огнем железным жег.

У Минска пали вы, под Вильнюсом, под Оршей,
На кручах Немана, у Волжской быстрины,
По-соколиному был юный век ваш прожит —
Сыны народов всех советской стороны.

Вы умерли в бою, оставив завещанье
Для будущих времен, для боевых друзей,
Для тех, кто встретил день победы в ликованье
И в пламени знамен, которых нет родней.

И приказали вы на каменных скелетах
И там, где лишь камней разбитая гряда,
Построить города, залив их морем света,
Грядущих наших лет большие города.

Каналами связать моря вы приказали,
В зеленые поля пустыни превратить,
Вы приказали нам, чтоб мы пред миром встали —
Трудом великих дел все времена затмить.

Вы приказали жить так, как до нас не жили,
Своею кровью тот приказ скрепив,
Чтоб, если нужно нам, — земную ось сменили б,
Всех смелых мыслей взлет в деянья обратив.

Товарищи, под Вильнюсом, под Минском,
Под Оршей пали вы, а память о бойцах
Всегда звенит в сердцах, в работе исполинской
Народов родины, — и звону нет конца!

АЙБЕК

МОГИЛА ХАМЗЫ

(Из поэмы «Хамза»)

Он высоко лежит на родимой горе,
И кругом него горы стоят в серебре,
Высоки и крепки над уснувшим огнем,
Так крепка и народная память о нем.

Мы цветы принесли тебе утром одним,
О Хамза, мы склонились пред гробом твоим.
На вершине горы, на зеленом краю,
Поколенья запомнят могилу твою.

Враг клеймом темноты жизнь народа клеймил,
Темноту эту кровью своею ты смыл.
И Алай был прославлен победой твоей,
Что изгнала из недр его толпы теней.

Крылья песни служили тебе для высот,
В поле жизни любовь твою снова несет
В своей песне тобой сотворенный арык, —
Мир друзей уже в Хамзаабаде возник.

И героями в битве и в мирном труде
Твоих братьев, друзей прославляют везде.
И они в торжестве побеждающих дней
Свою славу приносят ко славе твоей!

и и
а.и

МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ

ДВА ПЛАТКА

Мне подарила свой платок, что лепестка нежней,
Белей, чем яблонь цвет в садах на родине моей,
Платок, как сердце, отдала тому, кто всех милей,
Та, что всю жизнь прошла со мной, как мать моих
детей, —
Девушка Таджикистана.

Люблю семью, хочу, чтоб крепким был мой род,
Пусть дети чистый воздух пьют родной страны высот
И хлеб едят, что честный мне, свободный труд дает,
Я берегу своих детей, как бережет народ и девушки
Таджикистана.

Другой, похожий на него, платок не наших мест,
Я получил из смелых рук — и смел был этот жест —
В Париже, во дворце Плейель, где мира шел конгресс,
Платок вручила мне она, чей нежен глаз разрез —
Девушка Вьетнама.

И не для горьких слез платок ей маленький служил —
В ее улыбке и глазах огонь свободы жил,
Ее улыбка, понял я, победа новых сил,
Победа жизни, торжество над темным сном могил,
Той девушки Вьетнама.

И вышита мечта ее была на том платке:
Вьетнама карта, и над ней, над картой в уголке,
Алело знамя, знак борьбы в том южном далеке,
Где тонко вышили его на шелковом куске девушки
Вьетнама.

Той дружбы знак, заветный знак я не принять не мог,
И этот маленький платок, большой любви залог
К советским людям, принял я и с гордостью сберег,
Ведь от жандарма на груди скрывала тот платок
Девушка Вьетнама.

Французы видели, что мне платок она дала,
И улыбались ей они, и в них мечта жила,
О вольной Франции мечта их на борьбу вела,
Как другу — девушке помочь, забота их влекла
К девушке Вьетнама.

В столице родины — Москве — недавно вспомнил я
На конференции за мир далекие края,
Тот белый, маленький платок, вьетнамские поля,
Искал я тщетно среди гостей: где девушка моя,
Девушка Вьетнама?

В лесах ли Банбо, может быть, идет она — смугла?
В долинах Намбо иль в горах Терумбо — весела?
В Сайгоне ли, в Хайфоне ли, где доки как скала,
Свободы знамя, знаю я, высоко ты несла,
Девушка Вьетнама.

Огонь на белом том платке еще алей сейчас,
И знамя реет, как призыв за мир встающих масс,
В одну семью в борьбе за мир объединяя нас,
Тебя храним мы, ты, борясь, хранишь нас в этот час,
Девушка Вьетнама.

Нам небо нужно, чтоб звезда светила с высоты,
Земля нужна, чтобы полям хватало широты,
Воронок, рвов, развалин нам не нужно темноты,
За это встали на борьбу, и с нами будешь ты —
Девушка Вьетнама.

И скоро белый свой платок ты, победив в бою,
В бою за мир, отдашь тому, кто знал любовь твою,
Отдашь под пальмой в счастья час в своем родном
краю, —
Как наши девушки, ты будешь растить семью свою —
Девушка Вьетнама.

ГАМЗАТ ЦАДАСА

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Воду радостей живых, ту, что старит молодых,
Молодит совсем седых,— будем пить, но не пьянеть.

Воду, что и пешехода может сделать конным с ходу,
Пешим — конного, ту воду будем пить, но не пьянеть.

Воду, что людей меняет, тех смеяться заставляет,
Тех слезами оmyвает,— будем пить, но не пьянеть.

Веселящую унылых, шутников бросая милых
В мрак унынья,— полной силой будем пить, но не
пьянеть.

Воду пенную стократы, золотящую заплаты,
В нищету сводя богатых,— будем пить, но не пьянеть.

Воду восходящей силы, оживляющую хилых,
В бой ведущую трусливых,— будем пить, но не пьянеть.

Ослабляющую ноги, затемняющую многих,
Сделав наш язык убогим,— будем пить, но не пьянеть.

Воду — пить ее пристало, когда есть в желудке мало,
В доме ж снеси до отвала,— будем пить, но не пьянеть.

Воду злую, коль без меры, воду пиршественной веры,
Украшающую смертных,— будем пить, но не пьянеть.

Оглуляющую воду, наливая, как в колоду,
Пить бессовестную воду — будем пить, но не пьянеть.

Льющуюся в темный час изо рта постыдно в таз,
Унижающую нас — будем пить, но не пьянеть.

Пробуждающую спесь, расхищающую честь,
Что не пьешь — все жажда есть, — будем пить, но не
пьянеть.

Воду, щедрую для друга, для врага скупую, кругом
Всю до дна в часы досуга будем пить и не пьянеть.

КАЙСЫН КУЛИЕВ

* * *

В землях многих как друг я, скитаясь, был,
У чужих очагов грел руки свои,
Хоть многих поэтов земли полюбил,
Сыном гор я остался, горы мои!

Горной речке в горах греметь суждено,
Но в равнине стихает ее волна,
Все же с именем тем, что в горах дано,
У истоков, к морю доходит она.

* * *

Как только ночь — полет прервав, садится
Любая птица в местности любой,
А ты, покой отвергнувшая птица,
Скажи мне, сердце, где найдешь покой?

Добравшись к морю, бурная, стихает
Река и в нем находит отдых свой,
А ты, река, что отдыха не знает,
Скажи мне, сердце, где же отдых твой?

— На свете много радости и боли, —
Мне сердце отвечает без тоски, —
И мы с тобой ничто без них, тем боле
Не верь, что в море отдых для реки.

* * *

Как пахнет трава на родимой земле,
Не в моей позабыть это воле,
Слышал в дальней дали, в полночной мгле,
Как шумят мои сосны в Терсколе.

Талисманом родная земля на груди —
Мне не надо ни лучше ее, ни светлей,
Нет, нигде не забуду, где б я ни бродил,
Как пахнет трава на родимой земле.

ТЕНЬ ОРЛА

«Как увидим орлиную тень на скале —
Нам удачу большую пошлет Абсаты»¹, —
Так сложили охотники гор, не полей,
Эту песню, слова у которой просты.

На заре шли в охотничий горный поход,
И, удачи не встретив в пути ни одной,
Все же пели: «К нам счастье дорогу найдет,
Тень орла на скалу упадет все равно!»

Когда тяжесть беды на плечах, как обвал,
Нес, в теснинах блуждая, мой крепкий народ,
Ту же тяжесть неся, я одно повторял:
«Все равно тень орла на скалу упадет!»

¹ А б с а т ы — мифический покровитель гор и леса.

ПЕСНЯ О ГАМЗАТЕ

Подымайте песню большой старины,
Как были гехинцы Гамзату верны.

За Терек ушли от погони,
И лодками стали их кони.

Нагайки их веслами стали,
Шли кони, пока не устали.

Тогда, окружены врагами,
Гехинцы легли за стогами.

«Сдавайтесь!» — враги им кричали,
Их пули в кольчуги стучали.

«Довольно сверкать вам очами,
Нет крыльев у вас за плечами,

Чтоб в небо взлететь бы ретивым,
Когтей нет, чтоб в небо уйти вам!»

Вскричал им Гамзат: «Вы забыли,
Что крымские ружья — нам крылья!

Что когти нам — шашки кривые,
И мы не сдадимся живые!»

Вскричал тут Гамзат муталимам:
«Сражайтесь неуголимо!

А вы, перелетные птицы,
В Гехи полетите проститься.

За нас долетите проститься,
Скажите, как стали мы биться.

Скажите красавицам ясным,
Что умерли мы не напрасно,

Что плечи свои не согнули,
Подставив, как стены, под пули.

Лежим на Черкесском холме мы,
Недвижны, в крови мы и немые.

Мы голые пашки сжимаем,
К нам волки приходят, хромая.

И вороны к нам налетели,
Не сестры поют нам — метели.

Скажите народу вы, птицы,
Что нами он может гордиться...»

И бросились в бой муталимы,
Сражаясь неуголимо.

Так пали гехинцы, Гамзату верны,
У Терека пенистой, вольной волны.

ШАНДОР ПЕТЕФИ

ВОЙНА ПРИСНИЛАСЬ КАК-ТО НОЧЬЮ МНЕ

Война приснилась как-то ночью мне,
На ту войну мадьяр позвали;
И меч в крови носили по стране —
Как древний знак передавали.

Вставали все, увидев этот меч,
Была пусть капля крови в жилах;
Не денег звон, как плату, нам беречь, —
Бесценный цвет свободы платой был нам.

Как раз тот день был нашей свадьбы днем.
Что нашей свадьбы, девочка, короче?
За родину чтоб пасть мне под огнем,
Ушел я в полночь первой ночи.

В день свадьбы, девочка, уйти на смерть —
Да, правда, это жребий страшный.
Но грянет бой, и я уйду, поверь,
Как я ушел во сне вчерашнем.

МАЖАРА С ЧЕТВЕРКОЮ ВОЛОВ

Не в Пеште было то, что расскажу я,
Там не до романтического сна,
Компания уселась на мажару,
Пустилась в путь она,
Влекомая тяжелыми волами,—
Две пары в упряжи темнеющих голов,
По большаку с мажарой
Так медленно четверка шла волов.

Ночь светлая. Луна уже высоко
Шла в облаках, всех облаков бледней,
Как женщина печальная, что ищет
Могилу мужа в тишине.
И ветерок ловил полей дыханье,
Был ароматов сладостен улов.
По большаку с мажарой
Так медленно четверка шла волов.

В компанье той присутствовал и я,
И был как раз соседом Эржикэ.
Пока другие тихо говорили
Или тихонько пели в уголке.
«Не выбрать ли и нам себе звезду?» —
Я Эржикэ сказал, смотря по верх голов.
По большаку с мажарой
Так медленно четверка шла волов.

«Не выбрать ли и нам себе звезду?» —
Мечтательно сказал я Эржикэ.

Пускай звезда к счастливым дням прошедшим
Нас приведет, когда замрем в тоске,
Если судьба подарит нам разлуку...
Мы выбрали себе звезду без слов.
По большаку с мажарой
Так медленно четверка шла волов.

* * *

Лишь война была мечтою
Лучшей в моей жизни,
Та война, где за свободу
Сердце кровью брызнет.

Есть одна святая в мире —
Лишь пред ней с любовью
Нам клинками рыть могилы,
Истекать нам кровью.

Имя той святой — свобода!
Все безумцы были
Те, кто слепо за другое
Жизни положили!

Мир, мир, мир, — но не тирана
Прихотью надменной, —
Мир, добытый лишь свободы
Силою священной.

А когда на свете будет
Мир всеобщий, дружный,
Вот тогда на дно морское
Мы швырнем оружие.

Но до той поры, оружие,
Нам до смерти биться,
Хоть до Страшного суда пусть
Та война продлится!

В СТО ОБРАЗОВ Я ОБЛЕКАЮ ЛЮБОВЬ

В сто образов я облакаю любовь,
Сто раз тебя вижу другой;
Ты — остров, и страсть оmyвает моя
Тебя сумасшедшей рекой.

Другой раз ты — сладкая, милая ты,
Как храм над молением моим;
Любовь моя тянется темным плющом
Все выше по стенам твоим.

Вдруг вижу — богатая путница ты,
И готова любовь на разбой;
И вдруг уже нищенкой просит она,
В пыль униженно став пред тобой.

Ты — Карпаты, я тучей стану на них,
Твое сердце штурмую, как гром;
Станешь розовый куст, вокруг твоих роз
Соловьем распоюсь над кустом.

Пусть меняется так любовь моя, но
Не слабеет, — вечно живая она;
Пусть тиха иногда, тиха, как река,
Поищи — не найдешь ее дна!

АНДРЕ АДИ

КОРАБЛЬ В ТУМАНЕ

Башни Татр в тумане дальнем,
Башни замков все в тумане,
Там и здесь, чуть-чуть, чуть видный
Свет вдруг вспыхивает малый —
Парус полон трепетанья.

То в венгерском нашем море
Сквозь туман, угрозы, горе
Сотни волн летят навстречу,
Что же будет нынче с нами
На безлюдном том просторе?

Мы плывем, летим, летим мы
Лишь вперед неукротимо,
Венгрия — страна тумана,
Лишь в тумане день грядущий,
Лишь туман несется мимо.

Но должны же мы причалить,
Волны нас не зря качали,
Ведь когда-нибудь покажем,
Всеми пушками мы скажем,
Что огнем зарю встречали!

НЕ ВЕРНУ ТЕБЕ...

Верну я все, что можно
Вернуть из дней былых,
Но не верну тебе я
Глаз твоих.

На меня пусть смотрят,
На озеро, на тебя,
На все, на что еще можно
Смотреть, любя.

Верну я все, что можно
Вернуть из дней былых,
Но не верну тебе я
Глаз твоих!

АНТАЛ ГИДАШ

* * *

Милая, поверь, хотел сказать я проще
О другом. О радости. В самом деле так.
О листвы рожденье, о весенних рощах.
В каждом слове славить я хотел любовь.
Но звезда лицо здесь облаком прикрыла.

МАРТ

Ну, кто тебя не любит, март бурлящий?
Склоняешься ты над землею спящей,
В объятия берешь, под поцелуев градом
Вся тысячами глаз дрожит, объятьям рада,
Ты будишь всю ее, прося, шепча, лаская,
Усердствуешь. И кровь струится, закипая.
Уж поцелуям счет потерян, в жажде шквала
Зачать здесь можно все, и здесь всему начало.
Бутоны-малыши с тобой смеются сами,
Играешь с веткой ты согнувшейся кудрями.
Неутомимый март. Во всем твой след находишь.
Ты входишь плотью в плоть. Душою в душу входишь.

Ну, кто тебя не любит, март бурлящий!

УБИЛИ МОЛОДЦА

Убили молодца
За шестьдесят монет
И в Тису головой —
Не ездил на коне.

Но Тиса, не приняв,
На мель его несет,
На свой корабль моряк
Тут молодца берет.

Приходит мать к нему:
— Склонись на грудь ко мне,
Встань, сын родной мой, встань.—
Не слышит в темном сне:

— Нет, встать я не могу,
И смерть в моих очах,
И смоль моих кудрей
Застыла на плечах.

Отец идет к нему:
— Склонись на грудь ко мне.
Встань, сын родной мой, встань.—
Не слышит в темном сне:

— Нет, встать я не могу,
И смерть в моих очах,
Примерзла мне к ногам
Медь шпор на сапогах.

Его голубка тут,
Он слышит, как во сне:
— Встань, розан мой родной,
Склонись на грудь ко мне.

— О роза, встану я,
Чтоб в ночь не уходить,
Раз верная любовь
Пришла меня будить.

* * *

Мчится Тиса перекатно,
Вниз стремится невозвратно,
Поцелуй плывет там милой,
Эх, коль жаль, бери обратно.

То светлей, то гуще вечер,
Милый мой идет навстречу,
Шляпу он приподнимает,
Эх, мне понравиться желает.

Что ты зря приподымаешь,
Что твоя — и так ведь знаешь,
Ты ж не в лавке куплен мною,
Сорван, как цветок весною.

* * *

За всю ту ночь и часа не спал я, как шальной,
Все милой розы жалобы я слышал до одной.
Устала в полночь правая рука моя.
И левою рукою обнял голубку я.

Ведь если надоело меня тебе любить,
Возлюбленного нового поищем, так и быть.
Дай бог, чтобы красивей, добрей меня нашла,
А мне бы лишь такую, какою ты была.

* * *

Храни ту улицу, господь,
Моя там роза бродит,
В алмазы камни превращу,
Пусть в них себя находит.

Карай ту улицу, господь,
Где бродит мой завистник,
Я камни в бритвы превращу,
Пусть рухнет, ненавистный.

* * *

Что, бедняжка роза, больно?
Я же парень, лекарь вольный,
Со всего цветы я царства
Соберу, сварю лекарства.

В моем сердце боль разбудишь —
Ты моей аптекой будешь.
Не ищи цветов всех царства,
Не вари из них лекарства.

* * *

Для того звезда, чтоб она сверкала,
Для того и женщина, чтобы изменяла,
Для того и мать меня на свет родила,
Чтоб сходить с ума мне по тебе.

Для того и лес, чтобы встал зеленой силой,
Для того и буря, чтоб его косила,
Для того и сердце, чтоб любило
И от горя треснуло оно.

* * *

Три дороги предо мной — на какой остаться?
Трое милых у меня — с кем мне расставаться?
Постоянен первый друг, второй — настоящий,
Третий будет мне как раз самый подходящий.

СТАНИСЛАВ ЕЖИ ЛЕЦ

О ЛЮЦИНЕ ГЕРЦ, ПОДПОРУЧИКЕ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО

Первую весть мне принес капрал с фронтовой газетой.
Сразу повеяло в штабе запахом лазарета.

Весть:

«Поручик Герц Люцина ранена тяжко,
Отняты обе ноги. Борьба за спасение жизни».
«Форсируя Вислу из Праги в Варшаву,
Когда во главе своей роты стрелковой...»

Можешь идти капрал. Прерви свое слово,
Это особый рассказ. Помню дела и дубравы,
Помню, помню, как это было.

На пламя костров, раздуваемых жарко,
В ночь Парчевских лесов девушка с неба упала,
Зонт карусели небесной — ее парашют — пригнало
Ветром попутным на нашу лужайку.

Семьдесят было ночных прыгунов тех отважных,
Точно спустились они к партизанам майора Клима.
Лесные мои молодцы издевались неутомимо.

Плюясь на рассвете: «Сопливая эта... туда же...
В пеленках еще, уже подпоручик — из тыла...»

Она ж у своих великую славу имела,
Была она как амулет для вояк крепкотелых.
Прелестно-серьезной и хрупкой в хаки военном,
Когда мы в строю, за сараем обыкновенным,
Под небо ударили вновь обретенной «присягой»¹.

¹ Стихотворение М. Конопницкой, ставшее боевой песней польских солдат.

Было чудесно и жутко, глаза мои наполнились влагой.
Циник, а слезы глотал, на песню челом опираясь.
Слезы я листьями вытер, пахли землей они польской.
Так повстречало отчизну с неба упавшее войско.
Время и лес нас сближали. Падали в пламень ветвистый
Слово за щепкой сосновой, ветки и вздох укоризны,
Я восхищался, Люцина, как ты командуешь жизнью,
Ты, что училась в Париже, ты, что была трактористкой,
Умницей, где-то в колхозе...

Шли мы с тобою в деревню,
Шла ты со школьной тетрадкой, к мундиру прижатой,
Знаками химии, что ли, сжала прошедшего даты!
Нет, то не знаки ученых — ненависти сгущенной.
Ты говорила: «Варшава», — и с детским порывом
Строила башни рукой, отмеченной взрывом.
В той партизанской кадрили то врозь мы, то вместе,
То от эсэсовцев кроясь, то от наймитов их лютых.
Соединяла нас ловля тайных в лесу парашютов,
Разъединяла погоня, чтоб снова с своими свести нас.
Лес подружил нас. Судьба разлучила. Короче:
Перед ней восхищенье осталось, признаюсь: нежное очень.
Помню я:

Не было с нами Люцины.
Дорога в июне нас ночью вела на Завепже,
Штаба усиленный взвод, ребята всех прочих покрепче,
Из первого батальона. Луна, как о железо,
Вызванивала о ночи, что из гранитного среза
Выжала б каплю песни. Мы лагерем, как по отвесу,
Шли, унося молчанье, вынесенное из леса.
Приказ, который был компасом нашего напряженья,
Каждый солдат угадывал в этом ночном движении.
Лязгали на повозках автоматы и диски,
Крепким орешком был он — этот приказ, нам близкий.
Край, что говорить, — изменой подмок, в болотном
окужье.

Оружье — его защита, как ливня, он жаждал оружия.
И надо его раздать многих селений жителям.
Хоть голое да босое, — по войско вооружить им.
Ждут мужики нас в хатах, рабочий ждет из Варшавы.
Шпиком уже был опознан, сумел удрать из облавы.
Когда вели его в лагерь, евреи ждут, одиночки,
Откопанные из ям, искатели разных точек
Зрения, интеллигенты, юнец, сбежавший с работы, —
Все ждали нас. На задание шли мы, полны заботы.

Путь железнодорожный. Взять через насыпь лучше.
Вдоль насыпи у бункеров глухо свистели «баншютце».
Вырос с самого дна нашего слуха поезд,
Устало, как мы, сопя. Небо о буфер било
Старым железом. Машины враг провозил, не кроясь.
Надо было обождать, но время нам пятки брило.
И вдруг ударила в сердце струя поднебесного
Грома. Дымит динамитом. Ночь ранена черным взрывом,
Корчится поезд горящий. И в миле от поезда тесно
Дрожит тишина, как рыба, чешуйчатым переливом.
А мы шли на запад. Роса играла на травах,
Транспорт врага был взорван.

Люциной взорван на славу.

«Форсируя Вислу из Праги в Варшаву,
Когда во главе своей роты стрелковой
Она под огнем покинула берег тот правый,
И дан был приказ наконец: на левый начать

переправу...»

К чему это я! Помолчим, как боль, невесомо.
Вторая весть была краткой. Душа холодеет.
Но скорбь о тебе, но память, что смерти сильнее,
За Вислу, к Варшаве твоей понесем мы.

АРТУР ЛУНДКВИСТ

* * *

Пойдем побродим под осенним небом,
Натягивают горизонты синеющий свод над сверкающим
дней.

А в небе ворота чудес им радуги строят,
Леса уже красны, вкусно пахнет зерно урожая,
Пойдем бродить, бродить по дорогам,
Будем встречать горе, нужду, страданье,
Минутную сладость придорожного счастья,
Встречая неведомое, которого так ожидали.

Может, радость найдешь в доме совсем незнакомом,
Через калитку, мимо идя, сорвешь поцелуй румяный,
Но в сладком плену не останься, а иди и иди,
Люби все, что придет, все, чего еще не было.
Реки все, что навстречу текут.

Так пойдем же побродим под радугою в сентябре.

ШТОРМ

Шторм приходит — буйный ребенок,
Для него все вещи — игрушки.
Он приходит, как пьяный парень,
Что шатается, грубо смеется, шутит.
Он на расстроенной адской шарманке играет —
Челка и черный взгляд.

Шторм срывает кирпичные лбы домов,
Рой хвастливых афиш на столбах,
Рвет с голов мужчин уважаемых шляпы,
Увлеченно играет юбками женщин,
Блеск рассыпав по улицам бедер их белых,
Траву заставляет дрожать, семена же — кружиться,
Гремит, пролетая, по леса темнейшим высотам,
Будит спящее море, корабли в глубину зарывая,
Шторм подходит ко всем нам близко —
К травам, к людям, к деревьям, к морю,
Неподвижностью скованным долго.
Шторм идет, когда бремя уж нам не под силу,
Кровь и реки прерывают течение.
Но ведь шторм не ломает цветов зеленую молодь?
В куски не разносит он синее море?

Птицы поют после шторма,
Лес свежеет;
Словно небо,
Море становится юным.

УТРО

Поселок лежит у моря,
Дома белы,
Волнами темными земля застыла.

Идет к поселку молодая пара,
И утреннее солнце в их глазах,
Они встречают рыбака седого,
Морского деда,
Корзина на его спине
Полна угрей зеленых,
Идет от моря он,
От лесок, сетей, лодок,
Они же от земли идут,
Румяные, листвою благоухая,—
Два лика жизни видит это утро.

ЛАНДШАФТ С ТЕЛЕФОННЫМИ ПРОВОДАМИ

Провода качаемы легко
ласточек рядами,
они — сладостная лира
для ветра.
Телефонные провода
чертят дуги на фоне
облаков,
сливаясь с волнами холмов,
с полетом ласточек.

Ласточки и провода —
это синтез линий
ландшафта.

МОРОЗ

Серебряным каскадом,
из-под земли летящим,
все в инее деревья.
И провода, смотри, висят —
жалкие веревки.
Все хрупко и звонко
в светлом, чистом морозе.
И топор лесоруба
схож с серебряным звоном
клавикорд очень старых.

СТАРЫЕ КОРАБЛИ

Есть берега,
где корабли, состарясь,
встречают смерть.
Они вонзают штевень
в песок глубоко,
ложатся тяжело на бок,
они гниют годами.
Глаза кают стеклянные в осколках,
давно умершие шторма
скрежещут в остовах разбитом,
и ржа и мох покрыли их борта
и палубу, что море просолило, —
и все же волны моют, моют день за днем,
чтоб корабля навеки смыть название.

ГЛИНЯНАЯ ФЛЕЙТА

Простая флейта я, из гибкой глины,
обожжена в огне.

И все же мягок голос мой,
как по весне у голубей,
я будто загорела, чуть красна.

Немного поиграй на мне, печальный странник,
перед тем, как просто бросишь,
и разобьешь, и в пыль меня затопчешь.
Ты вдуй в меня великий дух свой —
землю, море, космос!

ФАИЗ АХМАД ФАИЗ

О РОДИНА МОЯ!

По слову и по зову твоему,
По слову твоему, о Родина моя,
Верны тебе, пришли по зову одному —
По зову твоему, о Родина моя!
Что в дар тебе нести? Нет ничего у нас.
Есть только гордость, вдохновенья час,
Есть жизнь, в которой счастье не для нас,
Есть тело, лишь тряпьем прикрытое сейчас.
Вот что имеют все и чем владею я,
Но все, что есть у нас, о Родина моя,
Готовы все отдать по слову твоему,
Во славу Родины, по зову твоему,
И жизнь отдать тебе по слову одному.
Кто хочет зла тебе — полночною порою
Вновь шепчется с врагами, козни строя,
Торгуются, для них ты стала лишь товаром,
Честь продают твою — в цене она не даром.
Пока живые мы — такому не бывать,
Тем грязным торгашам тебя не замарать,
Мы не дадим тобой постыдно торговать,
Мы жизни отдадим по знаку одному —
Мы сложим головы по зову твоему,
Во имя Родины, по слову твоему!

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Где-то у края неба плещет света волна.
Город мук оживает только во время сна.
Только во сне загорается нетерпеливый взгляд,
В безмолвье разлуки приходят, зари лучи горят.
Чаша сердца, я лью в нее утреннее вино,
Горечью дня вчерашнего, ядом новым полна.

Где-то у края неба плещет света волна.
Манит неведомым утром, так далеко от глаз,
Неясная песня, неясный запах, неясное, но дорогое лицо,
В безлюдье разлуки образы, как призрачное кольцо.
Возникшая вдруг надежда, чей пламень во мне не гас,
Горечью для вчерашнего, ядом новым полна,
Пишу я о дне свиданья и о печали его,
Во имя друзей на родине и в странах необозримых,
Во имя красоты вселенной и прелести губ любимых!

ТЫ ГОВОРИШЬ...

Кончился бой уже, ты говоришь,
И никто не успел сразиться в бою,
Не смог показать всю отвагу свою,
Не поднял знамя, не встал в строю,
Чтоб показать, где бежали друзья,
Показать, где врагов затаила тишь,
Кончился бой уже, ты говоришь,
Что мы не сражались — о том молчишь!

Ты говоришь, что выхода нет —
Опускаются руки, изранено тело,
От каменной муки душа онемела,
А горе горами встает без предела,
Кто гор тех коснется, уходит в испуге,
Отходит сразу от дела.

Разве не можем мы пыль наших улиц,
Друзья, расцветить красою багряной,
Весной нашей крови? Разлить океаном
В ладони любимой алость тюльпанов?
Разве тут крик справедливый не грянет:
«Бери и владей!» — в громе и гуде...
Испытание страсти, что прошло — прошло,
Много ран, много мук позади — позади,
Впереди еще большие муки нас ждут, но иди!
Столько же будет еще впереди
Испытання, каких не встречали еще, — впереди!.

* * *

Воспоминанье о тебе так ночь приносит,
Как в тень руин весны виденье входит,
Как прилетает в зной пустынь прохлада,
Как в дом больному исцеленье входит.

* * *

На сердце скорби мировой пласты сегодня.
И каждого в слезах черты сегодня,
В развалины дворец повержен жизни,
Друг одиночества! Где ты сегодня?

* * *

В равнинах сердца печаль тая,
Тоской захлестнул я души края,
Сон жизни поможет смысл мира понять —
То знак, что проходит юность моя.

* * *

Одиночество, друг мой старинный,— сегодня нам не до сна.
Ты пришло, чтобы вечером поздним распить со мной чашу
вина,
Вот сидим мы вдвоем, ожидая восхода луны,
Чтоб в любой из теней колыхала твой образ она.

* * *

Защитники сытых, какого с нас, калек, захотели богатства?
Вот оно перед вами — все, что жизнь уделила нам наша,—
Сердце, ставшее горсточкой пыли, и кровавой печали
вино,—
Берите! Разжата ладонь и опрокинута чаша!

* * *

Каждую ночь ищет сердце тебя и зовет,
Каждый звук — песня слов твоих нежных над россыпью
рос,
Каждое утро мой взгляд украшает твой рот
Алостью всех, что есть в мире тюльпанов и роз.

* * *

В пору любви твоей — тропинку благословляю,
Славлю каждую нитку, отчизна, одежды твоей,
Крови каждую каплю, пылинку благословляю,
В сердце — тюльпанов — алую рану надежды твоей.

* * *

Каждый миг приходит снова, лик любимый отражая,
приходит снова!
И луна, тьму ночную поражая, приходит снова.
Мое сердце, понимаешь ты иль нет, но смотри и слушай,
сердце —
Звон любовных уверений грустный ветер, доставляя,
приходит снова,
Иль в мечте круговорота ветер вдруг — кудрей любимых
Ароматом окружая — приходит снова.
Хоть садовник и боится — запустеет сад любимый,
Но цветок, клинком зеленым к свету путь свой прорезая,
приходит снова!

АРМАС ЭЙКИЯ

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Один каземат нам пришлось разделять,
А был озорной я мальчишка,
А он был старик, научился стрелять,
Как с Красною гвардией вышел.

Сидел и читал я. В окошко старик,
Нахмурясь, смотрел без движенья.
Он видел веселый господский пикник
На теплом лугу в воскресенье.

Он видел господ, их любовниц полно,
Он видел их игры и песни,
Он видел — винтовку влачит, как бревно,
Наш стражник породы известной.

Он видел — березы и ивы цветут,
Он видел пушистую иву,
Он видел простор и — увы! — как растут
Столбы ржавых проволок криво.

Проклятья из уст его вырвались враз.
«Не бес ли вошел в тебя, старец?»
Вскочил тут старик, кулаками затряс
И грозно воскликнул в ударе:

«Не знаю, вошел в меня бес, может быть,
С ума здесь сойду я свободно,
Взгляни туда, вспомни, что должен растить
Детей пятерых я голодных!»

Затих он, подумал, вздохнул глубоко,
Сказал, за плечо меня тронув:
«Э, брат, видишь — жить старику нелегко,
Все кости слабеют и стонут.

Ты выйдешь на волю! Но знай, что гора
Пока еще с плеч не упала,
Там дебри глухие и для топора
Тяжелой работы немало».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Так годы за стенкой пропали,
Закона цепями звеня,
Тюремные дни миновали,
Вновь паспорт в руках у меня.

Тут сад и приснился мне пышный,
С черемухой сад, и во сне
Прелестная девушка вышла
С веселым приветом ко мне.

Я бредил весь вечер тот лунный.
«Встать с койки!» — надзор говорит.
И крикнул я старому гунну:
«Ты кости свои убери!

Не будем надсаживать глотки!
На шутки мне ваши плевать!
Но хвост этой ржавой селедки
С собой разрешите мне взять.

Нет, я не брезглив — как подарок
На память я хвост бы унес,
Селедку я съем, и не даром —
Как только ты вспомнишься, пес!»

Вы, цепи с решеткой, прощайте,
И, если не сдамся годам,
За вас, мои узники-братья,
Весь жар своих рифм я отдам!

Хоть финский народ наш любимый
В тяжелых мученьях живет,
Но, даже жестоко гонимый,
О вас не забудет народ.

Народ не исчезнет, как тени,
Не склонится в пыль он никак,
На белых тиранов гоненья
Он крепче подымет кулак.

Настроил я струны, чтоб пели
Мне марш выходной, и в ответ
Все двери тюрьмы загремели
Железом — шагам моим вслед.

Простился я с Косолы садом,
Что кактусом густо зарос,
И в Хельсинки, словно из ада,
Разбитые кости привез.

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

НА ВТОРОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ МИРА

Впервые весь цикл был опубликован в журнале «Знамя», № 6 за 1951 год.

На протяжении ряда лет Николай Семенович Тихонов действительно участвует в историческом движении за мир и безопасность народов. С 1949 года — он председатель Советского Комитета защиты мира, с 1950 года — член Всемирного Совета Мира. Он постоянный участник всемирных конгрессов и национальных конференций.

Во время многочисленных зарубежных поездок Тихонов неизменно встречался с людьми доброй воли — борцами за мир и о подобных встречах рассказал в ряде своих произведений.

В основу цикла стихов «На Втором Всемирном конгрессе мира» легли впечатления, полученные поэтом на состоявшемся в 1949 году конгрессе сторонников мира в Варшаве, на котором был создан Всемирный Совет Мира. Стихи эти, воспроизводя с фактической достоверностью обстановку конгресса — деловую и одновременно пафосную, — раскрыли вместе с тем напряжение и размах исторических событий, происходящих в разных странах.

Одно из наиболее сильных стихотворений цикла — «Во имя лучших радостей на свете» — впервые было напечатано в газете «Правда» от 22 ноября 1950 года. Стихотворение предпосланы сжатые, волнующие строки: «Польские дети приветствовали Конгресс мира цветами». Этот реальный, жизненный факт явился для Тихонова основой широкого поэтического обобщения.

ДВА ПОТОКА

(Стихи о Пакистане и Афганистане)

Впервые опубликованы в журнале «Знамя», № 8 за 1951 год.

В конце 1949 года Н. Тихонов вместе с советскими писателями А. Софроновым, Айбеком и Мирзо Турсун-заде совершил поездку в Пакистан, побывав по пути и в Афганистане.

Результатом этой поездки явились «Рассказы о Пакистане» (1950), цикл стихотворений «Два потока» (1951), «Рассказы горной страны» (1953—1954) и повесть «Белое чудо» (1956).

К созданию этих произведений Тихонов был подготовлен давно: в своем творчестве он неоднократно обращался к историческим судьбам народов Индийского полуострова («Сами» в 1920 г., «Индия в Москве» в 1923 г., «Индийский сон» в 1926 г., «Ворота Гаудана» в 1930 г.).

Богатство и глубина путевых впечатлений определили многоцветность образов цикла «Два потока» и его жанровое разнообразие. Здесь и своеобразное авторское размышление («Мы летим через Гиндукуш»), и развернутая, исполненная движения картина, в которой представлены люди Пакистана («Друзья»), и острое лирическое переживание, воспоминание о родине («Сон»). Стихотворение «Чили» — это страстная инвектива, исполненная ненависти к колонизаторам, обрекающим людей труда на гибель, голод, нищету. «Дуаб» — подчеркнуто путевое стихотворение; вместе с описанием случайного почлега, лирическое раздумье поэта и образы далеких друзей, оно передает воодушевление борцов за мир и безопасность народов.

Широта изображения и обилие стиховых красок имеют своей основой стремление поэта взглянуть на все, что было доступно его взору, и глазами своих героев — простых людей Пакистана, и глазами своего лирического героя — советского человека, отзывчивого, близко принимающего к сердцу интересы людей других рас и стран. Это и дало возможность поэту так щедро, точно и проникновенно передать черты духовной и материальной жизни далекого народа.

За циклы стихов «Два потока» и «На Втором Всемирном конгрессе мира» Тихонову была присуждена Государственная премия за 1951 год.

СТИХИ ОБ УКРАИНЕ

В разделе собраны написанные на протяжении 1953—1964 гг. стихи об Украине, ее социалистической нови, ее великих поэтах. Опубликованные в периодических изданиях, стихотворения — «Украина», «На родине Ивана Франка», «На горе, на Чернчье» затем были включены во второй том шеститомного собрания сочинений Н. Тихонова. М., «Художественная литература», 1968. Названные стихи вместе с напечатанными позднее — «Максиму Рыльскому», «Вкруг по полям туманов бродят клочья», «За Днепром, за большими полями...», «Что жизни мелочи и горечи...», «Моринцы», «Россия, Украина — дружба вечна...» — составили раз-

дел «Стихи об Украине» в двухтомнике «Избранных произведений» поэта, выпущенном издательством «Художественная литература» в 1967 году. Здесь возникает емкий, многокрасочный образ братской республики, с просторами которой поэт знакомится и любит — ими вместе с собратьями по перу, украинскими мастерами стиха.

Тихонов, как и обычно, избегает наивно-обстоятельных описаний, а добивается высокой концентрации словесных характеристик, обращаясь и к исполинам прошлых времен — Тарасу Шевченко, Ивану Франко и к нашему современнику Максиму Рыльскому, тогда еще здравствовавшему. Свидетельствуя о неразрывной дружбе России и Украины, он напоминает: «И «Заповит», как гимн, мы пели вместе, как вместе пели «Интернационал»...»

ПОД НЕБОМ ВОСТОКА

Цикл этот, отразивший путевые впечатления поэта, был напечатан в двухтомнике «Избранные произведения», т. II., М., «Художественная литература», 1967. О том, какие чувства владеют поэтом, когда он находится в далеких, но не чуждых ему краях, можно судить по стихотворению «Земляки встречаются в Мадрасе». «Сказок край по-бытовому ожил» — так характеризует поэт переход от первоначальных восприятий, от острых, броских ощущений к иным, более глубоким, устойчивым и серьезным. Жизненные наблюдения, накопленные Тихоновым в странах Востока, стали основой такого крупного произведения, как книга «Шесть колонн» — ее прозаически существенных и поэтически пропикновенных страниц. Стихи же этого цикла можно назвать листками из записной книжки. Но это блокнот поэта! И потому каждая из этих зарисовок таит чувство, мысль, обобщение, придающие «записям» особую ценность.

НА ЗЕМНОМ ПРОСТОРЕ

В этом разделе представлены стихотворения, публиковавшиеся на протяжении почти трех десятилетий в различных периодических изданиях и объединенные затем под настоящим названием в цикл, опубликованный во II томе «Избранных произведений» поэта. М., «Художественная литература», 1967.

Первый раздел цикла составляют по преимуществу стихи 1937—1940 годов. Предвоенная обстановка определила выбор тем и их истолкование. Тихонов искал в революционной борьбе про-

шлых лет истоки мужества, проявляемого советскими людьми в новых боях, которые в то время уже вспыхивали то на Дальнем Востоке, то на северо-западе. Его стихи разнообразны и по охвату фактов, и по жанровым особенностям. Здесь и эпизоды-воспоминания о боях против Юденича за красный Питер, объединенные в небольшой цикл «Петроград 1919», где поэту особенно удался образ стойкого часового, охраняющего подступы к городу-герою. Здесь и торжественная ода «Советский флаг», и группа стиховых рассказов о прошлом — «Воспоминание красноармейцев XI армии», и лирическое послание пограничникам, охраняющим Дальний Восток, и стихотворение «Перекличка героев», в котором слышны голоса советских воинов, доносящиеся со всех границ Советской страны. Наиболее широкое обобщение тема защиты социалистического отечества получает в стихотворении «Когда весь город празднично одет...». Нарисовав картину праздничного, ликующего Ленинграда, поэт обращается к памяти героев гражданской войны, погребенных на площади Жертв Революции, и призывает к солидарности тружеников всего земного шара в борьбе против фашизма.

Следующий раздел — «На земном просторе» — состоит из стихотворений, печатавшихся на страницах периодических изданий, по преимуществу в первой половине шестидесятых годов и посвященных событиям, которые происходили в разное время в различных странах. Богатство биографии Тихонова, его деятельная причастность к крупнейшим, значительнейшим движениям современности здесь выступают как нельзя более отчетливо. Вспоминая о виденном и пережитом, он изображает и освобожденную Софию («Девятое сентября 1944 года»), и столицу Германии в памятный день окончания второй мировой войны («Берлин — 9 мая»), и сражающийся непобедимый Ленинград («Невидимая линия»), и Латвию — ту, что была полем битвы в дни молодости поэта, а теперь стала мирной и цветущей в кругу своих сестер — советских республик («Латвия»).

Также разнообразны и люди, населяющие стихи Тихонова. Здесь старый генерал, июньским днем военного сорок второго года осматривающий один из участков ленинградской обороны и восхищенный, растроганный тем, что эта крепкая, ма́стерская работа была выполнена молоденькими девушками-комсомолками («Воспоминание»); юный горец, готовящийся сложить свой первый стих в трудном пути через снежные перевалы («Шахристанский перевал»); давний друг и соратник Тихонова — известный таджикский поэт Мирзо Турсун-заде («Мирзо Турсун-заде») и др.

Открывается второй раздел цикла строками, воссоздающими образ В. И. Ленина.

В настоящем издании к стихотворениям, составившим цикл «На земном просторе» в двухтомнике 1967 года, добавлены опубликованные после этого в периодической печати «Ленин в Разливе», «Полярной ночи светятся огни», «Прокофьеву», «В дни Победы» и «Утро Победы».

ВРЕМЕНА И ДОРОГИ

Книга «Времена и дороги», включающая стихи, написанные Н. С. Тихоновым в 1967—1969 годах, выпущена издательством «Советский писатель» в 1970 году. В ней три раздела. Первый — «Солнечный дозор» — охватывает судьбы различных людей и события подчас далеко отстоящих жизненных рядов. Тут делегаты Второго конгресса Коминтерна, и среди них Владимир Ильич Ленин, которые идут «в июль девятнадцатый, год двадцатый» по Дворцовой площади. И «индийский гость» — старый борец за свободу Рафик Ахмад, наконец, встретившийся с Москвою. И отважные братья и сестры Эллады с острова Сарема, верные солдаты революции. И Лиляна — «золотой Болгарии дочь», павшая в схватке с фашистами. Разные времена, разные страны... Но во всех случаях речь идет о лучших людях века, безраздельно преданных идеям коммунизма и жизнью доказывающих свою убежденность. И все они дороги поэту, хорошо известны ему: произносятся высокие, торжественные слова, он может опереться и на точные, достоверные данные, и на собственный сердечный опыт. Возникновение, развитие этого сложного чувства прослежено в стихотворении, давшем имя разделу.

Второй раздел книги — «Стихи о Ленинграде» — посвящен городу, с которым на протяжении десятилетий была тесно связана судьба Тихонова. Здесь он родился и вырос, отсюда ушел на фронт первой мировой войны и вернулся красноармейцем, чтобы защищать первый город революции от белогвардейцев; здесь он стал поэтом, здесь сражался с гитлеровцами. Годы блокады были временем не только невероятных лишений и тяжелого труда, но и глубоких размышлений, переживаний, усиливших любовь к Ленинграду, любовь выстраданную, осознанную, испытанную голодом, бомбежками, обстрелами, утратами.

В одном из своих писем военной поры к тогдашнему редактору «Красной звезды» Ортенбергу Тихонов рассказывал: «У нас мало движений и много раздумий и оптимизм, тот неистребимый оптимизм, чем мы живем эти полтора года». Точность этой характеристики может быть подтверждена всеми, кто находился в блокированном городе.

«Малая Гребецкая, 9/5» — так называется одно из стихотворений раздела. Здесь упомянут дом, в котором жила семья Марии Константиновны Неслуховской, жены поэта. Ее инициалы стоят и в посвящении, которым открывается этот цикл. В квартире ее отца, преподавателя пехотного юнкерского училища К. Ф. Неслуховского, с осени 1906 года до начала 1907 года работал В. И. Ленин.

Совсем неподалеку от Малой Гребецкой, 9/5, на той же Петроградской стороне, находится Зверинская улица, на ней — дом номер 2, а в нем квартира, в которой много лет жил Тихонов со своей семьей.

«Сколько нас, работников пера из всех республик и городов Советского Союза, ночевало под ее гостеприимным кровом!»¹ — писал Александр Фадеев в своих дневниковых записях «Ленинград в дни блокады». Он жил здесь и весной 1942 года, прилетев в осажденный город. И эта квартира, и ее хозяйка остались для писателя неотъемлемой характерной частицей, звеном ленинградской жизни и ленинградского подвига.

«То, что мы все здесь пережили, это было испытание характера,— говорила Фадееву Мария Константиновна,— мы, русские люди,— трехжилые. О ленинградцах можно сказать, что они выжили назло врагу. Николай сколько раз предлагал мне уехать, а я не уезжала, потому что знаю, что я и ему нужна и такие, как я, нужны в городе, потому что я все могу перенести»².

Эти строки достойны находиться рядом со стихами Тихонова, в которых он вспоминает о пережитом.

В стихах упоминается еще об одном ленинградском доме. Он стоит «на углу известных, старинных улиц». Здесь жил Герцен, бывал Шевченко, в помещавшуюся тут лавку колониальных товаров заходил Пушкин. Дом выстоял блокаду и, «похоже, до коммунизма доживет!».

Стихотворение об этом доме не случайно завершает «Стихи о Ленинграде» и непосредственно предшествует третьему разделу книги «Времена и дороги». Ведь отсюда, с улицы Большой Морской, а ныне Герцена, и начались странствия поэта, запечатленные в разделе, давшем имя книге. Тихонов изображает здесь Ташкент и Варшаву, Армению и Подмосковье, горные перевалы и берега Немана. Он пишет о разрушенной Хиросиме, о приснившемся поэту ночном сванском костре, о чудесах науки и техники,

¹ А. Фадеев. Собр. соч., т. IV. М., «Художественная литература», 1970, с. 109.

² Там же, с. 116.

поражающих мальчишеское воображение. Подлинно калейдоскопическое разнообразие интересов, проблем, обстоятельств места и времени!

Но суть дела в том, что все, что входит в стихи поэта, прежде вошло в его жизнь, стало душевным переживанием. Это он сам видел, «как первый летчик, с треском, трепыхаясь, вдоль над забором гордо пролетел»; он сам слышал, как плачут японцы «на земле сожженной»; над ним «сама варшавская сирена простерла щит свой»; это он и его друзья «шли с утра как будто по ступеням огромного Гегамского хребта»; он, глядя на «водяной, тоскливый, тусклый щит», что блестел в старой яме, не видной из-за садовых кустов, вспоминал, как «здесь танк стоял, зарытый и готовый своею грудью отстоять Москву»; он любовался девушками-трактористками, смеявшимися и певшими песни над Неманом-рекою; он был в гостях у старой балкарки в Кыртык-Ауше свежим горным утром; он сидел в ташкентской чайхане со своими друзьями Гафуром Гулямом и Айбеком, ведя душевные речи, наслаждаясь «словом, плывшим в зеленой чаше с лунным блеском напополам»; он, узнав людей Востока, решил рассказать о них так, «чтобы в книгах ожили они» и потом, прочитав про них написанное, признали его своим другом.

И он же, изображая летописца давно минувших веков, что вдруг оставил начатую запись, вышел в степь и принял ухом к земле, вместе со своим героем слушал, «затаив дыханье, дальний гул, что был с землею слит», вместе с ним «лежал, к земле припавши ухом, разгадать грядущее стремясь».

Огромный объем впечатлений, переработанных, освоенных поэтом, сопряженных, слитых воедино, деятельно истолкованных, получивших образную жизнь в стихе.

ПОЭМЫ

САМИ

Поэма «Сами» была написана в 1920 году и опубликована впервые в журнале «Красная Новь», № 4 за 1922 год.

В ней с замечательной простотой и силой раскрыта история индийского мальчика, почувствовавшего себя человеком и восторжествовавшего над своим угнетателем, белым сагибом, после того как в сердце этого мальчика вошел образ великого Ленина. Передав своеобразие представлений сына индийского народа о

свободной стране социализма, Тихонов с тем большей остротой подчеркнул всемирное значение Великой Октябрьской социалистической революции и ленинских идей, вдохновляющих тружеников всех национальностей на борьбу за свое освобождение.

ДОРОГА

Впервые опубликована в альманахе «Ковш». Л., 1925, № 2.

«Дорога» была написана в сентябре — ноябре 1924 года после поездки Тихонова в Закавказье. Хотя основой ее явились впечатления, полученные поэтом во время этого путешествия, она содержит и раздумья, касающиеся более широкого круга фактов, в особенности вопросов поэтического творчества. Именно в эти годы Н. Тихонов был занят поисками новых тем, новой образности, новых принципов стихосложения (см. примечания в первом томе к разделу «Поиски героя»). В «Дороге» поэт стремится не только рассказать о разном, но и рассказать по-разному, словно испытывая, пробуя различные аспекты и краски стихового слова.

Тихонов дает поэтический «очерк» тогдашнего тифлисского быта, противопоставляя атрибуты старого и приметы нового, приводит воображаемую беседу поэта с лермонтовским Мцыри, который представлен им сбежавшим из монастыря и... работающим на строительстве Земо-Авчальской гидростанции. Поэт обращается к недавним временам гражданской войны и размышляет о настоящем и будущем горских племен.

В одном из наиболее значительных разделов поэмы рассказывается о встрече поэта с маленькой пастушкой. Раздел этот проникнут характерным для творчества Тихонова гуманистическим пафосом, заботой русского советского поэта о народах и племенах, в те годы только начавших выходить из вековой тьмы и нужды на просторы, открытые перед ними социалистической революцией.

Показательно, что в заключительных строфах поэмы Тихонов снова вспоминает о маленькой осетинке. Именно этот обаятельный образ девочки-труженицы, утверждающий одновременно и реалистическую четкость стиховой характеристики, и благородную человечность поэтического замысла, завершает рассказ. Мотивы, связанные с образом горской пастушки, впоследствии получили развитие в стихах «Юрги», в повести «Клятва в тумане» и в ряде других произведений, посвященных возрождению народов Средней Азии и Кавказа.

Впервые поэма опубликована в альманахе «Ковш». Л., 1925, № 1. Написана в 1924 году так же по впечатлениям от поездки Тихонова в Закавказье — в частности, в Армению, вдоль границы, проходящей по реке Аракс. Тихонов воспеял здесь доблесть советских «хранителей границ» и с глубоким сочувствием говорил об угнетенных народах Азии, предвидя вместе с тем их грядущее освобождение.

ВЫРА

Написана в 1927 году и в том же году опубликована в журнале «Звезда», № 11.

Поэма «Выра» была примечательным явлением в советской поэзии двадцатых годов. Значительная по своей теме, по сюжету, воспроизводящему действительные события гражданской войны, и по выбору героя, поэма эта вместе с тем носила на себе следы усложненности, свойственной ряду произведений Тихонова тех лет (см. примечания в первом томе к разделу «Поиски героя»).

Герой поэмы — комиссар рабочей бригады, большевик Раков, именем которого впоследствии была названа одна из улиц Ленинграда, пал жертвой измены в период боев с бандами Юденича. Сосредоточивая внимание на последних днях Ракова, предшествующих его трагической гибели в деревне Выра близ Гатчины, поэт стремится осветить и более ранние этапы революционной биографии своего героя. Конфликт поэмы имеет широкое, принципиальное значение (речь идет о доверии) и предполагает психологическую разработку и точную обрисовку характеров. Вместе с тем в поэме встречаются строфы с той разорванностью ассоциаций, которая в ту пору осложняла стихи Тихонова.

КИРОВ С НАМИ

Впервые опубликована в газете «Правда», 1941, 1 декабря.

Поэма «Киров с нами» — одно из значительнейших произведений советской поэзии периода Великой Отечественной войны — была написана Тихоновым в ноябре 1941 года в осажденном Ленинграде. Сразу же после того, как была окончена рукопись поэ-

мы, Тихонов читал ее героическим рабочим Кировского завода. Вскоре ее услышали балтийские моряки, девушки-дружинницы, бойцы Красной Армии и народного ополчения — все, кого воспел поэт.

Впервые после многих лет (после «Выры» и «Дороги»), вернувшись к большой форме, Тихонов достиг замечательной силы и ясности выражения в этом жанре.

Прекрасный, героический образ С. М. Кирова давно привлекал воображение поэта. Он обращался к нему в «Стихах о Кахетии» (стихотворение «Гомборы», 1935), в стихотворении «Воспоминание красноармейца XI армии» (1937). В одном из своих военных стихов 1941 года Тихонов писал:

Снова Киров идет, проверяя посты,
Ополченцев обходит ряды...—

словно определяя вкратце тему и сюжет поэмы «Киров с нами». В ее строфах вырастает целостный и слитный образ города-героя, все жители которого охвачены единым патриотическим порывом. Эпически строгая стиховая речь поэмы порой приближается к лапидарности боевых донесений, звучит как призыв к борьбе. Спокойное и сильное движение амфибрахических ритмов естественно связывает простые и весомые слова.

«Вдохновение этой прекрасной поэмы сурово и возвышенно, как суров и нравственно возвышен великий город Ленина. Ритмика стиха — непреклонный марш, как поступь колонн, идущих в бой, будто отзвук грозных ударов копыт о скалу Медного всадника. Стих почти хрестоматийно ясен, точно рассказ для детей; в этом у Николая Тихонова сближение с его великим учителем Лермонтовым. Это песня сквозь стиснутые зубы. Полчища варваров должны отпрянуть, как ночные тени, при звуке железных шагов Кирова по ленинградским гранитам, звук его шагов — это биение сердца Ленинграда»¹, — писал А. Н. Толстой после появления поэмы.

Поэма «Киров с нами», по кругу охваченных в ней фактов и по характеру выраженных чувств, находится в тесной связи с повседневной журналистской работой Тихонова. То, о чем он писал в своих рассказах, газетных очерках и статьях, получило поэтически обобщенное выражение в поэме. Она была высоко оценена советской общественностью и удостоена Государственной премии.

¹ А. Н. Толстой, Собр. соч., т. XIV. М., Гослитиздат, 1950, с. 345.

СЛОВО О 28 ГВАРДЕЙЦАХ

Впервые поэма опубликована в газете «Красная Звезда», 1942 от 22 марта.

Тихонов, ведя в дни Великой Отечественной войны поэтическую летопись героических дел советских бойцов, рассказывал не только о защитниках Ленинграда. В марте 1942 года он написал поэму о советских воинах, преградивших фашистским полчищам путь к Москве.

Реальные факты подсказали поэту дальнейшее развитие одной из важнейших тем его творчества: дружбы народов, воодушевленных идеями коммунизма. Под стенами Москвы с вражескими полчищами сражались плечом к плечу русские, украинцы, казахи, белорусы — представители всех национальностей Советского Союза. Одну из славных страниц народной борьбы и запечатлел Тихонов в своей поэме, изобразив в ней подвиг доблестных солдат панфиловской дивизии.

НОЧЬ В СМОЛЬНОМ

Впервые опубликована в журнале «Новый мир», № 1 за 1949 год. Поэма написана Н. Тихоновым к двадцать пятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Поэт возвращается в ней к героическим дням обороны Ленинграда. Он изображает город, разрушаемый злобным врагом, охваченный кольцом блокады, работающим и непобедимым, рисует образы советских людей, воодушевленных патриотическим чувством. Подчеркивая прямую преемственную связь, существующую между различными этапами борьбы за укрепление и могущество Советского государства, поэт напоминает о завоеваниях Октябрьской революции, о ленинских декретах, обеспечивших мир всей стране, передавших землю крестьянам, заводы и фабрики — рабочим, рассказывает о ходоках с Урала и Сибири, несущих во все края правду идей коммунизма. Многоплановая картина сражающегося и созидającego города-героя соединяется в поэме с широкими обобщениями исторического порядка.

СЕРГО В ГОРАХ

Поэма написана Н. Тихоновым в 1957 году к сорокалетию Октября и опубликована в том же году в журнале «Знамя», № 10—12. Однако задумана она была значительно раньше. В днев-

никах Вс. Вишневского военных лет имеется запись, датированная сентябрем 1942 года: «Тихонов говорил о своей работе... Хочет написать трехчастную поэму о Кавказе, о Серго, о горах, о людях старого и нового века, о взаимовлиянии, о процессе изменения сознания, о проблеме Кавказа в истории России...»

Замысел этот, в точности осуществленный, вынашивался поэтом на протяжении двух десятилетий. Еще в 1939 году было написано стихотворение «Серго в горах», которое явилось «зерном» будущей поэмы (получившей то же название) и вошло в ее первую главу.

Тихонов рассказывает о том, как во время его странствий по горам зарождался замысел поэмы.

«Мы погружались с каждым днем все глубже и глубже не только в тайны весеннего горного Кавказа, но казалось, ветер истории дует нам навстречу и мы погружаемся в далекие героические времена гражданской войны.

Мы сидели у очагов в селениях, чьи сакли походили на разрушенные землетрясением дома: они были сложены из обломков самых разных камней, неровных, почернелых от копоти костров. Старая ингушка с лицом сивиллы говорила хриплым шепотом: «Здесь спал Серго, когда жил у нас». На обрыве над бешеной Ассой наш друг и проводник, участник боев тех давних дней, показывал на зеленую лужайку: «Здесь Серго любил отдыхать». Как из древней саги выходили имена, любимые в этих краях. Их запомнили поколения, потому что эти имена были рождены горскими народами и принадлежали их сыновьям.

То в дыму очага, то на открытом воздухе мы слушали песни и рассказы партизан про геройские дела красных джигитов, про начало великой дружбы народов, про братство, завоеванное и закалившееся в огне гражданской войны».

Слагая поэму о делах красных джигитов, Тихонов следовал своим давним, коренным интересам и стремлениям, продолжая традицию, начатую в его поэзии более тридцати лет тому назад, поэмами «Дорога» и «Красные на Араксе».

Поэт раскрывает большое человеческое обаяние Серго Орджоникидзе, естественно и пластично связывая образ этого выдающегося деятеля Советского государства с изображением окружающей его жизни горных высот. Картины природы, нарисованные в поэме, чрезвычайно разнообразны и многоцветны, они сопровождают весь рассказ об одном из героических эпизодов гражданской войны на Кавказе. Поэма эта, переведенная на ингушский и грузинский языки, проникнутая духом братства народов, объединенных совместной борьбой за свою свободу, воплощала предстоящее тор-

жество социалистического сознания над ограниченностью горского быта, над старыми обычаями, продиктованными национальной рознью и племенной враждой.

Серго, приехавший в селение хевсуров, объясняет своим новым знакомым, что происходит на Кавказе и по всей стране, какая война идет вокруг, на чьей стороне право и справедливость.

В поэме показано, как усилиями коммунистов приобщился к неодолимому движению современности еще один народ, живущий в отдаленном краю, следовавший многовековым, застывшим традициям. Хевсуры — народ малочисленный, но в его истории, как в капле воды, отразились общественные процессы мирового значения. Правдивое, верное слово Серго примиряет давних недругов — хевсуров и ингушей, раскрывая перед ними великие цели пролетарской революции. Только коммунизм объединяет народы — вот истина, которую подтверждает поэма «Серго в горах» всей своей образной логикой.

МЫС ДОНДРА

Поэма написана в 1959 году (сентябрь — декабрь) и опубликована в журнале «Знамя», № 1 за 1960 год. В ней дает себя знать характерное для поэзии и прозы Тихонова последних лет — вершинное видение — способность смотреть на жизнь с высоты не только горной, но и нравственной, исторической, духовной. Уже начальная строфа поэмы передает не только особенности цейлонского пейзажа, но и переживания поэта, потрясенного просторами, ему открывшимися. Тихонов проникает взором далеко на юг, в морозные глубины Антарктиды, зимовщики которой шлют через всю планету привет работникам станции, что стоит на льдине у Северного полюса.

Тихонов мысленно идет по Москве, по ленинградским набережным и, увлеченный сменой широт, материков, стран и народов, обдумывает и развитие истории, и собственную свою жизнь, нераздельно связанную с эпохой. Мыс Дондра становится для него не просто географическим пунктом, а местом подведения нравственных, творческих итогов.

Особенно важно здесь — постижение новой, меняющейся Азии. Тихонов изучал жизнь ее народов десятилетиями и счастлив видеть их возрождение, рост, завоевание ими независимости. Здесь источник пафоса его прозаических и поэтических произведений, посвященных современному Востоку.

ПЕРЕВОДЫ

В ряду других мастеров русской советской литературы Н. Тихонов много сделал для укрепления дружбы между народами, для сплочения художников слова различных национальностей нашей страны и своими оригинальными произведениями и переводами. В послесловии к книге избранных переводов «Поэты советской Грузии», выпущенной издательством «Заря Востока» в Тбилиси в 1948 году, он писал: «Тринадцать лет тому назад я впервые приступил к работе над переводами грузинских советских поэтов. Эта работа увлекла меня целиком и раскрыла мне богатейший мир таких поэтических вдохновений, который поразил меня своим радостным восприятием жизни, силой красочной образности, новизной и щедростью ощущений». В последующие годы Тихонов переводил украинских, белорусских, грузинских, литовских, таджикских, узбекских, аварских, кабардинских, балкарских, чеченских, армянских поэтов, а из зарубежных — венгерских, польских, шведских, пакистанских, финских и др. Как правило, он переводит тех авторов, чье творчество отражает действительность, ему самому знакомую и близкую. В выполненных им переводах поэтов Грузии встают цветущие долины Кахетии, сванские ущелья, вершины и леса, еще ранее воспетые самим Тихоновым. Армения, Дагестан, Кабардино-Балкария словно живут и в его собственных стихах и поэмах и в переведенных им произведениях поэтов братских республик. Примечательно, что внимание Тихонова привлекло стихотворение А. Венцловы, в котором литовский поэт воспевал Грузию.

Переводы венгерских поэтов сделаны Тихоновым для большой антологии венгерской поэзии (М., Гослитиздат, 1952), создание которой явилось важным шагом на пути сближения советской и венгерской культур.

В своих переводах Тихонов старается сохранить особенности каждого поэта, «донести его голос как можно более естественно, избегая всякой грубой вольности и вместе с тем не держась ограниченного деспотизма подстрочника».

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

На Втором Всемирном конгрессе мира

1950—1951

Во имя лучших радостей на свете	7
Рубашка	8
Флаг	9
Американская история, рассказанная на конгрессе .	11
Пак Ден Ай	13
Делегат	15
Варшава	17

Два потока

Стихи о Пакистане и Афганистане

1951

Мы летим через Гиндукуш	18
В Хайберском проходе	20
Форт Джамруд	23
Инд	25
Холмы за Равальпинди	26
Зебу	29
Богач	30
Бычок (У большой дороги)	32
Друзья	33

Коробка сигарет	37
Другу («Это смесь из огней...»)	39
Святой человек	40
Сон («Ночной Лахор в покое...»)	42
Песни	43
Лирическое	45
Чили (<i>Коршуны</i>)	47
Два блюда из Дакки (<i>Пакистанская песенка</i>)	49
На митинге в деревне	51
Птицы («Нет, я не мрачный человек...»)	52
Тонга	53
Встреча в Читтагонге	54
Кочевники-патаны	56
Вечер в пути	59
Дуаб (<i>Два потока</i>)	60
Ворота Искандера	63
Огни Термеза	64

Стихи об Украине

1953—1964

Украина	66
Максиму Рыльскому	68
На родине Ивана Франка	69
«Вкруг по полям туманов бродят клочья...»	70
«За Днепром, за большими полями...»	71
«На горе, на Чернечьей...»	72
«Что жизни мелочи и горечи...»	73
Мóринцы	75
«Россия, Украина — дружба вечна...»	77

Под небом Востока

1959—1962

Земляки встречаются в Мадрасе	78
Сигирия (<i>Львиная скала</i>)	80
Рыбы в пути	81
Апчар	83
«Жемчужных птичек перья...»	84
На развалинах Пальмиры	85

Беженец-араб	86
Краски Чунцина	87
В китайском театре	88

На земном просторе

1937—1965

I

Советский флаг	89
Перекличка героев	90
Когда весь город празднично одет	92
Петроград, 1919	
1. Часовой	95
2. Враги	96
3. Англичане	97
4. Город. Ночи обороны	98
5. Бой	99
«И о битве ночной, и о злобном враге его...»	101
«Когда людям советским в их мирном сне...»	102
Воспоминание красноармейца XI армии	104
Комсомольская ода	108
Заздравный тост	111
Москве 800 лет	113
«Как будто осветила вдруг гроза...»	114
Пушкину	115
Пабло Неруда	117
Аветику Исаакяну	119
Песня о комсомоле	120
«Дважды было рождение мое...»	123

II

«Под сосен снежным серебром...»	125
«Даль полевая, как при Калите...»	126
Чудо на лугу	127
Девятое сентября 1944 года	128
Латвии	130
Сибирь	132
Песня о Советском Союзе	133
Шахристанский перевал	134
Мирзо Турсун-заде	135

Воспоминание	136
Невидимая линия	138
«Есть такое в ленинградцах...»	139
Берлин — 9 мая	140
«Великим океаном нашей жизни...»	141
Ленин в Разливе	142
«Полярной ночью светятся огни...»	143
Второе декабря — песенный день	144
В дни Победы	146
Утро Победы	147

Времена и дороги

1967—1969

Солнечный дозор

Солнечный дозор	149
Броневик	151
«Июль девятнадцатый, год двадцатый...»	152
Герберт Уэллс в России	154
Латышские стрелки	156
«В Смольном комната есть небольшая...»	158
Индийский гость	159
На паровозе (<i>Рассказ машиниста</i>)	161
Эллады с острова Сарема	163
Костер у Смольного	165
Говорят ленинградцы	166
Лиляна в Пловдиве	167
Кремль	169
Смена караула	170

Стихи о Ленинграде

Часть первая

«Тогда заря звалась Авророй...»	171
«Какой-то гул глухой...»	173
«Один тиран, не будем имя...»	174
«Лес полон то звоном, то воем...»	175
«В той же комнате, где Пушкин...»	176
Стрела папуаса	177
«Какое уже на войне любованье?..»	178
«Когда мы слышали слова...»	179

Часть вторая

Малая Гребецкая, 9/5	180
«Мы прожили вместе так долго...»	182
«Когда все то, что мы любили...»	183
«Небо с облачным глетчером...»	185
«Здесь мы, родясь когда-то...»	186

Часть третья

Предмайский снег	187
Верблюды у памятника Пржевальскому	188
«Варяг»	189
Дом	190

ВРЕМЕНА И ДОРОГИ

«Есть полянка на Москве-реке...»	192
В горах	193
«С юности мечтал я о Востоке...»	194
Вечерняя чайхана стариков в Ташкенте	195
Кыртык-Ауш	197
«Лес хорош, прохладен, светел...»	199
Над Неманом	200
Яма в пригородном саду	201
«Армения вставала откровеньем...»	202
Летописец	203
Час тишины	204
Маки	206
Сирена Варшавы	207
Сон	209
«Опять стою на мартовской поляне...»	210
«Человек не рожден работать...»	211
Дети мира	212
У костра	213
«Сейчас берут в полет...»	214
«Наш век пройдет...»	215
День страны	216

ПОЭМЫ

Сами	219
Дорога	223
Красные на Араксе	241

Выра	247
Киров с нами	266
Слово о 28 гвардейцах	271
Ночь в Смольным	282
Серго в горах	287
Мыс Дондра	360

ПЕРЕВОДЫ

С украинского

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

«Коль умру — похороните...»	371
---------------------------------------	-----

С грузинского

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

Вечно в доспехах	372
----------------------------	-----

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

Все песни	373
---------------------	-----

КАРЛО КАЛАДЗЕ

Скажут обо мне...	374
-----------------------------	-----

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

Книге «Носящий тигровую шкуру»	375
--	-----

Поэту	377
-----------------	-----

ИОСИФ НОНЕШВИЛИ

Осенняя ночь в Кахетии	379
----------------------------------	-----

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

Моя песня	380
---------------------	-----

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

Сбылась мечта поэтов	381
--------------------------------	-----

СИМОН ЧИКОВАНИ

Вечер застаёт у Хахмат	383
----------------------------------	-----

САНДРО ШАНШИАШВИЛИ

Кто сказал	386
Кахетинская невеста	387

ПАОЛО ЯШВИЛИ

Дебедачайская ночь	391
------------------------------	-----

С армянского

АВЕТИК ИСААКЯН

«Эй, отчизна-джан...»	393
Колокол свободы	394

С литовского

АНТАНАС ВЕНЦЛОВА

В горах за Кировабадом	396
----------------------------------	-----

ВЛАДАС МОЗУРЮНАС

Завещание	398
---------------------	-----

С узбекского

АЙБЕК

Могила Хамзы (Из поэмы «Хамза»)	400
---	-----

С таджикского

МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ

Два платка	401
----------------------	-----

С аварского

ГАМЗАТ ЦАДАСА

Застольная песня	403
----------------------------	-----

С балкарского

КАЙСЫН КУЛИЕВ

«В землях многих...»	405
«Как только ночь...»	406
«Как пахнет трава...»	407
Тень орла	408

Из чеченского эпоса

Песня о Гамзате	409
---------------------------	-----

С венгерского

ШАНДОР ПЕТЕФИ

Война приснилась как-то ночью мне	411
Мажара с четверкою волов	412
«Лишь война была мечтою...»	414
В сто образов я облакаю любовь	415

АНДРЕ АДИ

Корабль в тумане	416
Не верну тебе...	417

АНТАЛ ГИДАШ

«Милая, поверь...»	418
Март	419

Из венгерской народной поэзии

Убили молодца	420
«Мчится Тиса перекатно...»	422
«За всю ту ночь и часа не спал я...»	423
«Храни ту улицу, господь...»	424
«Что, бедняжка роза, больно?..»	425
«Для того звезда, чтоб она сверкала...»	426
«Три дороги предо мной -- на какой остаться?..»	427

С польского

СТАНИСЛАВ ЕЖИ ЛЕЦ

О Люцине Герц, подпоручике Войска польского	428
---	-----

Со шведского

АРТУР ЛУНДКВИСТ

«Пойдем побродим под осенним небом...»	431
Шторм	432
Утро	433
Ландшафт с телефонными проводами	434
Мороз	435
Старые корабли	436
Глиняная флейта	437

С урду

ФАИЗ АХМАД ФАИЗ

О Родина моя!	438
Одинокое заключение	439

Ты говоришь...	440
«Воспоминанье о тебе так ночь приносит...»	441
«На сердце скорби мировой пласты сегодня...»	442
«В равнинах сердца печаль тая...»	443
«Одиночество, друг мой старинный...»	444
«Защитники сытых...»	445
«Каждую ночь...»	446
«В пору любви твоей...»	447
«Каждый миг приходит снова...»	448

С финского

АРМАС ЭЙКИЯ

Старый солдат	449
Возвращение домой	451
<i>Примечания</i>	455

Тихонов Н.

Т 46 Собрание сочинений в 7-ми томах.

Т 2. Стихотворения. Поэмы. Переводы. Примеч.
И. Гринберга. М., «Худож. лит.», 1974.

480 с.

Во втором томе Собрания сочинений Н. С. Тихонова представлены стихотворения поэта 50—70-х годов, в том числе из книг, удостоенных Государственной премии за 1951 год: «На Втором Всемирном конгрессе мира» и «Два потока», из книги «Времена и дорога», поэмы «Сами», «Дорога», «Красные на Араксе», «Выра», «Киров с нами» и др. А также переводы с украинского, грузинского, армянского, литовского, узбекского, таджикского, венгерского и других языков.

Т $\frac{70402-317}{028(01)-74}$ подписное

Р2

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ТИХОНОВ

Собрание сочинений

Том II

Редактор *З. Кондратьева*

Художественный редактор

В. Горячев

Технический редактор

Л. Родионова

Корректоры

А. Новикович и В. Широкова

Сдано в набор 23/V 1973 г. Подписано к печати 17/I 1974 г. А 02205. Бумага типографская № 1. Формат 84×108¹/₃₂. 15 печ. л. 25,20 усл. печ. л. 17,76 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Заказ 222. Цена 1 р. 50 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

**НИКОЛАЙ
ТИХОНОВ**

2